

Федеральное агентство по образованию
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
Нижневартровский государственный гуманитарный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ВИДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Материалы VII Международной научной конференции

г. Нижневартовск, 3 декабря 2009 года

**Издательство
Нижневартовского государственного
гуманитарного университета
2010**

ББК 71.0
Д 39

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Редакционная коллегия:

доктор философских наук, профессор *В.И.Полищук*
(ответственный редактор);
кандидат философских наук, доцент *Е.В.Гутов*;
научные сотрудники лаборатории проблем региональной культуры
Л.А.Бальбердина, А.А.Никифорова (технические редакторы)

Д 39 **Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия:** Материалы VII Международной научной конференции (г.Нижевартовск, 3 декабря 2009 года) / Отв. ред. В.И.Полищук. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2010. — 229 с.

ISBN 978–5–89988–773–4

Сборник содержит материалы VII Международной научной конференции «Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия», посвященной актуальным проблемам философии, теории и истории культуры, региональной культурологии, вопросам экономики и права, проблемам образования.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений.

ББК 71.0

ISBN 978–5–89988–773–4

© Издательство НГГУ, 2010

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Р.А.Бурханов
(г. Нижневартовск)

МЕТАФИЗИКА НАДЕЖДЫ ГАБРИЭЛЯ МАРСЕЛЯ

В своем творчестве *Габриэль Оноре Марсель* (1889—1973 г.) опирался на описание опыта экзистенциальных и религиозных переживаний личности, в котором подход к действительности как совокупности объектов, предлагаемый наукой, не может служить основанием осмысления мира¹. В его философии акцент перемещается с познавательного отношения между субъектом и объектом на отношение эмоциональное, а основная проблематика принимает форму взаимоотношений между переживаемым и переживающим, которые мыслятся нераздельными.

Поэтому фундаментальным условием человеческого бытия для Марселя является *нахождение в ситуации*: не в той или иной отдельной ситуации, а в ситуации в мире в целом. Субъект-объектное отношение возникает на уровне рефлексии, однако первично данным являюсь Я сам в мире, как наличный в ситуации.

Фиксация конкретного единства духовно-телесных феноменов — отправной пункт теоретизирования Марселя. Мое включение в пространственно-временной синтез, в Космос, происходит через мое тело, считает философ. «Я» — не только «мое тело», а «моя жизнь», не нечто предметное, объективное, познаваемое, а переживаемое, волевое. Я присутствую в мире, как «воплощенный» в нем. «Я» — это выражение вторичности тела, в отличие от которого душа есть «чистое бытие».

Следовательно, познать творческую субъективность человека означает признать его «бытие» как *тайну*, а не как проблему. «Проблема» — это вопрос, который может быть рассмотрен сугубо объективно, вопрос, в решение которого не вовлечено бытие спрашиваемого. «Тайна», или «таинство», напротив, вовлекает в свое решение бытие вопрошающего. Если рассмотрение действительности как «проблемы» выливается в объектно-вещный подход, то познание «тайны» предполагает интимную погруженность личности в тотальность бытия. Так, метафизика в противоположность физике есть духовный мир не проблем, а таинств.

Марсель констатирует сопричастность личности тотальности божественного бытия, данной через «озарение». Свойственное таинству «соучастие в бытии» приводит к сверхрациональному единству субъекта и объекта, невыразимому в образах, понятиях и словах. То, что является для меня истинным, не требует проверки, поскольку это «неопосредуемое непосредственное».

Французский мыслитель фиксирует ситуацию всеобщего отчуждения, где человек стремится к *обладанию* вещами. В этом проявляется опредмечивающая хищническая установка по отношению к миру, ближним и себе самому, которой соответствует абстрактное и объективирующее мышление. Противопоставляя «бытие» и «обладание», как два радикально различных способа существования, Марсель приписывал первому состояние озарения «божественной истиной», а во втором видел деградацию устремлений личности в погоне за мирскими благами.

Человеческое бытие, считал он, немислимо вне общения с другими людьми, вне коммуникации. Как человеческая личность индивид сущностно открыт «другому». Исконно человек живет не в отграниченности, но в *соучастии* в делах ближних и божественном бытии. Таковое он воспринимает во внутреннем, покорном бытии *благоговении*. Причастность к бытию осуществляется в *любви*, безоговорочно подаренной «другому» и тем самым указывающей на Бога как абсолютное «Ты».

Таким образом, Бог у Марселя вовсе не умопостигаемая первопричина всех вещей и не объект рационального познания, Его бытие не доказывается, а просто принимается. «Призыв или молитва... является единственной живой связью души с Богом...»². В рефлексии отношений интерсубъективности Я «открываю» для себя Бога как трансцендентный Абсолют, считает философ, и мне становится известно о направленности моей личности к абсолютному «Ты». Следовательно, любовь к людям основана на любви к Богу и отношении к другим индивидам как «детям Божьим».

Осмысляя ситуацию современного человека, Марсель приходит к выводу, что самодовлеющий индивид, конституировавшийся в Новое время на почве картезианства и Спинозизма, гибнет, раздавленный или тоской научно-технического прогресса, или тревогой перед тем, как промышленная и социальная инженерия порабощает человечество и создает средства его быстрого уничтожения. Индивид оказался низведенным до состояния, когда он воспринимает себя как агрегат функций. В эпоху торжества науки человек выглядит униженно слабым перед собственным созданием: техника безжалостно разъяла его индивидуальность. Именно поэтому мудрость конкретного индивида, рискующего жить сознательным замыслом, может быть только трагической.

Философ полагал, что «неподлинность» межчеловеческих отношений — вовсе не продукт социальных обстоятельств, а результат забвения религиозно-нравственных норм существования людей. «Подлинный» человек — это личность, устремленная к миру высших ценностей. Нам, брошенным в материальный, «расщепленный» и бессмысленный мир, в результате собственных усилий надлежит найти абсолютные ценности, которые существуют в Боге. Эти усилия — личное дело каждого индивида, внутренняя тайна каждой личности, но они касаются интерсубъективных ценностей. Ибо, хотя мы существуем каждый по-своему и сам по себе, основа и смысл бытия у нас общие.

Марсель предлагает перейти к такому состоянию в жизни людей, когда центральное место будет отводиться не обществу, которое является лишь квазисубъектом, или псевдосубъектом, и не научно-техническому прогрессу, который сам по себе не в силах способствовать достижению всеобщего счастья, а конкретной личности. Прогресс, считает он, может осуществляться двумя путями. Первый способ мобилизует людей путем внешнего принуждения, искусственного давления, оказываемого более сильной группировкой людей на более слабых. Другой же способ состоит в том, чтобы пробудить среди людей подспудную силу взаимной связи, единодушие, чей источник — Божественный Свет³.

Эта онтологическая вовлеченность человека в смирение, любовь и веру рождает надежду. Наша ночь «человеческого удела» может, если не освещаться, то хотя бы «прокалываться» неким мистическим озарением. Надежда и есть подобное «пронизывание» индивидов Светом бытия. Беспомощный перед подлостью, ужасом и жестокостью окружающего мира человек с надеждой взывает к Богу. Ведь надежда — не только протест, продиктованный любовью, но и своего рода призыв, отчаянный крик о помощи, обращенный к союзнику, который сам есть Любовь. «Как это ни покажется странным наивному рассудку, — пишет Марсель, — существует любовь без условий, выдвигаемых одним существом другому, — дар, который не может быть отнят»⁴.

Надежда представляет собой акт *веры* человеческого существа в возможность Божьей помощи. Это не только мольба человека о благодати, но и само состояние благодати, упраздняющее тоску и отчаяние. «Надежда же состоит в утверждении, что есть в бытии, — восклицает философ, — некое тайное начало, которое заодно со мной, оно не может не хотеть того же, чего хочу я... если то, чего я хочу, действительно этого заслуживает, если этого взыскует все мое существо»⁵. Поэтому «восходящая диалектика надежды» предполагает, что надежда переходит в плоскость *спасения*. Другими словами, надежда есть ответ конечного существа на бесконечное бытие, о котором оно знает, что обязано ему всей своей сутью и не может ставить ему никаких условий. Философия надежды укоренена в экзистенциальном опыте, опыте «встречи» человека и бытия и углубленного общения индивидов, ведущего к свободному познанию себя изнутри интерсубъективности.

Таким образом, теистический экзистенциализм Марселя стремится преодолеть человеческое отчуждение, утверждая личностное общение с другими людьми и Богом. Христианский мыслитель пытается пробудить в человеке чувство глубины и загадочности и показать, что каждый индивид может найти свое настоящее «Я» в сознательном отношении к людям как конечным существам и Богу как бесконечному «Ты»⁶. Но хотя философия дает индивиду надежду и помогает человеку осуществить экзистенциальный выбор, она не может сделать выбор за самого человека.

Примечания

¹ См.: Губман Б.Л. Марсель Габриель // Современная западная философия: Словарь / Сост. и отв. ред. В.С.Малахов, В.П.Филатов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 246—247.

² Марсель Г. Человек, ставший проблемой // Марсель Г. Трагическая мудрость философии: Избр. работы. М., 1995. С. 138—139.

³ См.: Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 352—364.

⁴ Марсель Г. Опыт конкретной философии. М., 2004. С. 108.

⁵ Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // Марсель Г. Трагическая мудрость философии: Избр. работы. М., 1995. С. 88—89.

⁶ См.: Коллстон Ф. История философии. XX век. М., 2002. С. 193—203.

Б.В.Емельянов
(г.Екатеринбург)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ГНЕЗДА РОССИИ (КОНСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Существует несколько методологических подходов к изучению истории русской культуры: источниковедческий, историографический, проблемный, персоналогический, компаративистский. Все они в той или иной полноте давно находятся в орбите интересов историков русской культуры. Но есть еще один, как бы «неизвестный» методологический подход — рассмотрение русской культуры через призму «культурно-исторических гнезд».

Еще в 30-е годы XX в. этот подход использовали историки русской литературы, включая его в географическое (краеведческое) пространство русской литературы. В этом ключе они исследовали семью С.Т.Аксакова и его сыновей — славянофилов.

Этот подход, как я считаю, вполне применим и в истории русской культуры, а не только литературы. Если применять понятие «культура» достаточно широко, то таких культурно-исторических гнезд в России можно обнаружить немало.

Во-первых, это семьи. Таких семей, внесших большой вклад в развитие русской культуры, несколько. Прежде всего, это семья Соловьевых, в которой дед был богословом, профессором Московской духовной семинарии, его сын С.М.Соловьев — выдающийся русский историк. Не менее знамениты и его дети: Вл.Соловьев — самый известный философ России, Вс.Соловьев — писатель и драматург, Поликина (Аллегро) — поэтесса серебряного века. К семье Соловьевых принадлежал и внук С.М.Соловьева князь С.М.Соловьев — философ проведший в сталинских лагерях десяток лет. Семьями как культурно-историческими гнездами России можно назвать семью Рерихов, князей Трубецких, Лосских, Бежда, Васнецовых и не менее десятка других.

Во-вторых, это салоны (например, Елагиных), кружки (от кружка петрашевцев, в котором состояли Ф.Достоевский, М.Салтыков-Щедрин, до кружка «Воскресение» А.Мейера и Эмигрантского Пражского Лингвистического кружка Н.Трубецкого и Якобсона), общества (их в России было много: от общества декабристов, и до Философско-религиозного общества им. Вл.Соловьева, и до общества воинствующих материалистов-диалектистов, и современного Философского общества), объединения художников (например, передвижники), музыкантов (например, «могучая кучка»), литераторов (футуристы, акмеисты и т.д.). Сюда же можно отнести творческие союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов, дизайнеров. Наконец, сюда же можно отнести такие культурно-исторические гнезда, как политические, философские, религиозные течения, братства, ассоциации (например, эмигрантское евразийство, Парижское братство Св.Софии, Вольная философская ассоциация и др.).

В-третьих, это редакции периодических изданий, которые в силу специфических социально-политических условий России, собирали творческие силы русского общества. Россия такими содружествами богата. Это знаменитая редакция «Современника» 50—60 гг. XIX в., редакционный круг журнала «Вопросы философии и психологии», редакция «Нового мира» при Твардовском. К таким культурно-историческим гнездам имеет смысл отнести и редакции некоторых издательств: например, Сабашниковских, издательства «Путь» начала XIX в., толстовского издательства «Посредник» или частные издательства 20-х годов «Колос», «За друга». Наконец, культурно-историческим гнездом можно считать неизменное ядро авторов самых известных публицистских сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины».

В-четвертых, в определенные периоды своей истории такими гнездами русской культуры были отдельные учебные заведения: Киево-Могилянская академия в нач. XVIII в., Славяно-греко-латинская академия второй половины XVIII в., Царско-Сельский лицей начального периода своего существования, некоторые средние учебные заведения.

Наконец, культурно-историческими гнездами, вероятно, можно считать в определенные периоды ссылки политзаключенных (например, религиозная конгрегация читинской ссылки декабристов или вологодская ссылка начала XX в., где одновременно находились, общались, устраивали дискуссии Бердяев, Богданов, Луначарский, Савитков, Щеголев и др.), и эмигрантские диаспоры (например, берлинская, пражская, парижская в 20—30-е гг.).

Такой мне видится перспектива исследования культурно-исторических гнезд русской культуры. Названные ее области, вероятно, требуют обсуждения и дополнения, к чему я и призываю коллег.

ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА СРЕДСТВАМИ ХРИСТИАНСКИХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ XIX ВЕКА

Особый интерес представляет перенесение осмысления проблем социализации личности из плоскости исключительно психолого-педагогической в пограничье этики, эстетики и христианского нравственного богословия.

Во-первых, классическое искусство является несомненным кладом как традиционных общечеловеческих моральных идеалов, так и концептуализированных авторами псевдо-ценностей. Раскрыть этот парадокс, помочь в моральном выборе молодому человеку может христианская эстетика, рефлексирующая о духовных смыслах «знакомых незнакомцев» — литературных классиков, духовное осмысление которых на школьной скамье было затруднительным в силу возрастных возможностей.

Во-вторых, изучая по-новому классическую литературу, молодежь улучшает не бытовую, а именно художественный вкус, совершенствуется в искусствоведческом аспекте образования.

Литературно-эстетические средства духовной социализации в первую очередь касаются студента-гуманитария вообще, и соискателя педагогических специальностей, в частности, ведь в школе его ждет культуртреггерская работа. Российская система образования делает акцент на воспитательном потенциале курса «Основы христианской культуры», украинская общеобразовательная школа избрала курс «Христианская этика», что свидетельствует о возросшей потребности любого учителя-предметника быть компетентным в сфере христианского содержания классической литературы для поддержания межпредметных связей и ведения воспитательной работы в школе.

Особым духовно-воспитательным потенциалом наделена литературная сказка, которая в силу культурно-исторических детерминант в XIX веке еще крепко была укорененной в христианской аксиологии.

В первую очередь стоит упомянуть *рождественскую литературную традицию*. Тянется она от британца У.-М.Теккерея, который основал «современную сказку» в «Перстне и розе», сложив этот сюжет для собственных дочерей в канун Рождества Христова во время римского путешествия. Автор «Ярмарки тщеславия» мечтал создать сказку, которую прочтет и дитя, и зрелый человек, а это возможно тогда, когда сквозь сказочную мишуру проглядывает библейская притча. Теккерей писал: «Есть ли на свете новые сюжеты?... Образы и характеры кочуют из одной сказки к другой...Разве не с первых страниц человеческой истории берут начало ложь и любовь?».

Христианскую традицию, связанную со светской культурой мостиком общеевропейской чтимости праздника Рождества, наиболее глубоко поддерживает Г.-К.Андерсен. В одном из шедевров — «Снежной королеве» — отслеживается *христианский хронотоп* (композиционно, так как завязка происходит в канун праздника, возле бабушки — носительницы традиционной религиозной культуры, сюжетно подчеркивается относительность времени (в саду цветочной колдуньи, в замке у Снежной королевы, по возвращении домой). Сказка демонстрирует концентрацию художественной направленности на *проблему функций зла* (смертельная сила дыхания и поцелуев Снежной королевы, но беспомощность ее перед головоломкой и любовью). Х.К.Андерсен касается также христианской темы *искушения и духовной стойкости человека* (Герда преодолевает искушение вечного покоя, что граничит с атаксией, чары гедонизма, анархизма и даже испытание физических пределов человека холодом и болью, черпая силы в молитве).

Герою сказки А.Погорельского «Черная курица или подземные жители», малычику Алеше, известно искушение тщеславием, что гомологично творчеству В.Гауфа, точнее сказке «Калиф-аист», ведь Алеша стремился не к чему-либо доброму, а лишь к внешне блестящим знаниям, именно за блеском гносеологическим тянется и Калиф: знание языка животных приносит не наслаждение, а страдание. О.Уальд в сказке «Человек, который умел творить чудеса» конструирует ситуацию, в которой герой посвящает на статус теурга, временно получая дар волевым усилием получать воплощение желаний. При этом свидетелем и корректором содержания «чудотворения» выступает священник. Но попытка повторить одно из библейских чудес (остановка времени, которую вымолил у Господа Иисус Навин), завершается полным фиаско, но и торжеством креационистского тезиса о тварности человека, ограниченности человеческого творческого произвола трансцендентным порядком.

В литературной сказке XIX века рельефно выступает религиозный мотив «Невесты», как художественной проекции теологемы «Невесты Невестной», женского личностного начала, предназначенного для *духовного брака* с самим Богом, Иисусом Христом. С.Аксаков в «Аленьком цветочке» гениально продолжил пушкинскую линию «Невесты», выписал безымянную купеческую дочь, которая оставила суетный мир ради коммуникации высшего порядка, общения духовного, а это неизбежно приводит героиню к любви «всем сердцем, всюю душою, всем разумом своим». Редуцировано эта линия в русской сказочной традиции представлена и в творчестве А.Грина. Мотив «Невесты» представлен образом мечтательницы Ассоль, которая, словно христианская блаженная, дождалась своего мистического Суженого. Абсурдистски-логически обращает к чистому и по-детски прекрасному образу «Невесты» Алиса в Зазеркалье Льюиса Керрола — девочка, которая преодолела все испытания и стала Белой Королевой. «Невеста» как вариация предстает в образе другой девочки, способной на спасение семейного микрокосма, коей является маленькая Вирджиния в сказке

О.Уальда «Кентервильское привидение». Четко и ясно религиозно-аскетически решает мотив «Невесты» Г.-К.Андерсен в «Русалочке», поставив героине целью выстрадать человеческую душу и ее бессмертие.

Таким образом, литературная сказка XIX века выступает достойным предметом эстетико-религиоведческого анализа для установления семантических связей с христианской аксиологией. Литературная сказка является неисчерпаемым резервом духовного воспитания, ибо может быть перепрочитана в религиозно-этическом ключе, что важно для целостного формирования студентов-гуманитариев.

О.А.Колотова
(г. Чернигов, Украина)

ОБРАЗ ЗЕРКАЛА В ЛИРИКЕ А.АХМАТОВОЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОИСКА САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Издrevле зеркало считается одним из самых загадочных предметов интерьера. Внесенное художником в мир искусства, «зеркало» выполняет смыслообразующие и формообразующие функции, выступая как художественный образ, определенный символ, принцип творчества. Символические, изобразительные и сюжетно-композиционные возможности «зеркала» широко использовались поэтами «серебряного века»: А.Ахматовой, А.Белым, В.Брюсовым, М.Волошиным, З.Гиппиус, В.Хлебниковым, В.Ходасевичем и др. Обладая, помимо поверхностных и наглядно-карнавальных, глубинными, философскими измерениями, зеркало в творчестве этих поэтов отразило поиск самоидентичности национального субъекта в шатком, хаотическом мире пересмотра традиционных гуманистических ценностей европейской культуры.

Цель статьи — попытка исследовать смысловую наполненность образа зеркала в лирике А.Ахматовой.

Отличительной чертой поэзии А.Ахматовой является четкость изображения внешней обстановки, интерьера, своеобразная стереоскопичность деталей¹. Каждая вещь при этом несет огромную эмоционально-смысловую нагрузку. Среди изображаемых предметов зеркалу отводится особая роль.

Зеркало из первых книг А.Ахматовой — обычный предмет из женского обихода. Но его появление в произведении никогда не бывает случайным. В зеркале происходит самообъективация героини. В зеркале она видит себя такой, какой ее видят окружающие:

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок»...²

М.Бахтин писал: в зеркале «мы видим отражение своей наружности, но не себя в своей наружности, наружность не обнимает меня всего»³. Но героиня Ахматовой перед зеркалом ищет именно себя в своей наружности, определяет, какая доля внутреннего содержания поступает на внешнюю орбиту. «Взор...не ясен, не ярк» и глаза, сурово глядящие, — это нечто большее, нежели просто внешность. В этих художественных деталях, по-ахматовски емких, отражается вся глубина внутренних переживаний, душевной драмы героини. Зеркало дает возможность взглянуть на себя со стороны. И в этом смысле зеркал в ранней лирике А.Ахматовой больше, чем названо: во многих произведениях героиня видит себя в интерьере, будто бы глазами постороннего человека; там, где говорится «я», мы видим «она»⁴.

Более того, череда колоссальных по своему масштабу исторических событий, вызывая ощущение иллюзорности, шаткости, непрочности мира, приводит к появлению в ахматовской лирике мотива проживания чужой жизни:

...И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит...

С этим мотивом часто связано появление зеркал:

Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины.

Зеркало, отделяя внешнее от внутреннего, создает множество двойников, теней, отражений:

Не погибла я, но раздвоилась,
А двоим нам места в мире нет...⁵

Такое отделение внешнего от внутреннего, как правило, болезненно переживает героиня Ахматовой, но, вместе с тем, оно дает возможность преодолеть время и пространство:

Я с тобой неразлучима,
Тень моя на стенах твоих.

Среди отражений и теней, среди двойников, преодолевая время и пространство, лирическая героиня ищет себя самое. На свою собственную судьбу Ахматова проецирует судьбы классических литературных героинь. Персонажи, которых Ахматова по внешним или внутренним причинам связывала с собой, становились точкой отсчета для толкования или предсказания собственной жизни. Зеркалами Ахматовой называет античных героинь Кассандру, Дидону, Федру

российский исследователь Т.В.Цивьян в одноименной статье⁶. Собственная жизнь становится для Ахматовой повторением прошлого и предчувствием будущего. При всей необычайной конкретности переживаний, героиня Ахматовой не только человек конкретной судьбы, но и отражение бесконечного множества биографий и судеб:

Я голос ваш, жар вашего дыханья,
Я отраженье Вашего лица...

Тема бесконечных воплощений, делающих несущественной телесную смерть, переходит в «Полночные стихи»:

Какое нам в сущности дело,
Что все превращается в прах,
Над сколькими безднами пела
И в скольких жила зеркалах.

Собственно, и сами «Полночные стихи» — осколки когда-то разбитого зеркала:

Если бы брызги стекла, что когда-то, звеня, разметались,
Снова срослись — вот бы что в них уцелело теперь.

Разбитое зеркало играет у Ахматовой традиционно роковую роль:

Не оттого, что зеркало разбилось...
...Я на пороге встретила его.

Некоторые культуры (например, китайская) связывают понятия «зеркало» и «пустота». У Ахматовой зеркало не остается пустым: даже если в нем ничто не отражается, зеркала живут своей жизнью:

Только зеркалу зеркало сниться....
«О том, что происходит в зеркалах, лучше не думать».

Возникает мир «зазеркалья». Само же зеркало при этом выступает как граница между «там» и «здесь». Причем упоминается часто рядом с другими границами: порогом («я сама, как тень на пороге»), окном. В «мартовской элегии» выстраивается ряд таких границ:

Кто же бродит опять у **крыльца**
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному **стеклу**
И рукою, как веткою, машет?
А в ответ в паутином углу
Зайчик солнечный в **зеркале** пляшет (выделено нами — К.О.).

При этом если окно (стекло) — граница с внешним, реальным миром, то зеркало — граница, предел с миром за-предельным, с миром, перед которым Ахматова всегда останавливалась в своем раннем творчестве, с миром, в который входит поэтесса в творчестве зрелом. Вход в Зазеркалье — это углубление в тайные непознанные миры, где трудно что-либо понять с помощью обычной логики, где можно только почувствовать или даже предчувствовать. Сам образ Зазеркалья чрезвычайно емкий, он концентрирует в себе много значений. Попробуем остановиться на некоторых.

Леонид Зыков, комментируя стихи Анны Ахматовой, пишет, что поэтесса «объединяет это пространство с загробным миром»⁷. Вместе с тем, «зазеркалье» — это и мир внутренний, его глубины. В «Последнем стихотворении» из цикла «Тайны творчества», объясняя рождение стихов, Ахматова пишет:

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом...
Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого...

Ночью нет других источников отражения в зеркале, кроме «я». Значит, стихи и появляется из «я», но «я» отчужденной. Ахматова-поэт будто со стороны наблюдает, что происходит с Ахматовой-человеком.

Зазеркалье одновременно хранит в себе будущее:

Что таится в зеркале? — Горе...
Что шумит за стеной? — Беда...

и прошлое:

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал.

Оттуда же, из зазеркалья, появляется «Поэма без героя», сама собой представляющая систему зеркал. В прозаических вступлениях к главам Ахматова описывает «декорации» действия: «Белый зеркальный зал», «Белый (зеркальный) зал снова делается комнатой автора...» В этих зеркалах отражается карнавальное шествие масок — реальных лиц и зазеркальных гостей, двойников автора и характерных для эпохи театральных, литературных, музыкальных персонажей. И все же единственный героем поэмы некоторые исследователи называют автора: «От неумения видеть в самом авторе единственного героя поэмы происходит... главная беда в ее восприятии» [5, с. 309]. Таким образом, «гости из зазеркалья» — это образы собственной памяти, образы пережитого, живущие в глубинах сознания. И, вместе с тем, это образы мировой истории, в которую автора бросила судьба.

Клио, музу истории, эллины изображали с овальным зеркалом в руке. И в зеркале Клио, и в системе зеркал поэмы синтезировано личное и всечеловеческое, общее и частное, российское и мировое, текущее и надвременное. Когда биография мира столь перенасыщена событиями, личные биографии растворяются в происходящем:

Словно в зеркале страшной ночи,
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближается не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

Мировая история, отраженная в зеркалах «Поэмы без героя», — это не просто история императоров и вождей, мятежников и палачей, войн и мирных договоров, это личное переживание. Поэтому личные впечатления, которые зачастую кажутся незначительными — театральные постановки, литературные произведения, музыка, отдельные лица, — создают атмосферу, дух эпохи, историю народа такой, какой она отразилась в душе лирической героини. Насыщенность поэмы зеркалами — и названными, и подразумеваемыми (тени, двойники, цитаты) — помогает передать зыбкость, изменчивость, нестабильность, вечное движение времени. И, вместе с тем, отразить глубины внутреннего мира автора, создать настроение, «ауру» литературного произведения.

Следовательно, можно заключить, что образ зеркала в лирике А.Ахматовой, выступает, с одной стороны, двойником героя, внешним, отделившимся от внутреннего и встречающимся с ним, а с другой — границей между реальным миром и загробным, между настоящим, прошлым и будущим, между сознанием и глубинами подсознания, между рациональным и иррациональным, отражая поиск самоидентичности лирической героини.

Примечания

- ¹ Павловский А.И. Анна Ахматова: Жизнь и творчество. М., 1991. 192 с.
- ² Ахматова А.А. Узнают голос мой...: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. М., 1989. 608 с. (Здесь и далее)
- ³ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1978.
- ⁴ Судакова О.А. Шкатулка с зеркалом // Ученые записки Тартуского государственного университета. 641. Труды по знаковым системам. XVII. Тарту, 1984. С. 93—108.
- ⁵ Виленкин В.Я. В сто первом зеркале (Анна Ахматова). М., 1990. 336 с.
- ⁶ Цивьян Т.В. Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини — зеркала Ахматовой // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 29—33.
- ⁷ Зыков Л. Николай Пунин — адресат и герой лирики Анны Ахматовой // Звезда. 1995. № 1. С. 83—100.

ПОД СИГНАТУРОЙ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ. ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТИ ПОГИБШИХ НА ВОДАХ

Христианство пришло в Украину-Русь с крымской земли, находящийся в X веке под духовным влиянием Византии. Киевский князь Владимир принял крещение в Корсуне (Херсонесе, ныне район Севастополя) и распространил христианскую веру и учение Христово по всему киеворусскому государству. Вместе с новой верой и церковной догматикой Киевская Русь восприняла и византийский архитектурный стиль, иконографию, культ святых. Почитание святости приобрело высшее духовное значение. — «Дивен Бог во святых Своих» (Пс., 68, 36).

Ныне черноморское побережье Крыма вновь возрождается для духовной жизни, освящается и украшается храмами во имя Господа, прославляя Благодать Божию и Его духовного сонма, всего круга святых, стоящих близ Престола Господнего. Особо почитаются в Православной Церкви Троицкие, Богородичные, Святительские соборы и иконы, составляющие сакральные сигнатуры — знаково-смысловые системы христианской духовной культуры. Каждый новый храм — это духовная соборность верующих, где происходит воскресение души и ее подготовка к жизни вечной и блаженной. Посещение храма, участие в литургии духовно укрепляет социальную и родовую память, чувство любви и сострадания к братьям и сестрам во Христе. В благодеении «торжествуют святые во славе» (Пс., 149, 5).

«Всеединство добродетелей» и «всепобеждающую благодать» христианство видит, в частности, в Святителя Николае, бывшим архиепископом в Мирах Ликийских, известным как Великий Чудотворец. Диакон Неаполитанский Иоанн (IX в.) в жизнеописании свт. Николая указывал: «на земном шаре нет места так отдаленного, такого глухого, нет уединения или пустыни, где ни просияли бы слова и чуда благочестивейшего владыки Николая-исповедника» [Цит. по: 1, 45—46].

В иерархии святых православной церкви свт. Николай занимает высшее место, находясь в одном сакральном ряду с Иисусом Христом и Богородицей. Часто он представляется как «ангелов и пророков равностоятель». Некоторые современные богословы считают, даже, что, вообще, разгадка души русского народа кроется в почитании св. Николая Угодника [2]. Распространенность и всеобщее принятие культа Николая на Руси объясняется мистической взаимосвязью трех наиболее чтимых Православной церковью святых — Святителя Николая, Преподобного Сергия Радонежского и Преподобного Серафима Саровского. Отмечается схожесть их жизненных судеб и путей, а главное, — глубочайшее почитание ими Пресвятой Троицы, что являет их в критические годы истории народа как «озарение Трисолнечного света». Глубокая вера в Чудотворца на Украине

зиждется также на особенностях украинской культурной ментальности, ее кордоцентризме, порождающем восприятие мира как «свята» (праздника), перманентное ожидание чуда [3]. Отсюда неиссякаемая народная надежда на «чудного заступника», который избавляет от мрака скорбей и нашествия бед «лучами чудес».

Святитель Николай не только, как никто другой, близок к людям, погибающим в море скорбей и бед. Он славен и тем, что непосредственно спасал от потопления, выносил потопляющих на сушу из глубины морской, и вообще есть «добрый кормчий Христова корабля». Как упоминается в церковном песнопении, для плавающих по морю он — Правитель.

Эти «морские» и «корабельные» смыслы сигнатуры святителя Николая Чудотворца достойно воплотились в храмовом комплексе памяти погибших на водах, что воздвигнут в поселке Малореченском Алуштинского района Автономной Республики Крым. Напоминающий одновременно и ковчег, и маяк, православный храм Николая Мирликийского как бы парит над морем, издали выделяясь на фоне синих небес и бирюзовых вод. Выдвинутый на высоком мысу прямо в глубины морские, он символизирует «надежду безнадежных», память погибших на водах, «отчаявшихся скорое утешение». Видный со всех сторон света, белоснежный, с золотисто-солнечным сиянием, храм словно напоминает слова св. Димитрия Ростовского: «Великого Чудотворца Николая знает весь Восток и Запад, и все концы земные известны о его чудотворениях».

Храмовый комплекс включает в себя и Музей морских катастроф. Воздавая должное мученичеству и героизму павших на водах, память о них подвигает к поминаению, вселяет надежду на спасение душ погибших в мире вечном. Сигнатура Святителя Николая, объединяя церковь и музей, дает благословение всем находящимся на море, веру в избавление от гибели. — «Море же освятится шествием твоим» (Кондак службы перенесения честных мощей Святителя и Чудотворца Николая, глас 3).

Замысел и религиозно-идейное содержание мемориально-архитектурного комплекса на Черном море основываются на неисчислимых чудесах свт. Николая Мирликийского, связанных с водной стихией и спасением от потопления. Известно, что сразу после рождения (ок. 280 по Р.Х.), во время длительного обряда крещения младенец Николай, никем не поддерживаемый, простоял в купели в течение трех часов. Еще при жизни Святитель прославился как избавитель от «напрасной» (т.е. внезапной) смерти, в т.ч. и на водах. Напомним некоторые чудесные спасения от потопления.

Однажды, в пути на корабле в Палестину свт. Николай Мирликийский проявил дар глубокого прозрения и чудотворения: предвозвестил наступающую жестокую бурю и силой своей молитвы усмирил ее. Тут же на корабле воскресил юношу-матроса, который упал с мачты на палубу и разбился насмерть. Когда корабль пристал к берегу, совершал многочисленные чудеса [4].

Другой корабль, плывший из Египта в Ликию, был застигнут бурей. Сорвало на нем паруса, сломало мачты, волны готовы были поглотить корабль, обреченный на неминуемую гибель. Никакие силы человеческие не могли ее предотвратить. Одна надежда — просить помощи у Святителя Николая... Погибающие корабельники стали горячо молиться, — и вот Святитель Николай появился на корме у руля, стал управлять кораблем и благополучно привел его в гавань [4].

Известны также чудесные извлечения из пучины морской многих людей, поверивших в святую силу Николая Чудотворца, данную Иисусом Христом, и воззавших к Угоднику в искренней молитве. Это истории избавления от потопления константинопольского патриарха Афанасия, попросившего прощения у Святого за неуважение к его иконе; богомольца Димитрия, плывшего из Константинополя на богослужение в церковь св. Николая; другого благочестивого константинопольца, почитавшего память Христова Угодника; инока-черноризца Николая, со слезами молившегося заступнику мореплавателей. Как сказано: «Веруйте, и подчинятся ветры и воды!».

По блаженной кончине святителя Николая, вся поднебесная исполнилась его чудес, в т.ч. и на территории святой Руси. В «Четьях-Минеях» рассказывается, что в Киеве, в день памяти свв. мучеников Бориса и Глеба, некий киевлянин, возвращаясь с праздника домой по Днепру, потерял ребенка. Жена его, державшая ребенка на руках, задремала и уронила его в воду, тот утонул. Отец стал рвать волосы на голове своей и горячо молиться Николаю. Жена также терзала свои волосы и била себя по щекам. Настала ночь, и вот скорый на помощь всем призывающим его архиерей Христов Николай совершил дивное чудо, какого не было в прежнее время. Ночью он взял из реки утонувшее дитя и положил на хорах храма святой Софии, живым и невредимым. Служитель церкви увидел на хорах перед образом св. Николая ребенка, всего вымокшего в воде. Потом об этом узнали отец и мать ребенка, молились с умилением и слезами. Услышав о сем, все люди стекались посмотреть на чудо, и собрался весь город Киев, славя Бога и св. Николая [5].

Знали и почитали Угодника Божьего даже в греческом поселении в устье реки Танаиса (ныне Дона). Его жители были спасены Великим Чудотворцем, когда отправились кораблем в Миры, чтобы поклониться святым мощам. Были преодолены диавольские козни, вызвавшие бурю на море, и танаитяне исполнили свое благочестивое желание. И сегодня, как предрекал св. Димитрий Ростовский (в миру Данило Туптало, родом с Украины), «приди в Русь, и увидишь, что нет ни города, ни села, где бы во множестве не было чудес святого Николая».

Естественно, речь идет не только о спасении на водах, но и спасении душ человеческих в море житейских невзгод и страданий, в буре страстей и потрясений. Имя и слава свт. Николая Чудотворца выступает для верующих христиан как «правило веры» и «образ кротости». Всей жизнью и чудесами своими Великий Угодник явил пример богопочитания и смирения, молитвенного служения Богу и

людям. — «Отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим».

Поэтому в православной церкви Святитель Николай Мирликийский чествуется еженедельно, по четвергам (в день закладки храма в итальянском городе Бари, где ныне покоятся мощи Святого). Кстати, перенесение мощей свт. Николая 9/22 мая из Мир Ликийских в Бар-град празднуется на Руси с 1089 года. Празднование установлено при киевском митрополите Иоанне II, а служба Святителю составлена в 1097 году православным иноком Печерской обители Григорием и русским митрополитом Ефремом. 6/19 декабря отмечается блаженная кончина свт. Николая, приуроченная, по одним источникам к 341—342 годам, а по другим источникам — от 345 до 350 г. Отношение христиан к Великому Чудотворцу возвышенно-поэтически передал св. Андрей Критский: «Своими делами и добродетельной жизнью Святитель Николай сиял в Мирах, как звезда утренняя среди облаков, как месяц красивый в полнолунии своем. Для Церкви Христовой он был ярко сияющим солнцем, украшая Ее, как лилия при источнике, был для Нее миром благоуханным» [цит. по: 4, 22].

* * * * *

Архитектурно-художественная концепция и монументально-декоративное оформление храмового комплекса (Народный художник Украины А.В.Гайдамака) словно визуализирует эти поэтические характеристики. Колористическая гамма экстерьера мемориальной церкви соответствует как цветовой символике византийской эстетики, так и описанию сияния Божественной доброты, исходящей от Угодника Божьего. В зависимости от времени суток, храм светится солнечным, лунным и звездным светом, а в погожие дни мозаичные панно на его фасадах сверкают всеми цветами радуги. Доминируют нежные цвета весенних роз и белоснежных лилий, символизирующих любовь и чистоту. Церковь-маяк венчает золотистый крест, установленный на стилизованном куполе, напоминающем земную сферу, которая поддерживается стройным барабаном колокольни. Вся архитектурная конструкция, состоящая из трех равновеликих частей, смотрится пропорционально, легко и изящно. В оформлении и декоре использованы различные стилевые традиции (от античных до барочных), что тем не менее, не лишает архитектуру храма грациозной цельности присутствия и утверждения христианского духа.

Средняя часть архитектурно-художественной композиции храма посвящена сакральному единству Святителя Николая и Матери Божьей Марии, что соответствует православному пониманию источника святости, духовной силы доброты и заступничества. Мозаичные фигуры Богородицы и Угодника Божьего, по средневековому вытянутые и тщательно декорированные, вписаны в крестообразные формы, опоясывающие подкупольный ярус храма со всех четырех сторон света. Св. Николай Чудотворец, в традиционно-канонической манере, изображен на восточном (алтарном) фасаде, смотрящем в море, а три других фасада храма

освящает фигура Богородицы, исполненная в популярных для украинского православия образах. Богородица-Оранта («Знамение») обращена на северную «дорогу к храму» и ассоциируется с Орантой Киевской Софии и Великой Панагией с иконы киевского письма. Икона Покрова Богородицы с запада обрамляет центральный вход в храм и напоминает о заступничестве украинскому казачеству. А Богородица Афонская, изображенная на южном фасаде, знаменует истонные связи отечественного православия с монастырями и церквями святой горы Афон, где в свое время пребывал Антоний Печерский и Иван Вишенский — известные украинские духовники.

Каждый из трех входов в храм отмечен стройной аркой с колоннами, над которыми прорезаны круглые окна-«иллюминаторы» храма-корабля. Не случайно, поэтому в росписи арочных козырьков используются морские мотивы и сюжеты, сопряженные с христианской символикой. В обрамлении летающих, благовещающих и благословляющих ангелов можно увидеть переплетенные крест и якорь на фоне символической «альфы и омеги»; орудия страстей и мук Иисусовых; раннехристианскую символику Христа в виде трех рыб в священном треугольнике и круге; карту звездного неба, по которой ходили древние мореплаватели. Все эти сюжеты заключены в стилизованные изображения крестов разных видов и форм, характерных для мировой христианской культуры. Морская тематика церкви-мемориала акцентируется моделями парусных судов, установленных на дорических колоннах со всех сторон храма. Такую же функцию исполняют и подлинные якоря, лежащие на «палубе» храмового комплекса и близ мемориальной стены на вечную память погибшим кораблям и морякам.

Интерьер церкви отличается светлой чистотой, красочной декоративностью, сакральной праздничностью. Входя в православный храм, чувствуешь, что он по стилю — украинский. Об этом свидетельствует разлитый по внутреннему пространству эстетический дух и художественно-декоративное оформление всех площадей и объемов. В орнаментике и палитре образных рядов явно присутствует так называемый «рушниковый» стиль украинской декоративности. Задействованы мифологические персонажи народной эстетики, связанные с изображением архетипных зверей, птиц, растений, присущих фольклорной культуре.

В высшей точки интерьера, на внутренней стороне купола, как и положено, светится лик Христа-Пантократора, «Вседержителя». Он изображен на фоне восьмиконечной звезды — символе Неопалимой Кулины — и, благословляя, обращается к верным Своим со словами: «Мир вам!» По четырем углам, на подкупольных «парусах», согласно канону, расположены четыре евангелиста: Матфей, Марк, Лука, Иоанн. Все они, вместе с Христом в центре, окружены ангелами и разнообразной христианской символикой, соседствующей с древнейшей праславянской орнаментикой, имеющей трипольские корни.

Алтарная часть храма украшена великолепным иконостасом, изготовленным закарпатскими мастерами из ценных пород дерева с позолоченной отделкой. В глубине алтаря, за резными царскими воротами как бы парит в священном

пространстве храма Богородица-Оранта с младенцем Иисусом в мандорле на груди. В окружении ангелов и архангелов, обрамленная изображением святых великомучеников, Она спокойно взирает любвеобильным и благодатными очами, подавая надежду на спасение и приобщение к вечной жизни. Алтарь с царскими вратами центрируется строгой вертикалью, где в четкой иерархической последовательности, под символическим крестом-якорем с пшеничными колосьями выстраиваются изображения Спаса Нерукотворного, Святого Духа в виде голубки и Христа распятого в окружении символов его воскресения. Многократное повторение, даже наложение символов креста усиливает идею эманации Божественной сущности и восхождения к Благодати. Кстати, в храмовых росписях используются разнообразные культурно-исторические и религиозные формы крестов: греческие, византийские, кельтские, мальтийские, бургундские («андреевские»). Это богатство символики распятия и воскресения связано с почитанием памяти всех моряков, выходивших в море в истории человечества.

Не случайно северная сторона стены внутреннего храмового пространства посвящена библейской истории Потопа и Ноева Ковчега. Описанные в Библии ужас затопления земли — это, фактически первая известная нам «морская катастрофа», а Ковчег, сооруженный Ноем, — древнейший пример избавления от потопления людей и даже животных — «каждой твари по паре». На северной стене, под круглым окном-«иллюминатором» изображен седовласый Ной в нимбе святого, призывающий к спасению от угрозы потопления. К построенному им с помощью Господа ковчегу бегут и летят Божьи твари, чтобы сохранить вместе с потомками Адама и Евы творение Всевышнего на земле.

На южной стороне видим Ноя с ковчегом уже на горе Араратской, куда после годичных странствий по безбрежному морю-океану пристал спасенный Богом корабль с людьми и животными. В руках Ноя — белая голубка, как символ Духа Святого, земли обетованной и жизни безгреховной, вновь дарованной созданием Божьим. Изображения обрамлены ликами святых великомучеников. Главный видеоряд храма — это алтарные иконы и настенные фрески, представляющие высший, «тронный» уровень триединой Божественной сущности и сонм наиболее прославленных в отечественном Православии святых. Слева и справа от царских врат изображены Богородица и Христос на Троне, благословляющие и оберегающие своих верных. Характерно, что канонические композиции Матери и Сына (художник Л.Мищенко) дополнены традиционной украинской декоративностью. В украшении Трона видим элементы народных «вышиванок» и «писанок», а золотые нимбы окружают светлокрылые ангелы, стилизованные в сказочно-фольклорной манере.

Рядом с Христом (справа от Него) — храмовая икона Св. Николая Чудотворца, имеющая титульное значение. Образ Великого Угодника Божьего написан в каноническом стиле, с использованием традиций украинской иконографии. Иконописное изображение самого почитаемого в Руси-Украине святого известно нам по древнейшим украинским иконам, происхождение которых связано с собором

Св.Софии в Киеве (1642 г.) и церковь Рождества Богородицы с.Бусовиско Старосамборского района Львовской области (последняя четверть XVI в.). Кроме того, характерными для отечественной иконографии являются иконы Св. Чудотворца из Слуцкого монастыря (русская школа первой половины XVII в.) и «Святой Николай с житием» со Слобожанщины (кон. XVII в.). Византийские и отечественные традиции отразились в представленном облике Святителя (он сед и благообразен), в его архиерейском облачении, в обязательном атрибуте — Евангелии. В верхие углы иконы, по бокам от равноапостольного, вписаны лучеиспускающие изображения Иисуса Христа, дарующего Благодать, и Богородицы, заступающей за грешных перед Господом.

Далее, направо от Свт. Николая Мирликийского, верующим предстоит известнейший святой земли крымской — архиепископ Симферопольский Лука (Войсенецкий). В миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился в 1877 году в Керчи, отрочество и юность провел в Киеве. Медик-ученый, хирург и архиепископ, святитель Лука свою врачебную и научную деятельность понимал как средство поднять авторитет церкви [6]. После войны, в 1946 г. он был назначен архиепископом Симферопольским и Крымским, и с первых дней жизни в Симферополе открыл у себя на дому бесплатный прием больных. Жил скромно, аскетично, посвящая себя архипастырскому служению. В письме к сыну писал: «Мое монашество с его обетами, мой сын, мое служение Богу для меня величайшая святыня и первейший долг» [7]. Скончался свт. Лука 11 июня 1961 года, в день памяти Всех святых, в земле Русской просиявших. В августе 2000 г. местночтимый святой архиепископ Симферопольский Лука на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви был причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников для общецерковного почитания.

Слева от Пресвятой Богородицы первой помещена икона святого Фоки — епископа, великомученика. Уроженец приморского города Синопа (конец I — начало II вв.), был в молодости моряком, часто ходил в плавания. Приняв христианство и будучи епископом Синопским, отказался от принудительного обращения в языческую веру, за что был сожжен в бане. Мощи святителя Фоки обладают чудодейственной силой, а сам он является покровителем моряков, особенно херсонесского и боспорского регионов. На иконе поэтому изображен с веслом в руках. В честь святителя был назван корабль «Святой Фока», который в экспедиции Седова в начале XX века ходил Ледовитым океаном к Северному полюсу Земли.

Кроме описанных образов, иконостас храма дополняют иконописные изображения святого великомученика Пантелеймона Синопского («целителя»), святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, святых великомучениц Екатерины и Варвары. Под иконостасом размещен декоративный фриз, окаймляющий и украшающий алтарные иконы. В пышной орнаментике фриза преобладают крымские мотивы, состоящие из виноградных гроздьев, розовых бутонов, других южных цветов и растений. Перемежаясь с крылатыми фигурками ангелов,

они придают восприятию сакральных образов праздничный и жизнеутверждающий характер.

На всех четырех стенах интерьера храма представлены святые образы 40 мучеников севастьянских (по 10 ликов на каждой стороне). В связи с мемориальным предназначением поминовенная памяти погибших на водах, их образы напоминают историю мученической гибели святых (нач. IV века). Испытывая веру сорока воинов-христиан, их загнали в холодную воду озера, обрекая на медленную гибель. Долго стояли обреченные на смерть, отдавая свои души Всевышнему. Когда один из них не выдержал мук расставания с жизнью и стремглав выскочил из воды, его место занял искренне поверивший во Христа стражник. И тут с неба опустились на озеро 40 благолепных венков, чем отметили чудесное вознесение душ мучеников в Царство Небесное, к Трону Господнему. Севастьянские мученики поминаются в изображениях поименно, рядом с образами других известных христианских святых.

Особое внимание уделено святым Православной Церкви, прославленным со времен Киевской Руси. Среди всенародно чтимых святителей и подвижников христианской веры представлены св. Ольга, св. Владимир, свв. Борис и Глеб, свв. Михаил и Федор. Их образы, воспроизведенные в традиционной иконописной манере с элементами неовизантизма, сияют духовной чистотой и праведностью. Национальный колорит изображениям киеворусских святых придают «ковровая» декоративность и «рушниковая» орнаментика. Веселая «Писанковая» колористика гармонично сочетается со строгим, четко пропорциональным геометризмом. Манера исполнения всего образного ряда храмового интерьера продолжает лучшие традиции бойчуковский школы украинского монументально-го искусства — так называемого «византизма».

В творческом осовременивании этих традиций выполнены экстерьерно-интерьерные и декоративно-отделочные работы (рабочее проектирование — Заслуженный деятель искусств Украины Б.С.Дедов). Дух украинского «византизма» присутствует во всех деталях оформления храмового комплекса, символизирующего ковчег спасения заблудших душ. Эффект духовного маяка усиливается многократно повторяющимся мотивом «греческого» креста, как бы вписанного в квадрат и направленного на четыре стороны света. Пол церковного сооружения и поверхность платформы-палубы устлан мозаичным орнаментом из гранитных плит взаимодополняющих цветов, напоминающих узор «розы ветров», идея чего использовалась во флорентийской архитектуре под влиянием Византии. Витражи на окнах-иллюминаторах цокольного этажа также выполнены в стилизованной манере византийского витражного искусства, известного и в Киевской Руси. Традиционная техника монументально-декоративного оформления дополняется этнонациональной орнаментикой, украинской цветовой символикой.

Восприятие храма как ковчега спасения душ усиливается «корабельной» атрибутикой, присутствующей в интерьерных и экстерьерных экспозициях. Внутреннее подкупольное пространство пересекают поддерживающие «фонарное»

паникадило тросы, которые невольно ассоциируются с корабельными канатами, а якоря и якорные цепи по внешнему периметру сооружения соседствуют с крестообразными опорами «сигнальных огней». Также акцентируют «корабельную» тематику металлические цепочки на арочных входах со светящимися ночью лампадками, общая подсветка комплекса, превращающая храм в маяк веры и надежды в темное время суток.

Закономерно поэтому, что при выходе из церкви через западный фасад верующие получают визуальное «благовещение» от ангела о чудесном спасении на водах. Роспись внутренней западной стены довольно детально повествует об ужасах потопления и радости избавления от него. Адские силы преисподней обозначаются стилизованными изображениями драконов и крылатых чудовищ, исполненных в народной, сказочно-мифологической манере. Но многие утопленные восстают из гроба или морских волн, движимые мольбой о спасении, верой в Божьего Угодника, Великого Чудотворца. Спасение павших на водах символически представлено фигурой ангела, сидящего на дельфинах и держащего в руках белопарусную ладью, и ангелом с многочисленными крыльями волшебной птицы грифона.

* * * * *

От церкви свт. Николая Чудотворца по нескольким лестницам — «трапам» можно спуститься в Музей морских катастроф. Идея создания такого музея в цокольном этаже храма коррелирует со сказанием о перенесении мощей Святителя Николая. Миры Ликийские, где в ковчеге хранились святые мощи, были разрушены турками в 1087 году (во время княжения на Руси Всеволода Ярославича в Киеве и Владимира Всеволодовича Мономаха в Чернигове). По чудесному явлению образа Угодника Божьего христианам в итальянском городе Бари, его мощи, во исполнение высшего повеления, были переправлены сюда для дальнейшего сохранения и чудотворения. «Морем, святителю, быша шествие твоя из Мир Ликийских в Бар-град», — вспоминается в службе на перенесение мощей свт. Николая 9/22 мая. В г.Бари был построен специальный храм во имя Великого Чудотворца, а его святые мощи помещены в подземной части храмового сооружения — «крипте». Приобщение к духу и чудесам Святителя требует перехода с верхней части церковного сооружения в нижнюю.

Музей морских катастроф в Малореченском храме, несмотря на свой информационно-познавательный характер, сохраняет святость и благолепие церковного мемориала. Повторяя в плане идею крестово-купольной архитектуры, он делает церковь как бы «плавучей», насыщая нижние интерьеры морской, а именно надводной и подводной образностью.

Архитектоника музея воспроизводит корабельные палубы, отсеки, трюмы, каюты, переборки. В оформлении используются подлинные поручни, двери, люки, бывшие на надводных судах и подводных лодках. Идейно-образной доминантной мемориала служат спасательные круги с названиями затонувших

кораблей и якоря на фоне водной стихии. Видеоряд экспозиции складывается из фотографий на флотскую тематику и видеофильмов, демонстрирующих тайны морских катастроф.

Эмоциональные акценты поставлены на гибели наиболее памятных в нашей истории судов: теплохода «Адмирал Нахимов», подводных лодок «Комсомолец» и «Курск». Перед посетителями разворачиваются две линии поминовения погибших вместе с кораблями людей. Первая из них, до жуткой иллюзии страшной реальности, ведет в подводный мир покоящихся корабельных останков. Искореженные, покрытые ракушками, водорослями и кораллами, отдельные части затонувших кораблей, проплывающие мимо рыбы в холодно-зеленоватой воде... И живые люди, которые в аквалангах и гидрокостюмах разыскивают то, что осталось после катастрофы чтобы восполнять и поддерживать память. Вторая линия поминовения — морские порты, причалы, акватории, наполненные жизнью уходящих в плавание кораблей... И памятники погибшим морякам, как символ надежды на их вечное существование в нашем незабвении их памяти. Обе линии поминовения как бы сходятся в планируемом поминальном зале, предназначенном для совершения традиционного народного обычая. Завершается ритуал поминовения в круглой беседке-ротонде, смотрящей далеко в море с одухотворенной высоты храмового утеса...

Весь храмовый комплекс — это сакральный центр мемориального предназначения, воздвигнутый под сигнатурой Святителея Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского. Связь храма с памятью погибших моряков подчеркивает подпорная стена, установленная с северной части мемориала. На стене, составленной из тысяч полосок горного камня, представлены мемориальные доски, корабельные колокола и якоря, символизирующие память о погибших в море. Церковное звучание стене памяти придают карминовые лампы, установленные рядом с мемориальными предметами. Среди помянутых кораблей и моряков присутствуют те, кто непосредственно связан с Черным морем, — например, трагические погибшие в 1998 году рыбаки судна «Шквал». Храмовый комплекс, таким образом, превращается в мемориальный центр всего Черноморского флота, как военного, так и торгового, пассажирского, рыболовного. А церковь свт. Николая Мирликийского дает не только поминовение погибшим, но и напутствие всем, кто выходит в море, кто ищет спасение души.

* * * *

Идея создания храмового комплекса-мемориала принадлежит г-ну А.Е.Лебедеву, депутату Государственной Думы России и г-ну В.М.Юткину, президенту Национального Резервного Банка Украины. Они же выступили и как спонсоры строительства церкви и музея, постоянно опекая художественно-производственный процесс. Заказчиком работ стало ООО «Миндальная роща» (г.Алушта) во главе с директором г-ном В.В.Камакиным. Духовное благословение при закладке храма,

освящении престола и креста было дано митрополитом Лазарем (г.Симферополь).

Автором проекта, архитектурно-художественной концепции и монументально-декоративного оформления мемориала, руководителем творческой группы является Народный художник Украины, действительный член-корреспондент Академии художеств Украины, лауреат Государственной премии им.Т.Г.Шевченко, известный художник-монументалист А.В.Гайдамака. Рабочее проектирование и руководство выполнением экстерьерно-интерьерных и декоративно-отделочных работ принадлежит заслуженному деятелю искусств Украины Б.С.Дедову. Строительные и оформительные работы исполнили работники руководимого им творческого объединения «Арт-центр» (г.Чернигов). Благожелательное содействие возведению храмового комплекса оказывали представители местной власти, за что выражается им сердечная благодарность.

Храм Святителя Николая Мирликийского в с.Малореченском воссиял духовным маяком для всех, кто имеет очи видеть свет истины, добра и красоты. «Цари и князи да стекутся к нему, да восхваляет его пастыри и учителя, как доброго пастыря, который является в болезнях врачом, в бедах — избавителем, грешникам — заступником, для нищих — питателем, в скорбях — утешителем, для путешествующих — спутником, плавающим по морю — правителем, пусть все восхваляют великого святителя Николая» [цит. по: 1, 3—4].

Литература

1. Чудеса святителя Николая, Мирликийского Чудотворца. М., 1995.
2. См.: Михалин А. Послесловие // Святитель Николай, архиепископ Мирликийский, Великий Чудотворец. М., 1991. С. 64.
3. См.: Личковах В. Дивосад культури: Вибр. статті з естетики, культурології, філософії мистецтва. Чернігів, 2006.
4. См.: Житие святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца. (Б.п.) С. 9.
5. Святитель Николай, архиепископ Мирликийский, Великий Чудотворец. М., 1991. С. 55.
6. См.: Маслюк Л.І. Утверждение смысла бытия в жизни святителя Луки (Войно-Ясенецкого) // Вісник ЧДПУ. Серія: Філософські науки. Вип. 32: Історія філософії та сучасна культура. Чернігів, 2005. С. 105—112.
7. Цит. по: Поповский Марк. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга // Октябрь. 1990. № 4. С. 53.

Л.И.Маслюк, М.Б.Столяр
(г.Чернигов, Украина)

ИДЕАЛ СМИРЕННОМУДРИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ П.ЛУНГИНА «ОСТРОВ»

Феномен святости в XX веке имеет особое значение как живое свидетельство о Христе. Огромное количество святых в эту страшную своим богоборчеством эпоху не поддается никакому рациональному объяснению. Тем не менее

многие философы пытаются осмыслить этот феномен. Например, Н.Бердяев исследовал идеал святости через противопоставление его, с одной стороны, гениальности (преп. Серафим Саровский и А.С.Пушкин)¹, а с другой стороны, честности, порядочности как чисто моральным идеалам². Для И.Хейзинги святость есть проявление сверхъестественного в жизни человека, это явление надмирного порядка, не зависящее от конкретного культурного контекста. Х.Яннарас рассматривает понятие святости в контексте православного экзистенциализма. А.Дж.Тойнби подчеркивает, что «духовный прогресс индивидуальных душ в этой жизни фактически обеспечивает значительно больший социальный прогресс, чем какой-либо другой процесс»³. Святость, по мнению киевского философа В.С.Горского, есть высший моральный идеал поведения, особенная жизненная позиция, понимаемая как жертвенность, вдохновляемая ценностями «не от мира сего»⁴. Автор выделяет два важнейших признака святости: это моральное совершенство и чудотворения. Основой святости В.Горский называет *смиреномудрие*.

Актуальность исследования идеала смиреномудрия в качестве определенного духовно-морального феномена обусловлена *насущными* потребностями современного общества. Сегодня воочию наблюдается ситуация морального кризиса в условиях подмены традиционных для нашего народа духовных ценностей идеалами, заимствованными из западной секуляризованной культуры, утратившей христианские смысложизненные ориентиры. Для современного человека переступить порог храма очень сложно. Все противится этому: и ритм жизни, и привычки, и атеистические суеверия... А вот движение руки, включающей телевизор — это движение является почти автоматическим. К сожалению, священным пространством современной цивилизации является не храм со святыми иконами, а экран. Но мы, пожалуй, поторопимся, если все экранные изображения и кинематографические образы поспешим записать в разряд языческого искусства. Как бы нам не повторить в новых исторических и культурных формах иконоборчество, пытавшееся запретить религиозные изображения.

Сегодня *новые иконоборцы* говорят нам, что кино и телевидение — это однозначное зло, отдавая эти виды искусства на откуп тому самому злу, которому они, якобы, противостоят. Именно поэтому столь значимой представляются попытки кинематографистов создавать художественные образы, имеющие в своей основе христианские духовные ценности. Речь идет о целой серии художественных фильмов — телесериал «Спас под березами» Л.Эйдлина, художественные фильмы «Сирота казанская» В.Машкова, «Приходи на меня посмотреть» О.Янковского, «Двенадцать» Н.Михалкова, «Адмирал» А.Кравчука ... Но особо в этом ряду выделяется художественный фильм «Остров» (сценарий Дмитрия Соболева, режиссер-постановщик Павел Лунгин), авторы которого попытались воспроизвести *образ современного православного святого*.

Сюжетная завязка относится ко временам Великой отечественной войны. Главный герой картины служит кочегаром на буксире. Кроме него на этом же

буксире находится шкипер по имени Тихон Петрович. Совершенно неожиданно буксир натывается на немецкий корабль — шкипер и кочегар попадают в плен. Их собираются расстрелять. Тихон с презрением к врагам закуривает под дулом автомата, а младший его товарищ начинает униженно ползать на коленях, умоляя его не убивать. Немцы предлагают ему в обмен на сохранение жизни расстрелять шкипера. Кочегар плачет, но стреляет в своего командира, который падает за борт. А немцы, заминировав буксир, отплывают. Главный герой испуганно зовет командира, но животная радость побеждает страх: он жив!!! И тут происходит взрыв. Взрывной волной кочегара отбрасывает на остров. Утром его подбирают монахи здешнего монастыря...

Проходит около *тридцати лет*, и мы встречаем этого человека за тем же занятием (бросает в топку уголь), но он предстает перед нами уже в ином качестве. Все эти годы нынешний насельник монастыря, отец Анатолий, непрестанно молит Бога простить ему грех убийства, но страшная мука по-прежнему терзает его совесть. Отец Анатолий почти не спит и не ест, тяжело работает, постоянно молится, но не получает облегчения. При этом оказывается, что он имеет от Бога благодать помогать людям, ибо обладает даром прозорливости и молитвы за всех страждущих душой и телом.

Сценарист из разных вариантов становления святости предпочитает тот, который ассоциируется с *раскаившимся разбойником*. Главный герой не был освящен Богом с детства, он жил совершенно безбожно, и потому так ужасна была для него внезапная, насильственная смерть. Но в этом безбожном существовании молодого героя было все же некоторое преимущество по сравнению с осмысленной жизнью его старшего товарища. Шкипер буксира имел то, за что он мог умереть, но с точки зрения вечности эта смерть являлась бы, возможно, не лучшей, чем смерть молодого Анатолия, у которого не было идеала, поддерживающего его в предсмертный час. Весь облик Тихона свидетельствует, что перед нами мужественный человек, черпающий свои силы в богоборческой коммунистической идеологии, в презрении к врагу. Он является человеком *верующим*, но *вера его ложна*. Если он и привез свою бесноватую дочь в монастырь (в конце фильма), то он, опять же, сделал это не по своей вере, а вопреки ей, на всякий случай, из суеверия.

Кто же ближе к Богу, человек, имеющий твердое, но ложное убеждение или другой, не имеющий никакой веры? Неисповедимы пути Господни, но в данном случае ближе к Богу оказался последний. Стоящий на нижней ступени социальной иерархии (кочегар), презираемый командиром и врагами за трусость, не имеющий ничего за душой кроме невероятного желания просто жить, жить любой ценой... Ему предстоит осознать всю глубину своей низости, увидеть свой грех в свете сияния Божества, умалится перед Богом и перед людьми до того предела, когда уже ничего в человеке нет своего как своевольного, но только Божья благодать ведет его и руководит им.

Место, которое занимает отец Анатолий в монастыре — это место *последнего*, это то место, на которое нет желающих кроме настоятеля монастыря, но и тот позже понимает, что не человек выбирает подвиг, а Господь дает каждому крест по силам его. В котельной, где живет старец, нет не только кровати, но даже мало-мальски пригодного для отдыха топчана. Относительно еды ситуацию проясняет отец Иов, благочинный монастыря, который сообщает настоятелю о том, что время от времени лишает «провинившегося» отца Анатолия трапезы.

Главный герой фильма несет крест постоянной проповеди, но это проповедь не словом, а жизнью, и в ней присутствуют символы, знаки, имеющие духовный подтекст (увеличенный с помощью какого-то предмета живот, выпачканная в сажу ручка двери, кораблик с «прошением» Царю Небесному; головешка, брошенная под ноги настоятелю; поворачивание во время службы в сторону, кудахтанье и т.п.). Даже сапоги настоятеля превращаются в символический текст:

— *Что ты там делаешь?* — спрашивает игумен отца Анатолия, всматривающегося в свете огня в голенища сапог, которые настоятель снял перед сном.

— *Читаю книгу грехов человеческих. Сейчас дочитаю, в печку ее, и нет греха.*

Таким же символом выступает и одеяло отца Филарета. Для большего контраста одеяло фигурирует как привезенное со святой горы Афон — факт в жизни невероятный. Подумайте, монах везет *пуховое одеяло* из духовного центра православной *аскетической* жизни... Да это карикатура какая-то! Но в данном случае срабатывает художественный прием *контраста* и надуманность ситуации отступает на задний план.

Отец Анатолий не просто помогает людям, но он старается привести их в то состояние, в котором бы они уже не нуждались в его помощи, а получали помощь от Бога непосредственно — он учит их *покаянию*, он стремится привести их в Церковь, приобщить к *церковным таинствам*.

— *Почему Каин Авеля убил?* — вопрошает герой благочинного, который смертельно завидует духовному дару старца помогать людям.

— *Любила ли ты своего мужа?* — спрашивает монах вдову.

И это не просто вопрос, это только начало разговора о том, а любила ли она его действительно или жирный хряк дороже ей умирающего мужа, который, как оказывается, не погиб во время войны, а остался жить во Франции.

— *И тебе, что же, сын родной дороже или работа?!* — с болью вопиет он к матери, отказывающейся остаться в монастыре на один день, чтобы причастить ребенка. Ее сыну грозит хромота на всю жизнь, но другая угроза — угроза увольнения за прогул на работе перевешивает любовь к сыну.

Эта проповедь покаяния вытекает из его собственного постоянного покаянного состояния, которое не изменилось от того, что старец увидел Тихона живым и невредимым. Непрерывная Иисусова молитва, покаянные псалмы

постоянно сопровождают каждый шаг, каждый его вздох и выдох. На вопрос благочинного, страшно ли ему умирать, отец Анатолий отвечает: «Умирать не страшно. Страшно перед Богом стоять... Грехи давят».

Неблагодарность человеческая — вот еще одна из тем фильма. Большинство людей, получивших от старца помощь, его не только не благодарят, но и испытывают к нему не очень хорошие чувства: страх, недоверие, обиду, возмущение... Поэтому так резко выделяется образ настоятеля. Будучи лицом начальствующим, он мог бы жестоко отомстить отцу Анатолию за его «выходку» с сапогами и одеялом. Что уже говорить о «войне с бесами» (тут можно было и покушение на жизнь настоятеля «пришить»). Но нет. Игумен, напротив, говорит отцу Анатолию, что благодарен ему — благодарен за то, что тот показал ему грехи, которые он до сего часа в себе не замечал — привязанность к вещам, удобствам, а главное — маловерие. «Грехов во мне много, а добродетелей мало», — говорит игумен. А в ответ слышит горькое признание старца: «Добродетели? Да мои добродетели смердят перед Господом...».

Что же касается образа отца Иова, то он здесь не антипод святого, а просто еще не обратившийся ко Христу человек. Отец Иов — это как бы молодой Анатолий, хотя он и является монахом и даже занимает достаточно высокое место в иерархии церковных должностей. Отец Иов — это Савл, которому предстоит преображение в Павла.

— Будешь ли плакать? — спрашивает отца Иова старец, подразумевая время после своей смерти. Он вроде бы спрашивает, но по сути отвечает утвердительно: будешь плакать. И это не просто слезы сожаления об ушедшем брате, а слезы глубочайшего раскаяния. В какой-то момент благочинному открывается, кто такой на самом деле отец Анатолий, и он, оторопев, спрашивает, что же ему теперь делать и как ему с этим открытием жить после смерти святого. Этот момент внутреннего просветления происходит, когда о. Иов видит сложенные в ящике сети и вспоминает слова старца про сети смертные — слова, наконец, дошедшие во всей своей полноте до сердца.

Если отец Анатолий всю жизнь плакал о своем преступлении — убийстве, то отец Иов будет плакать о преступлении не меньшем — преследовании настоящего святого, жившего с ним бок о бок. Доказательство этому — огромный, тяжелый крест, который он несет сам (мог ведь попросить послушников отнести крест в лодку). *Этот крест — не только символ покаяния, но и символ преемственности.* Отец Анатолий дает свое благословение («будешь плакать») не доброму, кроткому настоятелю, мечтающему об аскетическом подвиге, а своему бывшему врагу. «Будешь плакать» — значит будешь так плакать о грехах своих, будешь так болеть о своей нечистоте, что Божья благодать почиет на тебе. Молитва отца Иова к Богу о том, что ему очень хочется помогать людям услышана. Но теперь он поймет, как глупо *завидовать* этому Божьему дару.

Северная природа является прекрасным фоном для изображения особенностей монастырской жизни. Есть в этой природе какая-то особая статичность,

подобная статике иконы. Здесь время не бежит, а *пребывает*. Да и природа здесь настолько сурова, что ее изображение подобно иконописному изображению гор и других обобщенных образов. Глаза зрителя не наслаждаются пейзажем, не уходят в виртуальное пространство, а обращаются к собственному сердцу, в котором привязанность к материальному сильнее веры и любви точно так же, как и у многих персонажей картины.

Есть в фильме и отзвуки эстетики *исихазма*... Речь идет о мощном финальном аккорде. Мы имеем в виду последние кадры картины, когда лодка с телом святого и сопровождающими гроб монахами растворяется в сияющем, белоснежном свете, символизирующем фаворский нетварный свет — божественную энергию Любви.

Примечания

¹ Бердяев Н.А. Творчество и аскетизм. Гениальность и святость // Философия творчества, культуры и искусства. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. С. 163—180.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 74—80.

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 515.

⁴ Горский В.С. Святі Київської Русі. К., 1994. С. 13.

⁵ Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988.

⁶ Христос Яннарас. Свобода етосу. Київ, 2003.

Н.Д.Наумов
(г.Нижнеартовск)

К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Одним из важнейших мировоззренческих вопросов, который решала философия на протяжении всей истории человечества является вопрос о природе человека, его бытийной сущности, его происхождении, развитии и назначении, о месте человека в мире. Так, в современной философии философское осмысление человека неразрывно связано с таким понятием как личность.

Тема глобальных изменений и возникшая в связи с ними — кризисная ситуация в мире неразрывно связана с положением человека, его сущностной, ролевой и личностной определенностью.

Само понятие личности в философии следует относить к числу наиболее сложных вопросов. В общем виде личность можно определять как человеческий индивид в контексте его социальных качеств, формирующихся в процессе конкретных исторических видов деятельности и общественных отношений и рассматривать ее как динамическую, относительно устойчивую целостную систему интеллектуально-культурных и морально-волевых качеств человека.

Анализ истории философской мысли свидетельствует о том, что тема человека занимала и занимает умы человечества с периода Древней Греции по настоящее время и осмысливалась с различных мировоззренческих позиций, обусловливаемых конкретно-историческими причинами, неразрывно связывая их с вопросом сущности и природы человека, смысла его существования. Но даже системный, комплексный научный подход, оперирующий в современной научной философии разнообразными научными знаниями о человеке, не дает возможности построить образ человека цельного, понять до конца его живую субстанцию.

С точки зрения отечественных психологов и философов личность напрямую связана с такими понятиями как «индивид» и «индивидуальность», их рядоположенность: индивид — индивидуальность — личность были определены еще советскими учеными и именно эта логическая последовательность, в общем, и составляет человека, определяет становление личности.

Первым изначальным понятием в данной триаде, с которого необходимо начинать изучение проблемы личности является «индивид». Это то, кем является каждый человек с момента рождения, впоследствии присваиваемый разнообразные физические и психические качества, которые в процессе эволюционного филогенеза приобретало человечество, становясь своеобразным «социальным атомом» человеческого ряда. Ввиду своих специфических особенностей анатомического строения человек получил возможность развивать свои качества данные природой и приобрел на этой основе возможность беспрепятственного обмена информацией и осуществления творческой трудовой деятельности. Именно это позволило человеку приобрести свою индивидуальность, но при этом его вхождение в общество, освоение им определенных социальных ролей, по мнению известного советского психолога А.Н.Леонтьева, социализирует индивида, не раскрывая в полной мере его личностную индивидуальность. С позиций психологии индивидуальность и личность понятия близкие, но не тождественные, так как понятие личности определяет всю структуру человеческих свойств, а индивидуальность — «полноту» наполнения личности и субъекта деятельности (Б.Г.Ананьев). Другими словами с общественных позиций личность формируется на основе одинаковых общих особых законов, и только эти общие законы позволяют создать в человеке нечто особенное, присущее только исключительно ему. Именно этот объективный закон дает право психологам утверждать, что личностные свойства индивида — это есть то же самое, что и индивидуальные свойства личности.

Таким образом, определяя процесс формирования личности в плане социально-психологическом и философском можно утверждать, что данный процесс проходит в три этапа:

- появление индивида, как первоосновы личности, когда происходит «вращение» в эволюционные физиологические особенности человека;
- развитие индивидуальности, «культурного животного» (З.Фрейд), когда на основу биогенетических задатков накладываются «общие» законы общества,

преломленные через сознание индивида, его психосоциальную основу, его внутреннее «Я»;

— возникновение личности как результата некоего процесса душевной внутренней сознательной деятельности во внешних условиях социума, социальной среды.

Проблема раскрытия понятия человека, его сущности, системы его личностных качеств, перспектив его индивидуального и социального развития в рамках таких наук как философия и психология является в наше время наиболее актуальной. Без понимания самой сущности человека, всей сложности его поведения невозможно объективно объяснить и разрешить такие проблемы человечества, являющиеся прямым следствием поведения людей как расовые предраскладки, загрязнение окружающей среды, терроризм, наркомания, нищета и другие.

Избавление человечества от этих всемирных недугов, революционное обновление нашего общества будет возможным, если «главным направлением его возрождения станет гуманизация общества»¹.

Поиск возможных путей решения вышеназванных проблем в ходе их теоретического осмысления необходимо начать с содержательного определения понятий «человек» и «личность». Исходя из определения А.Г.Спиркина «личность — есть общественно развитый человек»². Можно заключить, что человек как личность есть продукт общества, но вместе с тем, хотя данные понятия и являются однопорядковыми, но они не есть тождественные. К.Маркс, определяя роль и место социальных условий в жизнедеятельности человека говорил, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей деятельности она есть совокупность всех общественных отношений»³.

Развивая эту мысль теоретика марксизма, следует отметить, что люди не жили, и не будут жить отдельно друг от друга, так как в процессе потребления и производства они взаимосвязаны между собой, а их деятельность взаимообусловлена. Именно в таком своем взаимодействии они и образуют органическое единство — общество — «...индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни...является проявлением и утверждением общественной жизни»⁴. Только общественные отношения, взятые в их единстве, формируют человека как личность, рассматриваемую нами как человеческий индивид в аспекте его социальных качеств, формирующихся в процессе выполнения различных видов деятельности и конкурирующих общественных отношений.

Вместе с тем, не следует рассматривать личность как чистый продукт совокупности общественных отношений. Личность формируется под воздействием социальной среды, но именно в результате этого она и становится активным **дейтелем и субъектом** всех общественных отношений.

На основе такого подхода личность можно рассматривать как динамичную, относительно устойчивую целостную систему интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, выраженных в индивидуальных особенностях его сознания и деятельности⁵.

С позиций философского подхода личность можно рассматривать как диалектическое единство, особенного и частного, что с позиций сущностно психологических может быть выражено через раскрытие самосознания, воли, нравственной зрелости, характере, социальной активности и мировоззрения.

Тем не менее, первым, исходным понятием, позволяющим нам осуществить изучение проблемы личности, является понятие индивида. Оно включает в себя биологическое начало в человеке (потребность в пище, продлении жизни и др.), но также и такие наследственные особенности человеческого организма, которые оказывают влияние на его общественную жизнь (так, например, большой сложный мозг и сложная нервная система). В этом случае можно утверждать, что индивидуальные особенности личности не определяют во всей широте свойства личности. Она тем значительнее, чем больше в ее индивидуальном преломлении представлено всеобщих, общечеловеческих характеристик.

В отличие от западной отечественная позиция ученых-философов и психологов заключалась в едином мнении в отношении индивида как всякого человека в онтогенезе. Становление его как личности происходит только за счет приобретения индивидуальности в результате каких-либо биолого-социальных преобразований и по достижении определенных результатов в ходе интеллектуального и социального развития. Так, уже на этапе новорожденности и раннего детства ребенок переходит от «индивидности» к индивидуальности, выраженной в познавательном интересе к миру и активном освоении собственного «Я».

Дальнейшее развитие личности, связанное с прохождением ею других возрастных периодов — от преддошкольного детства до периода зрелости и старости — подробно рассмотрено в рамках возрастной психологии, социальной психологии и психологии человека. Там мы обнаруживаем, что формирование личностных качеств человека зависит не только от его положения в обществе, но и тесно взаимосвязано с его индивидуальным самосознанием, индивидуальным отношением к своему положению в обществе. Становится очевидным, что поведение любого конкретного человека, его отношение к той или иной социальной роли, к своим функциям определяется его индивидуальным сознанием, пониманием смысла жизни, зависит от его потребностей и способностей.

Закljučая данное размышление о взаимосвязи индивидуальности и личности, можно сказать, что индивид не может стать личностью, не усвоив своей социальной сущности, а личность не может обрести свое самостоятельное бытие, не став индивидуальностью, то есть «личность социальна по своей сущности, но индивидуальна по способу своего существования»⁶.

Примечания

¹ Гайдученок И.А. Слово о личности. Минск, 1990. С. 4.

² Спиркин А.Г. Основы философии. М., 1988. С. 461.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. изд. Т. 42. С. 265.

⁴ Гайдученок И.А. Слово о личности. Минск, 1990. С. 119.

⁵ Озеров А.Е. Проблема формирования личности в трудах современных философов. Инновация в образовании. 2008. № 12. С. 39—62.

⁶ Сорокин П.А. Человек. Социализация. Общество. М., 1992. С. 34.

М.М.Новикова
(г.Нижневартовск)

О ПРОБЛЕМАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Художественная деятельность в культурно-историческом становлении человечества всегда играла особую роль. В ней зеркально отражались как крупные «эпохальные» перемены, так и тончайшие нюансы неявных, внутрикультурных движений и настроений. Нередко творческие откровения, высказанные в художественном слове, жесте, звуке, служили пророчеством или предтечей грядущих потрясений.

Когда мы говорим о социальном статусе искусства, то подразумеваем, в первую очередь, его функциональное значение, полагая, что искусство призвано «служить» общественным эстетическим потребностям (однако высший его смысл — в служении идеалу совершенства и красоты). Итак, искусство должно «служить». Вопрос в том, чему и как служит современное искусство. Насколько непреодолимо противостояние между искусством и массовой культурой? Или его вовсе нет, а массовая культура столь могущественна, что искусство обречено быть поглощенным ею?

Нельзя сказать, что современное искусство в целом следует рассматривать как бесконечный и безвыходный кризис. И все же нельзя не согласиться с тем, что искусство все более становится «игрой и удовольствием», вместо того, чтобы быть, по определению К.Ясперса, «шифром трансценденции». Создается впечатление, что между искусством и культурой возникло «разорванное» пространство. Там, где еще не утрачена связь, искусство принуждено «вести себя» по правилам масс-культурной доминанты (т.е. приспосабливаться к потребностям и вкусам толпы). Там же, где эта связь прервалась, искусство, отвернувшись от толпы (а в сущности, от человека), обратилось на самое себя, занявшись «игрой в бисер». Но главная проблема представляется в другом. В обоих случаях искусство, отступив от высоких, благородных целей, принялось мстить человеку, дразня и уродуя его, предлагая заведомо ложные или пустые образцы. И все это тщательно зашифровано, завуалировано.

Смысл искусства в том, чтобы «делать ощутимой трансценденцию» (К.Ясперс), но, как уже было сказано, современные мастера далеки от этой цели. Искусство минувших эпох являло истину, вот почему оно нетленно, вот почему, собственно, и сегодня ему подражают, у него учатся и заимствуют, «играют» с его смыслами, образами и формами. За всю свою историю кризисные моменты

искусство переживало не раз, однако художественная атмосфера XX века (а тем более, современность) обнажила небывалый «упадок сущности искусства». И, по словам К.Ясперса (высказанным еще в середине XX века!), «в техническом массовом порядке искусство становится функцией этого существования, оно в качестве предмета развлечения приближается даже к спорту», а его «объективность шифра сверхчувственного» подменяется «объективностью вещественной игры» (из материалов периодических изданий — «Искусство кино», «Театр», «Художник России» и др. — кинокритика, интервью и критические заметки самих художников).

Главной задачей, а, скорее, причиной современного художественного творчества стал поиск сенсации. Форма стала техникой, конструкция — расчетом, притязание — требованием рекордов (в особенности это характеризует ультрамодные ныне телевизионные творения, результат воздействия которых — клиповое сознание). Существование видит в таком искусстве «лишь свою витальность или ее отрицание; оно обретает иллюзии другого существования: романтику техники, воображение формы, богатство в изобилии наслаждений в существовании, приключения и преступления, веселую чепуху и жизнь, которая в бессмысленном риске как будто преодолевает себя» (К.Ясперс). Иллюзорность, откровенная пошлость, развлечение, сенсация, «хитность» — вот характеристики и ориентиры современного творчества. Хотя и появляются еще отдельные талантливые и глубокие произведения, в которых отсутствует приспособление к массовым инстинктам, но это, скорее, вопреки той общей тревожной ситуации, когда искусство поистине оказалось без алтаря.

Каждая эпоха актуализирует определенный вид искусства. К концу XX века, на рубеже тысячелетий наиболее адекватной формой и способом художественного выражения картины мира стали киноискусство (и его «производные») и музыка. Надо отметить, что в целом художественные процессы в разных видах искусства развиваются крайне неравномерно. Возможно, поэтому очень важные теоретические проблемы ускользают из поля зрения исследователей (в особенности, это характерно для кинематографа, поскольку применительно к кино не употребляется термин «современное искусство»).

Однако в других видах искусства, где разрыв между классической традицией и нынешними формами принципиален, понятие «современное искусство» становится базовым для самоопределения художника, для организации художественной жизни, для осмысления того, как эстетическая практика соотносится с реалиями постиндустриального мира. Все это, безусловно, важно и для кино, поскольку, как искусство синтетическое, оно не может быть изолировано от процессов, происходящих в музыке, изобразительном искусстве, архитектуре, фотографии, в современных направлениях пластического искусства и т.д.

ПОНЯТИЕ МЕРЫ В КУЛЬТУРОЛОГИИ

Мера обычно не рассматривается в числе культурологических понятий. Между тем, она многое объясняет в культуре. Достаточно указать на тот очевидный, в общем-то, факт, что **культура** является своеобразной **мерой человеческого бытия**. Но прежде, разумеется, необходимо разъяснить содержание самого понятия меры, выражающего собой отношения человека к миру, в том числе и к самому себе.

Уже самый поверхностный анализ всевозможных употреблений понятия меры свидетельствует о том, что в каждом из них оно содержит в себе нечто большее, чем соответствующие ему явления и процессы. По той причине, что богатство содержания меры, интуитивно чувствуемое, скорее, чем явно осознаваемое, связано не столько с объективной реальностью самой по себе, сколько с тем, что, собственно, являлось мерой для человека, каким значением он ее наделял. Иными словами, мера предметов и явлений в действительности содержит в себе и отношение к ним человека. В таком отношении — богатство содержания меры, постепенно вытесняемое из локуса исходного понимания и заслоняемое свойствами самих предметов. Из поля зрения выпала, как выпадает из созерцания само поле зрения, наиболее содержательная часть категории, которая лишь в весьма ограниченных пределах может быть выражена представлением о механизме количественно-качественных отношений. Но как исходный этап становления меры и как постоянно, хотя и незримо, присутствующий в ней элемент, эта часть не исчезла совершенно.

Первой мерой, которой воспользовался человек, был он сам, его реакции на внешний мир. Но это значит, что такой мере органически была присуща и оценка как чувственное отношение человека к всевозможным обстоятельствам, к другим людям и к самому себе. Далее мерой становится телесность человека, используемая при определении (измерении) свойств окружающего пространства. Протагор, разумеется, был прав, утверждая, что мерой всех вещей является человек: для первых ступеней познания это утверждение имеет буквальное значение. Но и позже — в культуре средневековья, человек, как писал А.Я.Гуревич, физически оставался «мерюю всех вещей», прежде всего — земли.

Первые шаги в измерении стали моментами самоопределения человека в мире. Полагая себя самого мерой своего окружения, он оставался для себя исходным качеством. В том смысле, что первые его представления о количестве находились в прямой зависимости от умения различать отдельные свойства предметов и отличать себя от этих свойств, а его самосознание при этом становилось основой представлений о качестве.

Таким образом, роль меры, которой по необходимости наделил себя человек, с самого начала оказалась внутренне противоречивой, двойственной. С одной стороны — стремление видеть себя во всем в качестве меры всего сущего, с другой — умаление себя до роли простого измерителя, вытеснение себя этим же сущим. Чем более человек утверждал себя в качестве меры, тем более явным становилось противоречие. Понятно, что источником противоречия было раздвоение исходного единства человека с миром. Память об утраченном единстве сохранилась не только в мифологических, но и в более поздних представлениях как убеждение в изначальной мере бытия, включая человека. Но вопреки памяти, именно раздвоение становилось характерной особенностью человеческой деятельности. Ее структура, если говорить о ней как о способе человеческого бытия, имела два все более явно различимых элемента и, соответственно, предмета: человека в качестве субъекта деятельности, и многообразие его отношений к миру.

Но и мера, если рассматривать ее как сохраняющийся принцип деятельности, обладает аналогичной двойственностью. С одной стороны, она есть то, по словам Аристотеля, «чем познается количество». Эту сторону можно определить как измерительную, или **метрическую**. Другая сторона меры является качеством, которым оцениваются те или иные свойства. Ее можно определить как оценочную, или **аксиатическую**.

Две стороны меры — метрическая и аксиатическая — определяли собой различные отношения человека к миру. Развитие и усложнение деятельности проявлялось в создании необходимых средств, воплощавших обе стороны. Таковыми были меры в виде некоторых идеалов, образцов, эталонов, норм, примеров и т.п. Но, как и сам человек, они содержали в себе неразличимые вначале функции — метрическую и аксиатическую. Дифференциация деятельности, переход к относительно массовому производству способствовал обособлению функций. Мастерство, например, могло проявляться в том, чтобы создавать вещи не хуже известного образца, производить их количество в пределах заданного качества. Но в создании самого образца вопрос о количестве мог вообще не возникать. Подобный вид деятельности — его можно определить как художественный — порождал новые меры, преимущественно в аксиатической функции. Оба вида деятельности, основанные на одной из функций меры, стали со временем относительно самостоятельными.

В итоге можно наблюдать «две культуры» (Ч.Сноу): материальное и духовное производство, науку и искусство, мораль, а в самой науке — естественнонаучное и гуманитарное познание, и два основных метода — объяснение и понимание. В общем смысле обе культуры — дань телесности и духовности человека. В более конкретном смысле, их существование обусловлено двойственностью меры в познании. Можно ли говорить о равнозначности ее сторон? Она необходима, поскольку выражает сущность меры, что, в общем-то, легко объяснить. Но именно понимание этого, а также признание факта, что современная цивилизация — это

преимущественное развитие метрической стороны меры, обязывает настаивать на особой значимости другой ее — аксиатической — стороны.

Е.Н.Яркова
(г. Тюмень)

КУЛЬТУРА КАК УНИВЕРСУМ СМЫСЛОВ

Проблема дефиниции понятия «культура» принадлежит к числу «заношеных» проблем. И, тем не менее, всякий, кто полагает культуру в качестве объекта исследования, сталкивается с этой вечной проблемой и, следовательно, вечным вопросом — что такое культура? В чем причина «необычайной живучести» этой проблемы и неугасаемой актуальности этого вопроса? Очевидно, здесь существует целый комплекс причин, важнейшей из которых является сверхсложность и процессуальность культуры как формы бытия. Разные эпохи и разные умы открывали в культуре разные грани, тем не менее, говорить о том, что этот процесс завершен или близится к завершению едва ли возможно. Исчерпывающее, завершенное знание о культуре — гносеологический идеал, достижение которого, во всяком случае, в ближайшем будущем, едва ли осуществимо. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что стремление понять культуру, открыть тайну ее происхождения, выявить внутреннее устройство, определить законы развития непреодолимо, поскольку непреодолимо стремление человека к самопознанию.

Что касается определения культуры, то, следует говорить, по крайней мере, о двух позициях относительно понимания этого сложного объекта — феноменальной и ноуменальной.

В феноменальном смысле культура есть наряду с природой, человеком, обществом, некая сфера бытия, специфическая, несводимая к другим, реальность. В феноменальном смысле культуру принято определять посредством соотношения ее с природой, в таком контексте культура предстает как «вторая природа» — мир искусственных, созданных человеком объектов. Необходимо отметить, что такое определение культуры является универсальным, объединяющим различные исследовательские традиции и школы. Феноменальное определение культуры фиксирует представление о культуре как некоем феномене — объекте чувственного созерцания.

Гораздо более сложная проблема — определение ноуменальных оснований культуры, ее умопостигаемой сущности, внутреннего содержания, выражающегося в единстве всех многообразных и противоречивых форм ее бытия. При этом нельзя упускать из вида то обстоятельство, что сущность есть одновременно источник генезиса, т.е. архэ — первоначало.

Одна из первых попыток определения сущностные основания культуры принадлежит Г.Риккерт. Свою оригинальную теорию познания он строит на различении понятий «природа» и «культура». Природа рассматривается Риккертом как бытие свободное от всякого отнесения к ценности. Противоположностью природе, в видении Риккерта, является культура, как совокупность объектов (благ), в которые воплощены признанные человеком ценности. «Продукты природы — утверждает Риккерт, то, что свободно произрастает из земли. Продукты же культуры производит поле, которое человек вспахал и засеял. Следовательно, природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и представлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура, как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности»¹. Соответственно, как полагает Риккерт: «...если от объекта культуры отнять всякую ценность, то он станет частью простой природы»².

Идея определения сущности культуры как ценности представляется, чрезвычайно эвристичной, поскольку в ее контексте формируется представление о некоей, условно говоря, субстанции, которая, первое — отсутствует в природе, второе — выступает как исходный порождающий ген культуры, третье — составляет внутренний каркас любых культурных феноменов.

Однако, определение сущности культуры как ценности недостаточно полно, поскольку сводит мир культуры к миру должного — эталонам, идеалам, образцам. Такого рода аксиологическая редукция отсекает, все, что не является воплощением должного, оставляя его за границами культуры. Однако, очевидно, что культура — это не только бытие, порождаемое ценностями, в ней присутствуют и другие, не лежащие в аксиологической плоскости, интенции. Иными словами, как это не печально, но приходится констатировать, что культуру конституируют не только высокие идеалы — добро, любовь, истина, справедливость, но и антиидеалы — зло, ненависть, ложь, властолюбие, алчность также могут быть мотивами человеческих деяний. Во всяком случае, история дает немало свидетельств о том, что строительный субстрат мировой цивилизации образуют кровь и слезы. Таким образом, культура несводима к ценностям. Вместе с тем, бытие культуры отличает от бытия природы именно наличие некоторого идеального, выходящего за рамки вещного бытия, содержания. Наиболее адекватным понятием для обозначения этой содержательной стороны культуры будет понятие «смысл». Смысл — это то, что конституирует культуру, то, что лежит у ее истоков и то, движет ее развитием. В природе нет смыслов, смысл — создание человека, культура — смылосодержащая реальность. С позиции исследователя, культура есть бытие, отнесенное к смыслам — универсум смыслов.

Смысл — исходная единица культуры

Смысл — исходная структурная единица культуры, ее начальный кирпичик, атом, и, одновременно, исходное зерно, геном. Смысл выступает, одновременно, как единица культуры и начальный элемент культурологического анализа. Разумеется, речь идет о широком культурологическом, а не об узком лингвистическом понимании этой категории. Хотя, несомненно, культурологические трактовки смысла не создавались «на пустом месте». Культурология аккумулировала знания, накопленные в различных сферах гуманитарных знаний: лингвистической и логической семантике, семиотике, психологии, антропологии и др. Что же такое смысл в культурологическом понимании?

Очевидно, что «смысл» — понятие очень емкое, полисемантическое. Возможно, по этой причине достаточно сложно построить некоторое строгое и всеохватывающее его определение. Существует мнение, что понятие «смысл» принадлежит к тем наиболее общим категориям, которые не подлежат определению и должны восприниматься как некоторая данность, как исходные, не нуждающиеся в доказательствах аксиомы. Действительно, чрезвычайно проблематично определить смысл категории «смысл» уже потому, что эта категория определяется через самое и себя, что роковым образом замыкает мыслительный процесс в порочный круг.

В качестве синонима термина «смысл» в словарях и справочниках фигурирует термин «значение». Как представляется, этот термин нетождествен, но, тем не менее, наиболее близок понятию «смысл». Смыслы есть, закрепленные в опыте человека значения тех или иных явлений, предметов, процессов и мира в целом. Такое определение находит обоснование в семиологии, где смысл трактуется как мысленное представление — референция — некоторого предмета — референта. Однако семиология не только обосновывает предложенное определение, но и демонстрирует его ограниченность, настаивая на том, что не всякая референция имеет референта, существуют мысленные образы, не имеющие исходного источника в предметном мире³. Представление о несводимости смысла к предметному значению стоит у истоков интеллектуальной традиции разделения предметного — сигнификативного, экстенционального, денотативного и не предметного или сверхпредметного — эмотивно-оценочного, интенционально-сущностного, коннотативно-дополнительного аспектов смысла. Очевидно, что смысл — отнюдь не отражение или механическое воспроизведение действительности, он рождается в результате специфической переработки информации о мире.

Лексема «смысл» в русском языке связана родственными узлами с такими однокоренными словами как мысль, мышление, осмысление, размышление, замысел, промысел, вымысел, домысел и др. Содержание понятия «смысл» может быть раскрыто посредством его соотнесения с понятием «мышление». Современная эпистемология определяет мышление как активный процесс

обработки информации о мире. Мышление есть процесс осмысления, т.е. наделение познаваемой информации смыслом, его концептуализацию. Если попытаться соотнести категорию «смысл» с классическими гносеологическими категориями: «ощущение», «восприятие», «представление», то, по-видимому, самой близкой будет категория «представление». В дефиниции В.А.Лекторского представление есть: «...наглядный чувственный образ предметов и ситуаций действительности, данный сознанию и в отличие от восприятия сопровождающийся чувством отсутствия того, что представляется... Представления — не наглядные «картины», существующие во внутреннем мире сознания и разглядываемые «умственным взором», а формы готовности к активной познавательной деятельности во внешнем мире»⁴. Исходя из такого определения можно предположить, что представление есть акт осмысливания — важнейшая гносеологическая процедура, в ходе которой человек упорядочивает окружающий его хаос и формирует мотивационные основания деятельности и социального взаимодействия.

Что касается означивания смыслов, то представляется очевидным, что культура располагает огромным разнообразием способов кодировки смыслов. Во всяком случае, можно выделить две основные стратегии означивания смыслов: правополушарную, образно-эмоциональную — обобщающую знания о мире при помощи системы эмоционально окрашенных образов и левополушарную, логико-вербальную, рациональную, обобщающую информацию о мире при помощи системы понятий, символов⁵. Религия, искусство, миф как формы познания опираются, по преимуществу, на правополушарную образно-эмоциональную стратегию, философия и наука имеют в своей основе левополушарную стратегию. Разумеется, предложенная схема в достаточной степени условна, в реальности любое знание синтетично, речь может идти только о приоритетах.

Знаковая реальность, подобно смысловой реальности необычайно богата и разнообразна, Ч.С.Пирс, например, выделяет десять классов знаков, дробящихся на множество подразделов⁶.

Квалификация смысла как содержательной, но не формальной категории способствовала формированию философской традиции отождествления смысла с идеей или, точнее говоря, с эйдосом (чистой сущностью) предмета. Э.Гуссерль позиционирует эйдетическую интуицию, раскрывающую эйдос объекта, как «акт придания смысла»⁷. Такого рода эссенциалистская интерпретация категории «смысл» уходит корнями в древний анимизм, согласно которому каждая вещь имеет собственную душу; философию Платона, с присущим ей противопоставлением мира чистых сущностей — идей, чувственному миру вещей; феноменологию Гегеля, разделяющего внешний предметный мир феноменов и внутренний смысловой мир ноуменов. Представление о смысле как трансцендентной, надындивидуальной, внеположенной человеку сущности развенчивается экзистенциализмом. По М.Хайдеггеру, смыслы — бытийные структуры (экзистенциалы) экзистенциального бытия человека — его присутствия. «Смысл есть

экзистенциал присутствия, не свойство, которое присуще существу, располагает-ся «за» ним или где-то парит как «междущарствие». Смысл имеет лишь присут-ствие, насколько разомкнутость бытия-в-мире «заполнима» открываемым в ней сущим. Лишь присутствие может быть осмысленно или бессмысленно», — ук-азывает философ⁸. Понимание смысла как продукта человеческой деятельности еще более ярко представлено в учении Ж.П.Сартра, провозгласившего, что жизнь не имеет априорного смысла, люди сами должны придать ей смысл⁹. Толкование смысла как человеческой реальности восходит к софистам. Тезис Протагора «Человек есть мера всех вещей...», утверждал взгляд на человека как законодателя, задающего меру вещам, формирующего нормы человеческо-го бытия. В философии постмодерна субъективизм в понимании смысла дости-гает крайних пределов. Основой смысловтворческой деятельности человека объявляется «игровой принцип», идея тотального смыслового релятивизма артикулируется Ж.Лаканом при помощи понятия «скользящее» или «плавающее означающее»¹⁰.

Как представляется, однозначно эссенциалистские или экзистенциальные трактовки понятия «смысл» ограничены. С одной стороны, смысл, есть некото-рая духовная сущность, в которой в концентрированном виде представлен куль-турный опыт человечества, в этом отношении смысл трансцендентен и объек-тивен. С другой стороны, смысл — отнюдь не застывшая субстанция, жизнь человека есть процесс постоянной интерпретации сложившихся и полагания новых смыслов, в этом отношении смысл имманентен и субъективен. Рождение смысла совпадает с рождением человека. Выделяясь из природы и утрачивая, точнее говоря, частично утрачивая биологические способы регуляции жизни (инстинкты, рефлексy) человек вынужден вторичным образом организовывать мир и свою деятельность в мире. Смысл выступает как сгусток, квинтэссенция разнообразной информации о мире и одновременно, как программа деятельно-сти и социального взаимодействия людей. Смысл — продукт мышления как средства осмысления действительности, наделения ее смыслами различного уровня. Жизнь человека является процессом постоянного опредмечивания и распредмечивания смыслов. Ж.Делез пишет: «Смысл подобен сфере, куда я уже помещен, чтобы осуществлять возможные обозначения и даже продумывать их условия. Смысл всегда предполагается, как только я начинаю говорить. Без такого предположения я не мог бы начать речь»¹¹. Смысл выступает как матри-ца, организующая освоение новой информации, как априорная схема познания. Смысл всегда находится между прошлым и будущим, он, одновременно, путе-водная нить в неизвестное и хранилище накопленных знаний.

Принципы организации смысловой реальности

Важнейший этап анализа смысловой реальности — определение ее общей конституции, выявление принципов организации и функционирования смыслов.

В истории мировой интеллектуальной культуры накоплен огромный опыт по этому вопросу. Важнейшим положением, извлеченным из этого опыта, можно считать представление о том, что глубинной, универсальной структурой упорядочения смыслов является **дуальная оппозиция**. Аналогично тому, как начальным кирпичиком смысловой реальности выступает смысл, начальной конструкцией, на которой зиждется все здание системы смыслов, выступает дуальная оппозиция. Ю.Лотман называет дуализм «минимальной формой организации работающей семиотической системы»¹². Подобно компьютеру мозг человека систематизирует многообразную информацию о мире при помощи универсального для всех культур и народов двоичного принципа, разделяя добро и зло, прекрасное и безобразное, истину и ложь и т.д. Бинаризм организации смыслового поля культуры наглядно представлен в мифах. Например, посредством разветвленной системы дуальных оппозиций, определяющих пространственные, временные, социальные и др. характеристики мира осуществлялось его описание в древнеславянской мифологии¹³. Такая раздвоенность культуры в наиболее обнаженном виде предстает в учении иранского пророка III в. н.э. Мани, рассматривающего добро и зло как две, противостоящие друг другу субстанции мира. Изображая весь мир как борьбу двух высших и извечных сил — света и тьмы, **манихейство** онтологизирует дуализм, интерпретируя этот принцип в абстрактно-теоретическом ключе. Важно понять, что суть манихейства заключается не в самом существовании оппозиций, поскольку они изначально присущи любой культуре, но в их абсолютизации, в отрицании возможности диалога, синтеза противоположных смыслов. В современной науке о культуре термин «манихейство» получает двойную смысловую нагрузку. Он используется не только как имя собственное, обозначающее конкретно-историческое явление культуры, но и как имя нарицательное, концептуализирующее некоторую группу однотипных явлений мировой культуры. Манихейство — культурная универсалия и важнейшая категория культурологического анализа не столько потому, что это духовное течение распространилось на огромные территории от Монголии до Рима, но, главным образом, потому, что манихейская доктрина в концентрированной форме выразила некоторые общечеловеческие смысловые структуры и механизмы их функционирования.

Бинаризм как инструмент классификации смыслов проявляет себя в различных масштабах. В любой культуре можно выделить глобальные и более частные дуальные структуры. Одной из фундаментальных можно назвать нравственную дихотомию «добро — зло». Ее происхождение имело, по-видимому, утилитарные корни, однако со временем убывая, утилитарное содержание уступало место аксиологическому. Выполняя функцию метаструктуры, оппозиция «добро — зло» присутствует в качестве нравственного контекста практически в любой частной оппозиции, создавая глобальное членение культуры на два крыла, полюса — положительный и отрицательный. Таким образом, можно говорить об

устройстве смысловой реальности как **иерархии дуальных оппозиций**, сложной, разветвленной системе бинарных смысловых структур. Вместе с тем, очевидно, что все двоящееся тело культуры имеет некоторый центр, ось, на которую нанизываются смысловые антиномии. Этот центр можно рассматривать как **метасмысл**, организующую упорядочивающую, стягивающую в единое целое суперидею. В истории мировой культуры можно выделить несколько таких суперидей. Ею может быть Бог, Природа, Материя, Разум и др.

Конечно, представления об устройстве смыслового пространства как иерархии дуальных оппозиций, организованных вокруг некоторого смыслового центра далеко не ново. Его можно обнаружить в свернутом виде в философии Платона. В частности, в «Законах» философ рассматривает мир идей как иерархически организованную систему, в которой идеи нижнего яруса подчинены идеям верхних ярусов¹⁴. При этом на вершине пирамиды возвышается некоторая, не обусловленная никакой другой идеей абсолютная Идея. Интересно, что Платон выделял два основных упорядочивающих начала, из которых вырастает тотальность всех идей. Высшее начало — Единое, по Платону, задает форму, границы, пределы мира идей. Рангом ниже расположено другое упорядочивающее начало — принцип Диады, или Дуализма, понимаемый как безусловное и неограниченное начало множественности.

Однако далеко не все положения философии Платона созвучны современной теории смыслообразования. Например, едва ли можно согласиться с утверждением, согласно которому мир идей и порядок бытия в целом атемпоральны и не процессуальны. Культурология утверждает обратное — мир эволюционирует к более высоким формам сложности, наращивая внутреннее разнообразие элементов, соответственно, существование человека возможно лишь при условии постоянного осмысливания усложняющейся реальности. Каковы же в целом механизмы осмысливания?

Простейшим таким механизмом, согласно теории А.А.Ахиезера, является — **экстраполяция** — способ осмысливания, основу которого составляет процедура отнесения тех или иных элементов реальности к исторически сложившимся смыслам¹⁵. В сущности, экстраполяция есть процесс втискивания нового содержания в прокрустово ложе уже сложившихся дуальных смысловых структур. Экстраполяция неотделима от **инверсии** — специфического типа логики культуры, абсолютизирующего полярности и замкнутого на чередовании полярных смыслов. Мышление, следующее **инверсионной «маятникообразной» логике**, рассматривает какое либо явление или предмет окружающего мира через переход от его отождествления с одним из полюсов соответствующей дуальной оппозиции к отождествлению с противоположным полюсом. Инверсия выступает как оборачивание — **отчуждение** от одного полюса оппозиции и **партиципация** к другому, в рамках сложившихся дуальных оппозиций. Например, осмысляемое явление может последовательно соотноситься с добром и злом,

определяться как воплощение добра или, наоборот, зла и никогда как нечто находящееся между ними. Господство инверсии связано с определенным типом мышления, рассматривающим явления через полюса исторически сложившихся оппозиций¹⁶.

Представляется очевидным, что экстраполяция и инверсия — категории, характеризующие, условно говоря, статику смыслового поля культуры, раскрывающие процесс осмысливания мира в неизменных смысловых структурах. Представление о такой логике культуры на самом деле является идеализацией, поскольку в культуре нет и не может быть буквальных повторений. Тем не менее, условно можно говорить о культуре статической, ориентированной на консервацию сложившихся смыслов и динамической, ориентированной на генерацию новых. Для культуролога интересны оба способа осмысливания действительности, консервативный и инновационный, тем не менее, проблема рождения новых смыслов может быть названа центральной проблемой культурологии. Соответственно вопрос: каковы механизмы смыслогенеза? — можно квалифицировать как «основной вопрос» культурологии.

В истории мировой интеллектуальной культуры существовали самые различные версии ответов на этот вопрос. Наиболее приемлемой представляется точка зрения, согласно которой новый смысл не возникает из ничего, он рождается в результате синтеза сложившихся полярных смыслов. Эта идея составляет основу диалектического метода Г.В.Ф.Гегеля. Диалектическое движение, по Гегелю, — это движение спиралевидное, с триадическим ритмом: каждое понятие (тезис) превращается в свою противоположность (антитезис) и из противоречия двух понятий возникает высшее (синтез), которое затем испытывает ту же судьбу, т.е. находит антитезис, требующий еще более высокого синтеза¹⁷. Важно отметить, что гегелевское «снятие» (*Aufhebung*), сечетающее функции устранения и сохранения является аналогом определенного типа логики культуры, получившей в культурологии название **медиации**. Медиация — творческий процесс, его суть заключается в нацеленности на формирование синтеза сложившихся полярных смыслов. Медиация противоположна инверсии, это логика не крайностей, но середины, она стоит у истоков **срединной культуры**. Медиация неотделима от **интерпретации**. В свою очередь, интерпретация противоположна экстраполяции, эта форма осмысливания реальности направлена на выход за рамки сложившихся смыслов и формирование нового смысла. Она неотделима от **рефлексии** — критического мышления. Возникая на каких-то нижних этапах культуры, медиация ведет к мутации всего организма культуры. Достигая вершины пирамиды смыслов, медиация дискредитирует сложившийся метасмысл. Рождение новых смыслов, постепенное разрастание их количества делает тело культуры рыхлым и аморфным и рождает необходимость реструктурирования накопленного смыслового богатства. Перестройка всей системы смыслов осуществляется на основе выдвижения нового организующего принципа, нового метасмысла.

Типология смыслов

В многообразном пространстве смысловых систем сформированных человечеством можно выделить два глобальных типа, один из которых зиждется на логике экстраполяции и инверсии, другой — на логике медиации и интерпретации. Идея выделения статических закрытых и динамических открытых типов культуры достаточно стара. Ее предпосылки можно обнаружить в философии Просвещения. И.Г.Гердер, например, различал статичные закрытые расовые культуры и кумулятивно и прогрессивно развивающуюся европейскую культуру¹⁸. Преодолевая свойственный просвещенческой мысли европоцентризм, мыслители XX века — Э.Фромм, А.Бергсон, А.Тойнби, П.Сорокин и мн. др. делают представление о двух типах культуры — статическом и динамическом важнейшей частью своих культурфилософских концепций. Особый интерес в связи с этим представляет концепция А.Ахиезера, который помимо закрытого — традиционного и открытого — либерального, выделяется промежуточный, переходный — утилитарный тип культуры¹⁹. Сформированная А.Ахиезером типологическая триада: традиционализм — утилитаризм — либерализм, представляется в научном плане очень перспективной. Ее основанием выступают два взаимосвязанных аспекта: динамический аспект — типы культуры выделяются по принципу их нацеленности на статический или динамический тип существования, и рефлексивный аспект — типы культуры отличаются по степени развития рефлексии, т.е. способности критического анализа сложившихся смыслов и синтезирования новых. Кроме этого в самой типологии содержится ключ к пониманию механизмов смысловой динамики. Развивая идеи А.С.Ахиезера, можно выделить три типа культуры: традиционный, утилитарный и креативный (термин «либеральный» представляется слишком политизированным). Конкретизация характеристик смысловых систем традиционного, утилитарного и креативного типов обнажает структуру смысловой динамики, т.е. делает зримой логику переходов от одного типа культуры к другому.

Смысловая система традиционного типа. Смысловая система традиционного типа отвечает специфической форме восприятия мира в модальности «мир–условие». Традиционалистская стратегия бытия — это стратегия адаптации к существующим природным и социально-историческим условиям.

В основании смысловой системы традиционного типа лежит принцип опоры на некоторый внешний авторитет, который осмысливается как высшее, абсолютное благо, метасмысл. Наполнение категории «абсолютное благо» может быть различным, это могут быть: Бог, некоторое Верховное начало (Небо), Высшая духовная сущность (Брахман), Абсолютный закон (Дао, Дхарма). Таким образом, в качестве метасмысла в смысловой системе традиционного типа утверждается как Абсолют — некоторая фиксированная, раз и навсегда заданная сущность. Смыслы интерпретируются традиционализмом как заданная Абсолютом неизменная и независимая от творческих усилий человека идеальная

реальность. В традиционалистском толковании они черпаются не из человеческого разума, но из иного, внешнего источника. Соответственно смыслы, в традиционалистском толковании, трансцендентны, абсолютны, сакральны, потусторонни.

Основу логики традиционализма составляют процедуры экстраполяции и инверсии. Подчеркивая антирационализм традиционализма Е.Шацкий, указывает: «Выбор в пользу прошлого исключает, в частности, апеллирование к разуму в вопросе принципов поведения; исключает необходимость поиска каких бы то ни было принципов. Сохраняя верность предшественникам, мы должны вести себя так же как они, не спрашивая «почему» и «зачем»»²⁰. Однако в традиционном мировоззрении традиция изображается не столько как противоположность разуму, сколько как подтвержденный многовековым опытом, истинный разум. Традиционализм квалифицируется его носителями не как иррационализм, но как сверхрационализм.

Укорененность традиционной логики в абсолютном определяет главенство эссенциалистского подхода, в рамках которого бытует представление о приоритете сущности над существованием. Это культура несвободы, самоотречения единичного во имя всеобщего, подчинение части целому, холистских идеалов. Родовые качества человека представляются более важными, нежели индивидуальные, вследствие чего не формируется представление о личной автономии, ценность личности отсутствует. Отдельный человек всегда виден сквозь призму интересов коллективного целого, это человек для общества, для государства, для Бога.

Смысловая система традиционного типа освящает специфически традиционный тип воспроизводственной деятельности — *простое воспроизводства*, ориентированное на воспроизведение культуры и общества в неизменном виде. Традиционная культура консервативна, она не санкционирует творчество, в нем не содержится идеи развития, инновации получают статус нарушения табу, Закона Божьего. Традиционализм лежит в основании центростремительных, интеграционных механизмов динамики культуры: его усилия сконцентрированы на сохранении установленного порядка, формализации. И.Г.Яковенко пишет: «...для примитивного традиционализма характерно познание мира как однородного целого, миропорядок объявляется порядком неизменным»²¹. Именно по этой причине установление смыслов в рамках традиционализма находится вне компетентности человека, приобретает характер мистической заданности некоторой сверхчеловеческой субстанции.

Смысловая система утилитарного типа. Восприятие мира в модальности «мир-средство» рождает утилитарный тип смыслов²². Утилитарная стратегия бытия — это стратегия использования существующих природных и социальных условий.

Утилитаризм предстает как система смыслов в качестве метасмысла, которой выступает безусловное, непосредственно ощущаемое благо человека, общества. Семантическое содержание утилитаризма концентрируется вокруг идеи

возведения материального и социального благополучия в статус высшего блага. Яркое представление о специфике утилитаристского понимания высшего блага дает религиозная философия, противопоставляющая «человека духовного», устремленного к граду Божьему, «человеку душевному плотскому», принадлежащему граду Земному. Именно Земной град, «психоматериальное царство» (Н.О.Лосский), определяющий душевно-телесное благо человека как высшее, является сферой сосредоточения утилитарных смыслов бытия. Таким образом, в рамках утилитаризма происходит «переворачивание» религиозной смысловой иерархии: душевно-телесное начало человека квалифицируется как первичное и определяющее, тогда как духовное рассматривается как вторичное, производное.

В ценностно-смысловом пространстве культуры утилитаризма условно можно выделить два уровня.

Первый — включает собственно утилитарные фиксированные ценности: удовольствие, счастье, успех, любовь, благосостояние и т.п. Гедонистическая и эвдемонистическая компоненты утилитаризма особенно значимы, поскольку именно они выступают как некоторые дополнительные, конкретизирующие главный принцип полезности, критерии смыслообразования.

Второй — не включает фиксированных ценностей, представляя собой, изменяющееся в зависимости от ситуационной конъюнктуры образование: ценностно-значимым представляется все, что приносит максимальную пользу человеку или обществу. Польза, удовольствия, счастье — понятие относительные, отсюда и сам утилитаризм неотделим от релятивизма. Смысловое поле утилитаризма представляет собой чрезвычайно эклектичное, подвижное образование. Смысловая «всеядность» утилитаризма, позволяет формировать на его основе различного рода смысловые гибриды, соединяющие традиционные и креативные смыслы. В рамках утилитаризма происходит расшатывание, свойственного традиционализму антирационализма. Отказ от подчинения авторитету традиции и переход к тактике принятия решений на основе анализа ситуации и стремления извлечь из нее максимальную выгоду становится мощным фактором развития рационализма, рефлексии. Рефлексия — «мысль о мысли, догоняющая мысль» (Шреyder) — в культурологическом плане есть способность человека к критической оценке культуры, в пространстве которой он существует, т.е. способность к рациональному анализу существующих смыслов, программ деятельности. Присущая традиционализму сакрализация смыслов исключает такого рода возможность отстраненного созерцания сложившихся смыслов. В рамках утилитаризма сакральные смыслы, утрачивая свой непререкаемый авторитет, становятся доступными критической оценке. Наметим основные механизмы и пути развития рефлексии в русле утилитарных смысловых установок.

Во-первых, утилитаризм — способ разгерметизации синкретического традиционного мышления, оперирующего нерасчлененными представлениями. В рамках утилитарного, объектно-вещного восприятия реальности происходит расчленение,

присущей архаичной культуре язычески пантеистической бессубъективности, формирование субъект-объектного отношения человека к окружающему миру. Исторически первым типом культуры, в котором человек не только осмысливает, но культурно конституирует свою отдельность, свое Я, свою отчужденность от природного Универсума, в сущности, является утилитаризм.

Во-вторых, утилитарная интерпретация действительности превращает мир в предмет аналитических размышлений человека, в ходе которых осуществляется вычленение и оценка отдельных его элементов. Конечно, этот анализ не идет дальше принципа «отнесения к полезности», тем не менее, он создает стимул для развития рефлексии, критического оценивающего мышления.

В-третьих, в ходе утилитарно-аналитической деятельности происходит осмысление причинно-следственных связей явлений действительности. Начинается процесс «расколдования» мира, естественно вытекающий из объектно-вещного к нему отношения. Превращаясь в вещь для человека, мир перестает быть «вещью в себе». Рождается тенденция объяснения мира из него самого, а не при помощи ссылок на Богов, потусторонние силы. Из этого логично вытекает типично утилитаристский способ практического, а не магического воздействия на мир.

В-четвертых, утилитаризм подтачивает инверсионную логику культуры, становится почвой прорастания синтезирующей логики — медиации, и ее продукта — «срединной культуры». Конечно, речь идет только о тенденции. Возникая на фоне традиционализма, утилитаризм значительно усложняет процесс оперирования дуальными оппозициями как инструментом познания реальности. На сложившиеся в культуре традиционные дуальные смысловые структуры утилитаризм накладывает универсальную утилитарную оппозицию «польза — вред», тем самым, усложняя процесс осмысливания реальности на порядок. Явления окружающего мира проходят «двойную идентификацию», т.е. сначала сопоставляются со сложившимися традиционными смысловыми структурами, а затем с утилитарными. В результате расхождения двух различных оценок — традиционной и утилитарной, осмысливаемое явление не получает однозначной квалификации как позитивное или негативное. Возникает антиномичное наложение смыслов. В рамках традиционализма–утилитаризма эта антиномия не снимается, однако она затормаживает, затрудняет инверсионные перепады и становится стимулом к поиску синтеза. Это синтез осуществляется за пределами утилитаризма, его становление означает рождение новой смысловой системы — либерализма. Вообще говоря, прецеденты «срединной культуры» возникают уже в русле утилитаризма. Оценка какого-либо явления как пользы вопреки его квалификации с позиции традиционализма как безусловного зла ведет к отказу от абсолютизации полярных смыслов, возникновению релятивистского мышления, которое, заполняя пространство между полярными смыслами, являет собой утилитарную форму «срединной культуры». Тожественная полезности утилитарная срединная культура» чрезвычайно зыбка и ненадежна, тем не менее,

без ее существования невозможен был бы подлинный синтез, который возникает как результат диалога абсолютистской логики традиционализма и релятивистской логики утилитаризма.

В-пятых, утилитаризм, в целом, стимулирует поисковую мыслительную деятельность человека, который, отрекаясь от традиционалистской тактики оперирования готовыми стереотипными смыслами переходит к тактике принятия решений на основе анализа ситуации и стремления извлечь из нее максимальную выгоду. Утилитаризм можно назвать микрорационализмом. Однако «утилитаристская арифметика», основанная на подсчете максимальной пользы, не дотягивает до подлинного рационализма. В отличие от рационализма утилитаризм недальновиден, сосредоточенный на решении частных задач, он не озабочен проблемой поиска всеобщих оснований бытия. Элиминация абсолютных смыслов (даже фиксированные утилитарные смыслы, такие как удовольствие, счастье, успех — относительны), их тотальная вариативность определяют высоту фактора риска утилитарных программ деятельности. Ориентированный на сиюминутный успех, неспособный к масштабному видению причинно-следственных зависимостей утилитаризм может направить человека и общества на путь саморазрушения.

Вместе с тем, утилитаризм выступает как предтеча рационализма: его важнейшая миссия — дискредитация мифологического мышления и подготовка почвы для критического, рационального мышления. Возможно, утилитаристский здравый смысл есть исторически наиболее ранняя форма рационального осмысления мира, этап рационализации мышления. К.Каутский утверждал, например, что торговля развивает совершенно другие формы мышления, чем ремесло и искусство: «Купец менее консервативен, чем земледelec или ремесленник, поскольку его профессия требует гибкости ума и широты кругозора... мышление в категориях кредитов и процентов развивает способность к абстрагированию»²³. Нечто похожее можно найти и у Э.Блоха: «...нужда первой учила мыслить. Правда чисто человеческое мышление тем самым еще не развивается, поскольку оно в спринтерском темпе пробегает длинные отрезки ради получения быстрой пользы. Медленное дыхание Исследующего требует времени, если он хочет определить, что происходит, даже когда нечего положить в рот ... Другими словами, мышление может стать глубоким, если оно разбужено нуждой»²⁴.

Неукорененность утилитарной смысловой системы в абсолютном определяет главенство экзистенциалистского подхода, в рамках которого начинает складываться представление о приоритете существования над сущностью. Подчиняясь существованию, сущность становится предметом утилитарного манипулирования. Однако до идеала подлинной свободы утилитаризм не дорастает, поскольку в нем отсутствует идея творчества, формирования новых смыслов, а, следовательно, отсутствует ценность личности. Утилитаризм в равной мере может использовать как холистские, так и индивидуалистские идеалы, однако

типичной приметой утилитаризма является эгоизм, который может приобретать как индивидуальные, так и групповые формы.

В рамках утилитаризма осуществляется переход от **простого воспроизводства к расширенному**. Утилитарный тип воспроизводства можно было бы назвать смешанным, поскольку он соединяет две противоположных стратегии. Смысловая система утилитаризма двойственна — консервативна и инновационна, она не поощряет высокое творчество, которое представляется ей бесполезным занятием, зато санкционирует полезное изобретательство, усовершенствование материальной сферы культуры, поэтапную инженерию, тем самым, открывая простор технологическим инновациям. Утилитаризм продуцирует специфическую, ограниченную рамками средств, форму прогресса — инструментальный прогресс. В сущности, продуцируемая нравственностью развитого утилитаризма идея сотрудничества и интеграции в сфере инструментально-технологической деятельности может рассматриваться как специфическая, ограниченная рамками средств форма диалога. В исторической ретроспективе утилитаристский диалог выступал одновременно как стратегия, направленная на преодоление монологических установок изоляционизма и ксенофобии и как этап диалогизации культуры и общества, как путеводная нить в пространство экзистенциального диалога.

Смысловая система креативного типа. Восприятие мира в модальности «мир-цель» рождает креативный тип смыслов. Креативная стратегия бытия — это стратегия преобразования существующих природных и социальных условий.

Смысловая система креативного типа возникает в результате синтеза традиционных и утилитарных смыслов. Креативизм имеет в своем основании принцип **диалога** и **самоорганизации**, который можно расшифровать как принцип полагания смыслов на основе рационального анализа и синтеза различных элементов действительности. При этом действительность понимается широко как природная, социальная, духовная, наконец, личностная реальность. Креативная смысловая система формируется как «срединная культура» между сложившимися трансцендентными и имманентными, абсолютными и относительными, потусторонними и посюсторонними, сакральными и профанными, общими и единичными смыслами. Сущность креативной смысловой системы формируется как мера сущностей — результат синтеза полярных смыслов. Соответственно и ценности креативизма предстают как продукт этого синтеза. Логика креативизма — это логика медиации и интерпретации. Креативизм отказывается от идеи неизбежности смыслов, также как и от идеи их тотальной относительности, это не догматизм и не релятивизм, но реализм, соединяемый с творческой установкой. В таком прочтении смыслы — продукт рефлексии человека, в процессе которой установлен диалог между прошлым и будущим, между традицией и новацией, между универсальными и индивидуальными человеческими ценностями. Креативная смысловая система складывается на

границы пересечения эссенциалистской и экзистенциальной парадигм, что влечет отказ от абсолютизации как холистских, так и индивидуалистских идеалов социального бытия. В культурологическом смысле креативная культура — это культура личности. Социальное бытие личности предполагает постоянное напряжение между морально-коллективистскими и морально-индивидуалистскими его аспектами. Отторгая, как эмбрионально-аморфный синкретичный коллективизм, так и атомистически — своекорыстный индивидуализм, основной стратегией социального взаимодействия личность полагает синергию, солидаризм. Солидаризм рождается в результате синтеза альтруистических и эгоистических интенций.

Главное отличие креативной смысловой системы — процессуальность, креативность, ориентация на постоянное наращивание творческого потенциала. Такой тип смыслов освящает стратегии **расширенного воспроизводства** культуры и общества. Креативизм соединяет центростремительные — интеграционные и центробежные — дифференционные механизмы динамики культуры: ценностно-смысловым основанием такого синтеза выступает идея свободы и ответственности личности. Креативная смысловая система закладывает новый тип гармоничного развития, преодолевающий скачкообразные инверсионно конфликтные, революционные формы. Такой тип развития превращается в главный смысл существования человека.

Универсум смыслов

Универсум смыслов — сложное, многослойное, многоуровневое образование. Современное знание о смысловой реальности более чем ограничено — парадоксальным образом, человек менее всего знает о том, что составляет его собственную суть. Действительно, провести «инвентаризацию» смыслов, т.е. составить подробную опись содержания смысловой реальности, едва ли возможно по ряду причин. Во-первых, очевидно, далеко не все смыслы переводимы на какой бы то ни было язык. Языковая реальность беднее реальности смысловой. Во-вторых, составить опись смыслов сложно в силу огромного ее объема. Известно, что создание искусственного интеллекта проблематично в силу именно чрезмерно большого объема информации, для которого не существует пока адекватного носителя. В-третьих, подобно бесконечно делимой материальной реальности, сфера смыслов многослойна, наличие смысловых тонов и полутонов, оттенков и нюансов чрезвычайно усложняет проблему «инвентаризации» смыслов. Наконец, в-четвертых, помимо смыслов осознаваемых существуют смыслы существующие подсознательно.

Разумеется, сложность проблемы не означает устранения этой проблемы. Абсолютное — полное и законченное познание смысловой реальности — гносеологический идеал, к которому следует стремиться, постепенно уменьшая расстояние между реальным положением дел и этим идеалом.

Примечания

- ¹ Риккерт Г. Науки и природе и науки о культуре // Культурология XX век: Антология. М., 1995. С. 69.
- ² Там же. С. 70.
- ³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. 1998. С. 50.
- ⁴ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 129, 131.
- ⁵ Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1999. С. 56—62.
- ⁶ Пирс Ч.С. Разделение знаков // Избранные философские произведения. М., 2000. С. 176—200.
- ⁷ Гуссерль Э. Логические исследования. СПб., 1909.
- ⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 151.
- ⁹ Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / Сб. ст. / Сост. и общ. ред. А.А.Яковлева. М., 1989. С. 342.
- ¹⁰ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 17.
- ¹¹ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 45.
- ¹² Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 164.
- ¹³ Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А.Токарев. М., 1994. Т. 2. С. 451.
- ¹⁴ См.: Платон. Соч. в 4 т. М., 1993.
- ¹⁵ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. С. 576—577.
- ¹⁶ См. подробнее об инверсии: Проблема социокультурных инверсий: Сб. науч. тр. / Под ред. И.В.Следзевского и др. Саратов, 1997.
- ¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. 1970—1972. Т. 1—3.
- ¹⁸ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 440, 607—608.
- ¹⁹ Ахиезер А.С. Цит. изд. С. 520.
- ²⁰ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 401.
- ²¹ Яковенко И.Г. Небесный Иерусалим или Российская империя: диалектика должного и сущего // Рубежи. 1997. № 8—9. С. 29.
- ²² См. об утилитаризме: Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001; Яркова Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // Общественные науки и современность. 2002. № 2.
- ²³ Каутский К. Происхождение христианства. М.; Л., 1930. С. 167.
- ²⁴ Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Екатеринбург, 1997. С. 56.

Секция 1

ФИЛОСОФСКИЕ, ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

*С.Ю.Гасникова
(г.Нижневартковск)*

ДИАЛЕКТИКА СУБКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ: ДИАЛОГ КАК ОСНОВАНИЕ ЕДИНСТВА КУЛЬТУРЫ

Диалектические отношения субкультур поддерживают целостность и бытие российской культуры и национального менталитета. Их возможный синтез достижим лишь в сознании личности, отдельного субъекта культуры, способного сформировать собственный, результирующий образ аутентичной национальной культуры и критерии «инокультурности». Однако полноценные диалогические отношения между субкультурами и их носителями возможны только в социальном пространстве.

Очевидно, что контакты на почве культуры представляют наиболее характерные для человеческого общества формы социального взаимодействия. В этом смысле, внимание к проблеме диалога в рамках мультикультурных взаимосвязей и в пределах субкультурных взаимодействий отражает реальные процессы формирования исторического единства человеческого общества в целом и национальных единств, в частности. Диалогичность представляет как сущностный, так и существенный элемент межкультурных взаимодействий. Так, с одной стороны, диалог представляется имманентным измерением существования культуры как социального феномена, наделенного определенной онтологией и потенциями самостоятельного существования. С другой стороны, диалогичность, имманентная, присущая культуре имеет и более близкое культурной эмпирии историческое измерение.

В отечественных исследованиях культуры исторический аспект проблемы диалога культур ставился и подвергался определенному анализу задолго до формирования системных социокультурных исследований, одной из фундаментальных репрезентацией которых можно считать дисциплинарную культурологию. Одним из примеров внимания к историческому аспекту проблемы диалога можно считать исследования, посвященные творчеству М.М.Бахтина¹.

В более поздних отечественных исследованиях диалог позиционируется уже как некая фундаментальная реальность самой культуры, в частности, как основная форма существования культуры, главное условие ее жизнедеятельности в процессе исторической эволюции. Так, например, в работе Э.В.Сайко «О природе и

пространстве «действия» диалога» дается следующее определение такого рода формы: «Диалог — это общение с культурой, реализация и воспроизводство ее достижений, это обнаружение и понимание ценностей других культур, способ присвоения последних, возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами. Он — необходимое условие научно-го поиска истины и процесса творчества в искусстве. Диалог — это понимание своего «Я» и общение с другими. Он всеобщ и всеобщность диалога общепризнанна»².

Диалог культур (субкультур) невозможен без определенного образа исходной культуры, который служит своеобразным основанием для идентификации иных культур, выступающих репрезентацией «чужого» или «другого».

Позитивным итогом отмеченной спонтанности межличностного общения «на рубеже культур» могут служить отношения между поколениями, полами, социальными институтами в пределах каждой из культур, а также существенные изменения в присущей им системе ценностей, каждая из которых с той или иной эффективностью выполняет функцию внутрикультурных регулятивов. Таким образом, границы межкультурного взаимодействия не совпадают с «границами» личностей» и проводятся, как правило, в интерсубъективном пространстве, где реализуются онтологические, сущностные интенции культурного целого.

Примечания

¹ Баева И.В. Концепция диалога культур в трудах М.М.Бахтина // Взаимовлияние форм культуры в духовной жизни общества. Л., 1986. С. 54—63.

² Сайко Э.В. О природе и пространстве «действия» диалога. М., 1999. С. 9.

Г.А.Гумерова
(г. Нижневартовск)

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ Г.В.ЛЕЙБНИЦА

Многие идеи математической логики были изложены в трудах великого немецкого математика, философа и логика Готфрида Вильгельма Лейбница (1646—1716). Согласно его собственным воспоминаниям, уже в ранней молодости у него зародилась идея логического исчисления: «...я поневоле натолкнулся на ту замечательную мысль, что можно придумать некий алфавит человеческих мыслей и с помощью комбинации букв этого алфавита и анализа слов, из них составленных; все может быть и открыто и решено. Когда я понял, я возликовал; я радовался какой-то детской радостью, ибо тогда я еще не осознавал всего величия этого дела. Но впоследствии, чем большего утверждался в своем решении посвятить себя столь великому делу»¹.

Лейбниц готов был долго трудиться над созданием всеобщего логического метода, который дал бы возможность заменить содержательное рассуждение формальным вычислением.

Основатель кибернетики Н. Винер писал: «философия Лейбница концентрируется вокруг двух основных идей, тесно связанных между собой: идеи универсальной символики и идеи логического исчисления»². Разрабатывая эти идеи, Лейбниц получил немало ценных результатов. Они были достаточно вескими основаниями для того, чтобы признать его родоначальником математической логики. Лейбниц написал диссертацию «О комбинаторном искусстве», где изложил свою теорию открытия, и ряд работ по теории доказательства, или аналитике. В основе комбинаторики лежит идея о создании новых понятий на основе известных простых: имея все простые, можно получить и все сложные. Используя комбинаторику, Лейбниц составил полный список модусов ассерторических силлогизмов. Комбинаторика и аналитика, по Лейбницу, есть открытый им способ построения всеобщей науки и универсальной философии, способ «такой же ясный и неопровержимый, как способ построения арифметики»³.

Философ стремился к тому, чтобы логика сделала процесс умозаключения независимым от размышления о содержательном смысле предложений, входящих в этот процесс, подобно тому, как процесс математического вычисления не зависит от размышления о содержательном смысле знаков, применяемых в нем.

Н.И. Стяжкин, автор книги по истории логики следующим образом излагает основные принципы логики Лейбница:

1. «Каждое понятие может быть сведено к фиксированному набору простых (т.е. неразложимых далее) понятий. Этот набор берется из некоторого числа элементов, образующих, алфавит.

2. Сложные понятия выводятся из простых лишь с помощью операции логического умножения, соответствующего конъюнкции в исчислении высказываний и операций пересечения объемов понятий в логике классов.

3. Набор простых понятий должен удовлетворять критерию непротиворечивости.

4. Любое высказывание является предикативным в том смысле, что оно может быть эквивалентным образом переведено в другую форму, в которой предикат уже подразумевается в субъекте.

5. Всякое истинное утвердительное предложение является аналитическим в том числе, что его предикат содержится в субъекте (естественно, для интенциональной интерпретации)⁴.

Идеи Лейбница нашли применение при создании и разработке формализованных систем в современной логике и ее практических приложениях.

Примечания

¹ Лейбниц Г.В. Об универсальной науке, или философском исчислении. Элементы универсальной характеристики. Исследования универсального исчисления. Основания логического исчисления // Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. М., 1984. Т. 3. С. 414.

² Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1988. С. 57.

³ Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. М., 1984. Т. 3. С. 415.

⁴ Стяжкин Н.И. Становление математической логики. М., 1998. С. 232.

Г.Х.Красько
(г. Нижневартовск)

НЕРАЗГАДАННЫЙ РУССКИЙ ФИЛОСОФ

Розанов, несомненно, явление необычное, и, несмотря на то, что покровы тайны над своей жизнью он не простирал, он мало кем понят по-настоящему. Все русские философы «Серебряного века» являются фигурами, вызывающими споры, но Розанов провоцирует споры и недоумения особенного рода. Это единственный из философов России рубежа веков и первой трети XX в., который не причислял себя к христианству, но при этом не был позитивистом или сторонником иной систематической безрелигиозной философии. До сих пор спорят: считать его писателем или возвести в ранг философа, может он считаться русским экзистенциалистом или нет и так далее. О нем говорят — «антихристианин», «черносотенец», «реакционный журналист», «скандалист» и проч.

Жизнь Розанова являет собой классический авангардно-постмодернистский перформанс, когда сам человек делает из себя артефакт, свою человеческую материю используя как знаковый, экспонентный материал для создания эстетического текста. В ту эпоху перформансы воспринимались исключительно как банальные скандалы и хулиганство. Посему только во второй половине XX в. Розанов может быть понят с выявлением более полного смысла. Розанов привлек всех своих читателей, почитателей и критиков, как тогдашних, так и будущих, заставив их интересоваться не только всеми его афористическими высказываниями, но и интересоваться, спорить и размышлять над всеми жизненными перипетиями бывшего учителя из Ельца.

Самое главное произведение Розанова — это он сам и его жизнь; масса читателей, как зачарованная, следит за ним чем особо не примечательной жизнью отставного чиновника из Сергиева Посада. Невенчаный брак для России был довольно обыденным явлением, никому не интересным; розановская семейная драма, ничем не отличавшаяся от многих других подобных, стала фактом не только литературы, а даже русской вообще культуры.

Своеобразие личности Розанова еще и в том, что он — человек XX, даже XXI века, вынужденный жить до наступления своего времени. Он более человек

XX в, чем все его знаменитые современники-русские философы. И поэтому он был вывихнут из эпохи. Здесь истоки розановского одиночества, маргинальности, всех странностей его поведения, многих шумных скандалов, связанных с его именем. Розановская отвергнутость и маргинальность состоят в принципиальном несоответствии эпохе. Ведь христианство с его персоналистической ориентацией, вытекающей из представлений о Боге как о личности, создало предпосылку для появления индивидуалистического сознания и индивидуалистической культуры.

Напрасно искать у Розанова системы, напрасно искать исчерпывающего решения проблем, не следует удивляться противоречиям. Финал жизни Василия Васильевича — покаяние, мучительная смерть от истощения — тоже являются не вполне понятными и даже двусмысленными. С этим открытым вопросом и окончилось «сентиментальное путешествие» длиною в жизнь пастора Йорика из Сергиева Посада.

Р.В.Красько
(г.Нижневартовск)

КУЛЬТУРНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ А.А.БОГДАНОВА

Тектология — Всеобщая организационная наука, непосредственная предшественница кибернетики — была задумана А.А.Богдановым как наука о строительстве социализма на основе всего культурного социально-экономического опыта, накопленного человечеством.

Богданов считал себя рядовым представителем важного и сильного течения жизни и мысли, которое даст людям действительную свободу развития. Наука и социализм — вот два берега, между которыми пролегает русло идейной эволюции Богданова. Что касается науки, то ее цель — создание плана завоевания природы. Организационная концепция социализма уделяла главное внимание превращению общественного труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей.

Богданов понимал, что производительные силы общества непрерывно растут, растут и организуется громадный класс общества, стремящийся осуществить новые формы организации.

Основным строением новой общественной организации, — писал А.А.Богданов, — является высшая степень социальности. «Трудовая сплоченность великой семьи человечества и коренная однородность развития людей должны создать такую степень взаимного сочувствия и взаимного понимания людей, на которую слабым указанием является только современная солидарность

сознательных и борющихся элементов рабочего класса — представителя будущего общества в настоящем».

Каким представляется Богданову социалистическое общество? Это общество, в котором все производство организовано на сознательно-товарищеских началах. Отсюда другие черты социализма: общественная собственность на средства труда, уничтожение классов и такое распределение продуктов, при котором каждый мог бы в полной мере развивать свою производительную энергию, следуя своему трудовому призванию. Но эти условия могут осуществляться лишь тогда, когда налицо будет их основа, товарищеская организация производства в целом, значит лишь тогда, когда рабочий класс одержит окончательную победу и получит возможность по-своему организовывать все общество. А до тех пор не может быть не постепенного уничтожения классов, ни постепенного перехода к общественной собственности на средства производства, ни планомерного распределения общественного продукта. Пока трудовые отношения общества не станут социалистическими, не возможен никакой социализм в имущественных отношениях людей.

И все же социализм — не только будущее, но и настоящее, не только идея, но и действительность. Он растет и развивается. Залог этому — сознательность, товарищеская связь рабочего класса, — писал А.А.Богданов, — социализм требует также новой науки и новой философии. Их дело состоит в том, чтобы собирать опыт людей воедино и организовывать его в стройный порядок.

Богданов надеялся, что «организационное мышление» распространится на рабочий класс, а затем на другие слои общества, разрушит «фетиши авторитарно-индивидуалистического сознания» и станет основой единения общечеловеческого коллектива в условиях атомной эпохи.

А.А.Богданов развивал представления о социализме как о хозяйственной системе, в рамках которой продолжается организационно оформляться процесс, превращающие экономику в единую фабрику, «все общество становится единым предприятием». «Рабочий класс осуществляет дело организации вещей в своем труде, организации своих коллективно человеческих сил в своей борьбе», — писал А.А.Богданов.

В процессе выполнении пролетариатом своей исторической миссии формируется человек будущего — «человек науки, человек труда, человек идеала», многогранный работник с универсальностью знаний и навыков и высокоразвитым чувством коллективизма.

Но уроки первой мировой войны привели Богданова к выводу о неготовности реального европейского пролетариата к роли — класса строителя социализма. Однако это не привело его ни к отказу от дальнейшей разработки нетоварной модели социалистического хозяйства, ни к пересмотру однозначной ориентации на рабочий класс как единственную силу, способную «тектологически верно» разрешить противоречия капиталистического общества. Он остался

убежденным сторонником социализма, «коллективистом по чувству и разуму одновременно».

Примечания

¹ Бухарин Н.И. Памяти А.Богданову // Богданов А.А. Тектология. Кн. 2. С. 346.

М.К.Кудярова
(г. Нижневартовск)

ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАССЕТ О МАССАХ И ЭЛИТЕ

Испанский философ *Хосе Ортега-и-Гассет* (1883—1955 гг.) один из наиболее известных западных мыслителей XX века. Большая часть работ Ортеги-и-Гассета — художественно-публицистические очерки, насыщенные его философскими идеями, которые оказали влияние на европейскую мысль в самых разных областях — философии, истории, социологии, эстетике. Наибольшую известность получила его работа «Восстание масс» («Rebelión de las Masas») (1929 г.), в которой был осмыслен феномен возникновения «массового сознания» в современном обществе.

Философ выявил основные черты «массового общества», которое возникло в определенной духовной атмосфере, сложившейся на Западе в результате кризиса буржуазной демократии, бюрократизации общественных институтов, распространения денежных отношений на все формы межличностных контактов. Внутри подобных общественных связей каждый человек чувствует себя статистом, исполнителем извне навязанной ему роли, частицей безличного начала — толпы.

По мнению Ортеги-и-Гассета, изучаемое им явление имеет два аспекта:

1) массы выполняют сейчас те самые общественные функции, которые раньше были предоставлены исключительно избранному меньшинству;

2) и в то же время массы перестали быть послушными этим самым меньшинствам: они не повинуются им, не следуют за ними, не уважают их, а, наоборот, отстраняют и вытесняют их¹.

Мыслитель критикует данную духовную ситуацию, считая ее неизбежным результатом демократической активности масс, и видит выход в создании новой, аристократической элиты — людей, способных на произвольный «выбор», руководствующихся только непосредственным «жизненным порывом».

Однако, по мнению философа, господство масс имеет и положительную сторону: оно способствует подъему исторического уровня и показывает наглядно, что средний уровень жизни сегодня выше, чем был вчера.

Но автор не идеализирует явление масс, он, напротив, говорит о том, что человек массы не способен управлять ходом цивилизации и ее прогрессом, это — участь немногих. Так, исторические познания правящей элиты сделали возможным изумительный прогресс XIX века².

Таким образом, элита и масса — явления взаимообусловленные. Абсолютное большинство способно на усилие только в том случае, когда необходимо реагировать на какую-либо внешнюю силу, элита же возникает в противовес толпе.

В работе «Восстание масс» Ортега-и-Гассет выступает за европейское единение в защиту общей западной культуры против варварства масс. Под элитой он понимает тех, кто свободно выбирает свои цели, в то время как массы пассивно повинуются нормам, установленным другими. Рационализм Ортега-и-Гассет считает своеобразным интеллектуальным стилем «массового общества». В итоге, он призывает вернуться к донаучным формам ориентации в мире, к древней «любви к мудрости».

Примечания

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Авторский сборник. М., 2008. С. 21.

² Там же. С. 62.

Л.М.Налимова
(г.Нижнеартовск)

СЕКТАНТСТВО В РОССИИ

За свою долгую историю Россия повидала большое количество сект и ересей: от Скопцов кастрирующих себя в 18 веке до современного культа Судного дня, члены которого угрожали жечь себя живьем в Волжской Области в прошлом году.

Вплоть до 17-ого столетия, Русская православная церковь имела полную духовную власть. Однако, в 1666, Патриарх Никон решил соотнести российскую церковь с греческим православием и потребовал переписывать духовные каноны.

Догма и традиции всегда играли большую роль в религиозной жизни в России. Так что его действия всполошили народ.

Никон предложил верующим использовать три пальца вместо двух для перекрещивания. За это люди назвали его антихристом. Русские боялись года 1666, с его сатанинскими ассоциациями, и действия Никона, казалось, им быстрым приближением апокалипсиса.

Старообрядцы впоследствии бежали в Сибирь и другие отдаленные областям России, чтобы избежать преследования и ждать конца мира.

Это послужило толчком к появлению большого количества сект и культов, которые стали интерпретировать Священное писание по своему, предлагая свою правду.

Два, наиболее печально известные из этих культов были Хлысты и их отвлечение, Скопцы.

Хлысты полагали, что путь к спасению лежит через раскаяние. Чем больше грех, тем больше раскаяние.

«Я хлещу себя, я ищущу Христа», напевали они при бичевании. Они были также знамениты за их танцы, во время которых они верили, что они соединяются со Святым Духом.

Хлысты дали начало еще одной секте — Скопцы. Они полагали, что Адам и Ева были созданы бесполоыми, и что половые органы у них появились после падения из Рая. Соответственно, чтобы избежать сексуального искушения и греха мужчины кастрировали себя. И чтобы еще больше обезопасить себя они отрезали женскую грудь.

Секта также искажала библейские тексты, обращаясь к Христу не как избавителю, и заявляли, что Иисус был также кастрирован Иваном Крестителем.

В то время как Хлысты и Скопцы были наиболее печально известными из новых сект, они не были единственными. Существовали и другие секты, такие как: духоборцы и белорицы, которые носили только белое, и другие.

Хотя эти группы в значительной степени прекратили свое существование, они оказали огромное влияние на религиозную российскую жизнь, и положили путь к появлению бесчисленных современных сект и культов, которые появились после краха Советского Союза в 1991.

Популярный образ Советского Союза — серое, монолитное государство, где вера во что-нибудь, что не соответствовало учению Маркса и Ленина, искоренялось суровыми агентами КГБ.

Однако и в те времена были люди, которые бросали свою работу и изучали древние культы. Крах Советского Союза, вывел эти широко распространенные верования, на поверхность.

От небольших практиков, эти организации прошли свое развитие, до крупных корпорации, зарабатывающие миллионы рублей.

Современные сектанты не стоят на месте и идут в ногу со временем. У большинства из них имеются свои персональные сайты, которые своей многообщаемостью привлекают огромное количество посетителей.

Экономический спад, который поражает Россию к концу 2008, также оказал влияние на современных тайных гуру. Кроме обычных проклятий и любовных заклинаний, много ведьм и волшебников утверждают, что способны защитить своих клиентов от увольнения, проклясть плохого начальника и даже магически поспособствовать в получении ипотеке.

Как мы можем видеть секты, ереси и культы всегда были в России. Многие ученые на западе сходятся во мнении, что русским проще верить в чудеса в

силу своего менталитета. Любые действия, которые влекут за собой появление чего-то нового, необъяснимого — пугает и заставляет людей искать пути сохранения старого. В таких случаях появлялись секты. Иногда секта становилась единственным способом заработать, когда времена были такие, что у людей не было уверенности в завтрашнем дне, и нужна была любая работа.

Многие западные и отечественные специалисты склонны считать, что советское правительство — это одна большая секта. Они отняли у людей религию, возможность свободного передвижения, они решали за тебя, куда ты пойдешь работать и сколько ты будешь на свободе.

К сожалению, в современном мире, секты и культы стали неотъемлемой частью общества.

О.В.Никулина
(г.Нижневарттовск)

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ ЭРНСТА КАССИРЕРА

Выдающийся немецкий мыслитель *Эрнст Кассирер* (1874—1945 гг.) создал оригинальную концепцию культуры, которую он изложил в своих поздних работах, в частности, в книгах «Философия символических форм» («*Philosophie der symbolischen Formen*») (1923—1929 гг.) и «Опыт о человеке» («*An essay on man*») (1944 г.).

В полном согласии с положениями Марбургской школы неокантианства философ считал, что «вещь в себе» не обладает реальным бытием¹. Однако в отличие от Г.Когена и П.Наторпа Кассирер понимал ее как «...пограничное понятие, на которое направлены критически-познавательная рефлексия и критически-познавательный анализ... Тогда оно служит не утверждению... абсолютного бытия в отличие от мира феноменов чистой формы, а тому, чтобы выявить определенные отношения между ними»². Это понятие в разных теоретических системах меняет свой смысл.

Материал для построения опыта («многообразие») создается у Кассирера самой мыслью. Соответственно, пространство и время перестают у него быть созерцаниями (как у И.Канта) и превращаются в понятия. Рядом с миром чистых знаний научного мышления, где предметное растворяется в отношениях, ученый поместил мир языкового мышления и художественного созерцания.

В философии культуры Кассирера человек понимается как «символическое животное» — *animal symbolicum*. По его мнению, «человек живет... не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта»³.

Поэтому символ — это ключ к природе человека. Физическая деятельность как бы отдалается от человека по мере того, как растет его символическая деятельность. Человек постоянно обращен на самого себя и настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы и религиозные ритуалы, что ничего не может видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Именно «принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью... позволяет войти в специфически человеческий мир, в мир человеческой культуры»⁴.

Изначально культура дается нам как многообразие огромного количества фактов, отмечает Кассирер, которое объединяется затем в некоторые целостные системы, обладающие внутренним единством. Но на чем основано это единство? Ученый считает, что в каждой культурной форме существует особый созидательный принцип, подобный основному понятию в теоретическом познании. Он называет его «символической функцией». Это и есть тот единый фактор, который, имея свой собственный вид, проявляется по-разному.

Кассирер видит в символе универсальное выражение культурной, духовно-творческой деятельности человека. Символ есть такой знак и в то же время такой образ, который вследствие сочетания в нем моментов чувственности с моментами чистой активности духа содержит в себе как бы некую магическую силу, действием которой усваивается и даже создается некое существо вещи⁵.

Однако каждый символ (будь то произведение искусства, религиозный обряд или что-то еще) наряду со смыслообразующим значением имеет и свою материальную сторону. Поэтому символ также обозначает нечто чувственное, воплощающее в себе чувство посредством способа, каким оно дано. Человек живет в физическом мире, который оказывает на него постоянное влияние и налагает отпечаток на все формы его жизнедеятельности.

Кассирер не отрицает интенциональной природы символа как указующего на «нечто». Однако под этим «нечто» подразумевается у него единство функции самого формообразования, т.е. правила символического функционирования.

Три основных функции символической репрезентации, утверждает философ, суть, во-первых, функция выражения, в которой непосредственно отождествляются друг с другом знак и обозначаемое (мир мифического мышления); во-вторых, функция представления, в рамках которой символический характер мышления осознается, но которая все еще относится к предметной сфере (обыденный язык); в-третьих, функция обозначения, в рамках которой математические или логические знаки относятся лишь к абстрактным отношениям (наука).

В книге «Философия символических форм» немецкий мыслитель ставит и решает вопросы о том, как возможны миф, язык и наука, а в книге «Опыт о человеке» — также и вопросы о том, как возможны религия и история. Он указывает на существование символических форм этики, права, экономики и техники, поскольку каждая обособленная сфера культуры потенциально является символической формой.

Миф, язык и наука служат в системе Кассирера феноменологическими начальными пунктами потому, что они существуют как начальные пункты в историческом понимании развития людей⁶. Человек последовательно переходил от стадии мифологического мышления, в котором он интерпретировал свой опыт посредством образов и обрядов, к стадии, где он развивает логический характер языка, и далее к стадии научного мышления и техники, на которой он получает способность сводить феномены к переменным величинам в системах формального обозначения.

Таким образом, центральное для философии культуры Кассирера понятие символа представляет собой модификацию кантовской «априорной формы», т.е. формальный синтез чувственного многообразия. Вопрос о том, существует ли реальность помимо символа, немецкий мыслитель характеризует как философски неуместный⁷. Следовательно, решение проблем культуры и человеческого бытия сводится у него к отысканию формообразующего принципа, а не к раскрытию содержания, могущего скрываться за символическими формами.

Примечания

¹ См.: Кассирер Э. Философия символических форм. М.: СПб., 2002. Т. 3. С. 15—16.

² Кассирер Э. К вопросу о логике символического понятия // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.: СПб., 1998. С. 421.

³ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: СПб., 1998. С. 471.

⁴ Там же. С. 481.

⁵ См.: Фохт Б.А. Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э.Кассирера // Там же. С. 763.

⁶ См.: Верен Д.Ф. Кант, Гегель и Кассирер. Происхождение философии символических форм // Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997. С. 414—415.

⁷ См.: Свасьян К. Кассирер Эрнст // Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и отв. ред. В.С.Малахов, В.П.Филатов. М., 2000. С. 181.

О.Д.Павлова
(г.Лангенас)

К ВОПРОСУ О СЕМИОТИКЕ КУЛЬТУРЫ

В семиотических исследованиях существует два основных подхода к анализу культуры. Первый из них связан с традицией Ч.С.Пирса и работами его преимущественно североамериканских последователей, второй, характерный, в первую очередь, для европейских исследователей, — с развитием идей Ф. де Соссюра.

Для Пирса в роли центрального понятия выступает знак, являющийся в его семиотике исходным и элементарным. Простые одиночные знаки могут образовывать более сложные комплексы знаков, высказывания, которые в совокупности и образуют язык. С точки зрения Ч.С.Пирса, семиотика культуры

представляет собой раздел семиотики, исследующий знаковые образования, встречающиеся в различных культурах, то есть в словосочетании семиотика культуры «семиотика» означает метод, а «культура» — объект исследования. При этом ни культура не занимает какого-либо особого положения по отношению к семиотике, ни семиотика по отношению к культуре¹.

Для Соссюра знак формирует не его отношения с замещаемым им объектом, а с другими знаками, входящими в ту же систему знаков (то есть язык). Таким образом, предпосылкой существования знака являются другие знаки. Не знак, а язык является исходной семиотической реальностью, изначальной целостностью, а отдельные знаки — суть производные от структуры языка.

Развитие структурно-семиотической методологии в значительной мере связано с реализацией соссюровской программы: в центре исследования находился язык (понимаемый семиотически, т.е. любая знаковая система), его структура и методы его описания (бинарные оппозиции, дистрибуции, трансформации и т.п.).

Представители тартуско-московской школы, выработали целостную семиотику культуры: семиотика и культура неразрывно связаны между собой. Основу культуры составляют семиотические механизмы, связанные, во-первых, с хранением знаков и текстов (память культуры, связь с традицией), во-вторых, с их циркуляцией и преобразованием (внутрикультурная и межкультурная коммуникации, перевод) и, в-третьих, с порождением новых знаков и новой информации (обеспечение инноваций, разнообразная творческая деятельность). Другие функции культуры являются производными от этих базовых, семиотических функций.

Спецификой тартуско-московской школы является ее текстоцентричность: не язык, не знак, не структура, не бинарные оппозиции, не грамматические правила, а текст является центром ее концептуальной системы. Семиотика культуры занимается текстами, более того, сама культура может быть рассмотрена в качестве текста.

В тексте заложена семиотическая двойственность: текст имманентен и самодостаточен, но всегда включен в культуру, является ее частью; полное исключение текста из культуры приводит к уничтожению его природы.

Такого рода двойственность характерна и для культуры, рассматриваемой как целое. В широком смысле вся культура является текстоморфной, параллели между культурой и текстом многочисленны. Как и текст, культура в целом представляет собой, в первую очередь, определенный комплекс информации. Различные тексты несут в себе разную информацию, различия между культурами так же информационные.

Подобно тому, как внетекстовая реальность является по отношению к тексту не исходным, но производным от него образованием, так и в культуре противопоставляемая ей не-культура является производной от нее. Не-культура всегда специфична именно для данной культуры. То же самое касается и «другой»

культуры. Отношения культуры с другими культурами и внеположенной (данной) культуре имеют диалогическую природу.

Культура пребывает в постоянном диалоге с внешними по отношению к ней пространством, структурируя его по своему образу и подобию. Культура может быть интерпретирована и как текст, и как коллективное сознание. Поддержание культурной самоидентичности обеспечивается постоянной интерпретацией культурного кода — комплекса необходимой для существования данной культуры информации, содержащейся в самых разнообразных текстах этой культуры.

Примечания

¹ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. 768 с.

В.Н.Побединский
(г.Нижневартовск)

МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ, ПОЛИТИКОЙ И КУЛЬТУРОЙ: ЕВРАЗИЙСТВО И «ИГРЫ» СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Культурно-публицистическое наследие евразийцев, насчитывающее более шести тысяч страниц, занимает в истории отечественной мысли весьма важное место. По мнению исследователей учения, в частности В.Я.Пашенко, первые евразийские идеи были изложены в культурфилософской, антизападнической работе князя Н.С.Трубецкого «Европа и человечество», вышедшей в свет в Софии в 1920 г.

На первом этапе существования евразийского учения именно философия истории и философия культуры стали его базисными, перспективными направлениями развития, попыткой создания собственной оригинальной научно-исследовательской школы, ориентированной на восточнические идеи славянофилов и почвенников. Как утверждают Л.Люкс (Luks L.) и М.Ларюэль (Laguette M.), евразийцев, как и представителей немецкой «консервативной революции» 1920-х — начала 1930-х гг., родило желание изменения существующего порядка вещей посредством идей, поэтому они отводили центральное место в своем учении идеологии.

Успех евразийства в белоэмигрантских кругах, а также его реальное противостояние марксистско-ленинской идеологии, вызывали серьезную тревогу в СССР. Известный перебежчик ПГУ КГБ СССР О. Гордиевский упоминает об оперативной разработке двух основных белоэмигрантских групп — «Высшего монархического совета» (ВМС) в Берлине и «Российского общевойскового союза» (РОВС) в Париже через проведение специальной операции «Трест». Евразийскую секцию «Треста» возглавил сотрудник КРО (Контрразведывательного отдела

ВЧК-ОГПУ) А.А.Ланговой, внедренный в организацию. Наибольшую известность получила комбинация советской контрразведки по дезинформации политических лидеров евразийства, и в частности, П.С.Арапова, о наличии в СССР конспиративной, подпольной «Монархической организации России» (МОР), якобы готовый воспринять евразийские идеи. Попавшись на эту оперативную уловку «Треста» евразийцы П.С.Арапов и П.Н.Савицкий тайно посетили СССР, налаживая контакты с несуществующей структурой.

Обширный потенциал движения решили задействовать и английские спецслужбы. А.В.Соболев отмечает, что П.Н.Малевский-Малевич, получил от англичанина Г.Сполдинга «на русское дело» 10 тыс. фунтов стерлингов (около 100 тыс. золотых рублей), согласившись тратить их на евразийское движение. Среди евразийцев возник соблазн «переиграть» ОГПУ, используя британское финансирование. Вместе с тем, Н.Ю.Степанов указывает на финансирование через агента ОГПУ С.Я.Эфрона кламарской «левой» евразийской группы.

Так в результате оперативной игры КРО и идеологизации движения евразийство все более и более удалялось от науки, погружалось в политику. Усугублял ситуацию раскол движения на «правых», оставшихся на традиционных, культурно-философских и историософских началах, и «левых», проводивших через газету «Евразия» пробольшевистскую агитацию. Все это, а также определенный утопизм самих евразийских идей, и предопределили окончательную ликвидацию движения к середине 1930-х гг.

Впоследствии «Трест» был разоблачен евразийцами, однако дезинтеграционные процессы в учении было уже не остановить. Катастрофичность ситуации, в ходе которой евразийские ученые-исследователи попали в «политическую ловушку», ощущали и сами представители движения. Так в конце 1925 г. «верховный евразиец» князь Н.С.Трубецкой писал своему другу и соратнику П.Н.Савицкому: «Меня просто пугает, что с нами происходит. <...> Надо назвать вещи своими именами: мы станем политиками и живем под знаком примата политики. Это — смерть»¹.

Как актуально звучат слова Николая Трубецкого сегодня, предостерегая последующие поколения исследователей от опасностей идеологических экспериментов в области науки и культуры.

Примечания

¹ Соболев А.В. Полюса евразийства: Л.П.Карсавин (1882—1952), Г.В.Флоровский (1893—1979) // Новый мир. 1991. № 1. С. 182.

ЭТОС КУЛЬТУРЫ Р.БЕНЕДИКТ

Рут Бенедикт (1887—1948) — американский культурантрополог, виднейший представитель этнопсихологического направления в американской антропологии. Р.Бенедикт предлагала рассматривать каждую культуру как конфигурацию ее элементов, которая определена единой культурной темой. Она предприняла попытку выхода за пределы простого описания поведения индивида как продукта культуры. При этом она предлагала охарактеризовать согласованность культуры как целого, поскольку каждая культура имеет уникальную конфигурацию своих элементов, а их, в свою очередь, объединяет общая культурная тема — этос культуры, которая определяет соотношение элементов культуры и их содержание. Религия, семейная жизнь, экономика, политические институты все вместе взятые образуют единую неповторимую структуру. Причем из различных возможных вариаций тех или иных систем отношений, способов действия, форм общественных институций в каждой культуре присутствуют только строго определенные вариации — те, которые соответствуют этосу культуры.

Таким образом, этос культуры проявляется во всех сферах жизнедеятельности человека: в социальной стратификации, в технологии производства, в экономическом обмене и распределении собственности и т.п.

Р.Бенедикт полагала, что культура в процессе реализации тех или иных социальных моделей, которые соответствуют ее этосу, не оставляя места для иных типов институций. Следовательно, элементы, несвойственные данной культуре, в ней не развиваются. Определенные аспекты жизни, важные для одной культуры, могут не иметь никакого значения для другой, либо интерпретируются в ней по-своему. Каждое человеческое общество, — писала Р.Бенедикт, — когда-то совершило такой отбор своих культурных установлений. В каждой культуре, с точки зрения представителей других культур, игнорируется фундаментальное и разрабатывается несущественное.

Анализируя психологическую концепцию Р.Бенедикт, следует отметить, что она подразумевала необыкновенную пластичность человеческой природы: социальное и культурное окружение оказывает большое влияние на личность, тем самым последняя становится частью культуры.

Р.Бенедикт уделяла большое внимание психологической согласованности различных институций, возникших в обществе. В тоже время у нее не было четко разработанной концепции индивидуальной психологии и не велись исследования в русле личностного развития. Она была убеждена, что психологическая согласованность личности индивида связана с психологической согласованностью культуры. Неудивительно, что работа Р.Бенедикт «Модели культуры» в большей степени посвящена пониманию культуры как модели личности,

и в меньшей — развитию способов исследования взаимосвязи между культурой и личностью.

Этнопсихология усвоила идею, впервые высказанную Р.Бенедикт, о существовании некоего внутрикультурного интегратора. Этнос культуры как центральная тема культуры в этнопсихологии не является внутрикультурным интегратором. Она, интерпретируясь разными внутриэтническими группами различным образом, является материалом, на основании которого реализуется функциональный внутриэтнический конфликт — основной механизм функционирования этноса и его реструктуризаций в меняющихся условиях существования. Центральная тема культуры (этнос) определяет общую направленность деятельности членов этноса, но не может детерминировать форму, модель их деятельности.

Таким образом, этнос культуры, по мнению Р.Бенедикт, представляет собой отобранный обстоятельствами структурированный опыт, воплощенный в представлениях и находящий выражение в определенных практиках, предназначенный для последующего воспроизводства его субъектами. Так как культуры имеют этническую окраску, то этнос можно интерпретировать как этносоциальный опыт. Следовательно, этнос является особым идеальным социокультурным образованием и комплексом поведенческих программ, реализация которых обеспечивает его воспроизводство.

Л.Г. Скульмовская
(г. Нижневартовск)

КУЛЬТУРА КАК СУПЕРСИСТЕМА

Проблема социальных изменений является одной из самых важных современных проблем. Понятие «социальное изменение» означает переход социального объекта из одного состояния в другое, а также любую модификацию в социальной организации общества, его социальных институтах и социальной структуре, установленных в нем образцах поведения.

Существует множество подходов к анализу социальных изменений — институциональный, функционалистский, конструктивистский и др. Практически в каждом из них выделяются переломные моменты (события), которые определяют дальнейшее развитие социальной системы. Предполагается, что время от времени складываются ситуации, когда становится возможным влияние на направление и характер социальных изменений. Переход социальной системы в качественно новое состояние может быть итогом сознательных действий людей, а также непредвиденными последствиями их деятельности. В основе целенаправленного процесса, ориентируемого на изменение ситуации, лежит выбор между различными вариантами развития¹.

В социологии теория социальных изменений существует в нескольких вариантах. Р.Мертон², под влиянием идей Т.Парсонса, попытался создать модель социального изменения в традициях структурно-функционального анализа, в которой предложил систему его множественных моделей на уровне конкретных социальных систем и общностей³. Мертон заявил о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели, которое может повлечь новый этап в приспособлении системы к существующему порядку, или изменение системы норм. Имеется ряд других — однофакторных и многофакторных моделей социальных изменений, которые объединяет попытка выяснить причины становления и развития тех или иных социальных явлений. Исследователи выделяют синтетические теории социально-исторических изменений, которые выходят за пределы социальной проблематики и тесно связаны с философией, историей, экономикой, этикой, другими мировоззренческими теориями и представлениями. Все эти теории фиксируют определенные социальные факты и социальные изменения.

Из всего многообразия синтетических теорий выделим одну из наиболее фундаментальных — социо-культурные изменения, происходящие в социокультурной сфере (в религиях, системе ценностей, менталитете социальных групп, обществ и целых эпох), которые являются фундаментальными и часто детерминируют все остальные изменения в обществе. П.А.Сорокин предложил своеобразную теорию социокультурной динамики, в то время, когда проблема социального изменения почти не вызывала исследовательского интереса у западных социологов⁴.

Основой его концепции является рассмотрение общества и культуры как единого социокультурного феномена — суперсистемы, где центральным понятием выступает ценность. Каждый тип культуры, по Сорокину, имеет свой закон развития и свои «пределы» роста. Преобладающая в той или иной эпохе система ценностей образует основополагающую для культурной динамики детерминанту, определяющую природу данного искусства, философии, религии, этики, экономики и политических отношений.

В идеациональных суперсистемах духовные ценности возвышаются, а материальные являются второстепенными. В чувственных культурных суперсистемах в качестве важнейшей выступает материальная сторона жизни, материальный комфорт и чувственные удовольствия каждого члена общества.

Идеалистические (интегральные) суперсистемы, которые представляют наиболее гармоничную для развития человека социетальную модель, занимают особое место в классификации культурных суперсистем П.Сорокина. Для идеалистических обществ характерно гармоничное сочетание сильного ценностно-нормативного стержня с экономическим процветанием⁵. В идеалистическом типе культуры синтезированы ценности обоих типов, которым соответствуют три формы истины — чувственная, духовная (интуитивная) и рациональная. Существует также и четвертый тип культуры, характерный для эпохи упадка,

где ценности трех основных типов эклектически сосуществуют, не образуя органической интеграции. В своей теории П. Сорокин утверждает идею бесконечной повторяемости и смены фаз трех суперсистем. При помощи диалектики он стремился объяснить ритмическую периодичность социокультурных изменений и причины их возникновения. Процесс перехода суперсистемы от одного доминирующего мировоззрения к другому сопровождается трансформацией социальных институтов, нормативных образцов, длительными периодами социальных и культурных кризисов, войн и других бедствий.

Примечания

¹ Шкурко Ю.С. Ситуационная структура процесса социальных изменений // Современные проблемы науки, образования и производства: Материалы Международной научно-практической конференции. Н.Новгород, 2009. Т. 2. С. 195.

² См.: Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль // Под ред. В.И.Добренькова. М., 1996. С. 393—462.

³ См.: Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 478—494.

⁴ См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика // Пер.с англ. М., 2006.

⁵ Цит. по Добреньков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006. С. 205.

А.А.Степанец
(г.Нижневартовск)

СОКРАТ И Э.РОТТЕРДАМСКИЙ

Сократ — великий античный мудрец (469—399 г. до н.э.) Ему принадлежит выдающееся место в истории моральной философии и этики, логики, диалектики, политических и правовых учений. Он был равнодушен к жизненным благам («чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам»), считал, что жизнь его собственное творение. Сократ был первым, кто употребил понятие «философ», в чем во многом, по его мнению, благодарен своей жене Ксантиппе, с которой у него были сложные отношения. Исследуя добродетели, Сократ пришел к выводу, что каждая из них есть определенное знание:

- «мудрость» — знание как соблюдать законы,
- «мужество» — знание как преодолеть опасность,
- «умеренность» — знание как преодолеть страсти.

Проблема в том, что понятия добродетели являются запутанными, никто точно не знает, где их границы. Надо установить точное понятие добродетели, это и есть философия. Причиной всех погрешностей людей он считал незнание. Мудрый и знающий человек, по его мнению, никогда не поступит плохо («есть одно только благо — знание и одно только зло — невежество»).

Значительную роль в философии Сократа играет сомнение («я знаю, что ничего не знаю»), которое должно привести к самопознанию («познай самого себя»). Только таким образом, учил он, можно прийти к пониманию справедливости, права, закона, благочестия, добра и зла.

Сократ был противником афинской демократии. Претендовал на роль просветителя. Он же враг изучения природы, заключив, что это является вмешательством в дело богов. Задача его философии — обоснование религиозно-нравственного мировоззрения, а познание природы — безбожное дело. Сократ говорил, что главное, это познание человеческого духа. Сомнение ведет к субъективному духу, что присуще человеку, а затем — к объективному духу — Богу.

Свои приемы исследования Сократ сравнивал с «искусством повивальной бабки», его метод вопросов, предполагающих критическое отношение к догматическим утверждениям, получил название «Сократовской иронии». Сократ выбирал известного политического деятеля, как только последний заканчивал свою публичную речь, Сократ начинал задавать свои «простые» вопросы. Перед тем как задавать их, он хвалил ум и познания своего собеседника. В итоге своими вопросами Сократ приводил своего собеседника к тому, что тот противоречил самому себе.

Учение Сократа положило начало школам киников и кириников, которые в свою очередь положили начало двум направлениям в философии:

— гедонизм — наслаждение. Аристип считал, что благо есть удовольствие наслаждением, они могут быть измерены только их интенсивностью, способы их достижения важными не являются. Знание полезно лишь в той сфере, насколько позволяет достичь удовольствия.

— аскетизм — ограничение. Добродетель связана с волей и действием, с господством человека над самим собой. Воплощением киников называют Диогена Синопского — полное пренебрежение цивилизованным нормам.

В эпоху Возрождения в 1509 г. была выдвинута Доктрина, противоположная «Сократовской иронии», автором которой был один из наиболее выдающихся гуманистов того времени Эразм Роттердамский (1466—1536 гг.). Его работа «Похвальное слово глупости» представляет собой монолог, написанный от имени самой глупости. Глупость охватывает все проявления человеческой жизни, все классы и профессии. Если бы не глупость — человеческий род вымер бы, ибо кто может сочетаться браком, не становясь глупцом. Самые счастливые люди те, которые близки к «скотскому» состоянию и лишены разума. Высшее счастье то, которое порождается на обмане, ибо так живется лучше. Монашеские ордены — сборище сумасшедших «идиотов», которые далеки от всякого благочестия, между тем сами они вполне собой довольны. По его мнению, они не могут исполнить единственную заповедь «возлюбить ближнего своего» и как раз о ней до сих пор ничего не слышно. В заключение книги говорится о том, что истинная религия является разновидностью глупости.

Со многим в его учении можно согласиться. На мой взгляд, его теория не менее значима, чем предыдущая, хоть и представлена как литературная «безделка», посвященная другу Томасу Мору (Moros — глупец). По словам Эразма написанная от нечего делать — во время продолжительного переезда его из Италии в Англию в 1509 г. Его критика схоластического направления тоже вполне обоснована: «вера идет от сердца, а не от ума и теологический подход не нужен».

Г.Т.Тухтеева
(г.Нижнеартовск)

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ПРОБЛЕМА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

К проблеме человека обращались мыслители всех эпох. Но в XX веке — веке антропологического поворота — она звучит настойчивее, чем во все предшествующие века. Актуальной в настоящее время является проблема человеческого существования, которая впервые с такой остротой поднимается в экзистенциализме, в чем заслуга мыслителей данного философского направления. Метафизические проблемы бытия трансформируются в экзистенциализме, где акцентируется внимание не на проблеме бытия, выступающего как объект, но на проблеме человека — субъекта бытия.

Одним из основных истоков экзистенциализма является учение датского мыслителя Серена Кьеркегора, который ввел понятие экзистенции как осознания внутреннего бытия человека в мире. Поскольку предметное внешнее бытие выражает собой «неподлинное существование», обретение экзистенции предполагает решающий «экзистенциальный выбор», посредством которого человек переходит от созерцательно-чувственного бытия, детерминированного внешними факторами среды, к единственному и неповторимому «самому себе».

В своей работе «Гармоническое развитие эстетических и этических начал в человеческой личности» Кьеркегор ставит проблему выбора «Entweder — Oder» («или-или»). Это проблема фундаментального выбора человеком самого себя как человеческой личности, своего нравственного самосовершенствования. Он отвергает как несостоятельную и вредную для человека христианскую концепцию, ориентировавшую человека на выбор добра и зла. «Мое «или — или» обозначает главным образом не выбор между добром и злом, но акт выбора, благодаря которому выбирается или отвергается добро и зло вместе. Суть дела ведь не в самом выборе между добром и злом, а в доброй воле, в желании выбрать, чем само собой закладывается основание добру и злу», — подчеркивает мыслитель¹. Каждый человек ожидает свое будущее, перед каждым стоит выбор

«или — или», который является актом свободной воли. Само решение выбора Кьеркегор называет «духовным крещением воли человека в купели этики».

Развивая феноменологию греха, Кьеркегор приходит к выводу, что желание человека быть самим собой порождает бунт: отчаяние порождает бунт. А бунт выражает отчаяние. Именно религиозное отчаяние способно вызвать работу человеческого духа, вырвать из абсурда и бессмысленности существования. Религиозное отчаяние, согласно Кьеркегору, — это возможность прорыва к Богу. Абсурд имеет смысл только тогда, когда человек предстает перед Богом. Моральная ответственность связывает внутреннюю сущность и поведение личности, чему способствует мужественное отчаяние — желание быть самим собой.

Опираясь на размышления Кьеркегора об отчаянии и абсурде, как постоянных факторах и категориях, приводящих человека к истинной вере, Альбер Камю развивает категории абсурдного человека, абсурдного сознания, абсурдного творчества. Однако если Кьеркегор основывается на религии и религиозной вере, то Камю ставит в центр категорию красоты и прекрасного, которая обуславливает и определяет и жизнь, и веру, и сознание человека ибо, по его убеждению, без красоты нет и не может быть ни истины, ни добра, ни справедливости, ни свободы. Кьеркегоровский пафос в отношении рыцаря веры Авраама Камю переносит на современного человека, который должен пройти все стадии духовного становления человека и человечества (Сизиф, Прометей), пока его сознание не станет совершенно ясным и просветленным. Вот тогда-то на человека нисходит «благодать», но не божественная, а собственно человеческая: человеком становится человеком, личностью. Он осознает себя и окружающий его мир во всей его неприглядности и жестокости. Но он уже человек и никогда не согласится быть рабом. Ему уже ведомы высшие человеческие ценности, а переход от абсурдной жизни и сознания к ценностям таит в себе осознание своего права на жизнь, свободу и красоту. Дремавшие в человеке творческие силы выливаются в бунт, в восстание против существующего мира, его изъянов и пороков. «...сегодняшняя история с ее распрями вынуждает нас признать, что бунт — это одно из существенных измерений человека»². Бунтующий человек, согласно Камю, творчески решает преобразовать себя и мир, создавать их в своем творчестве, чтобы стать свободным и вернуть в мир красоту и все, что с ней связано. «Для того чтобы жить, человек должен бунтовать, но его бунт не должен нарушать границы, открытые бунтарем в самом себе, границы, за которыми люди, объединившись, начинают свое подлинное бытие», — утверждает Камю³.

Кьеркегор и Камю обращаются к проблеме человека, который должен сделать свой нравственный выбор, от которого зависит его жизнь и жизнь окружающих его людей. Человек должен сделать свой выбор здесь и сейчас, зная, что он конечен. Абсурдность существования связана со смертью. Смерть является напоминанием о том, что существование не может быть отложено. И еще есть время. Время для жизни. Если человек встретился со своей собственной смертью

и осознал жизнь как «возможность возможности» (Кьеркегор), то этот человек знает, что пока он жив, он обладает возможностью изменить всю свою жизнь до того, как наступит конец — но только до того. Выбор человека «делает его хозяином своих дней» (Камю).

Человека как субъект бытия — это основополагающая проблема, поднятая в экзистенциальной философии, в которой утверждается вера в человека, его возможности, его призвание и творческие силы. Пути человека неисповедимы, как подчеркивали философы, человек в себе самом несет свой суд, свое рождение как личности и свою судьбу.

Примечания

¹ Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов/н-Д., 1998. С. 215.

² Камю А. Изнанка и лицо. М., 1998. С. 258.

³ Там же.

О.Ю.Шахова
(г.Нижнеарттовск)

«ИСПОВЕДЬ» Л. Н. ТОЛСТОГО: ПОИСК И ОБРЕТЕНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Формирование воззрений Льва Николаевича Толстого (1828—1910) как выдающегося мыслителя мирового масштаба в значительной степени связано с индивидуальным опытом переживания духовного кризиса, вызванного потребностью придать смысл собственной жизни. Поиск его, обусловленный осознанием неизбежности смерти, и, вследствие этого, непрочности и бессмысленности бытия, описан в «Исповеди». Как справедливо отмечал В.В.Зеньковский, «едва ли в мировой литературе можно найти другой памятник, написанный с такой силой..., где все слова полны обжигающей, огненной стихии»¹.

По признанию Л.Н.Толстого, вопросы о смысле жизни, вызывающие ее остановки, все чаще и чаще стали повторяться и настоятельно требовать ответов тогда, когда «со всех сторон было... то, что считается совершенным счастьем»: семья, доходное имение, уважение близких и знакомых, слава, здоровье — телесное и духовное. Но «прежде чем заняться самарским имением, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я это буду делать. Пока я не знаю — зачем, я не могу ничего делать, я не могу жить». «Жизнь есть бессмыслица», «ничего нет впереди, кроме страданий», «жизнь моя есть какая-то, кем-то сыгранная надо мной глупая и злая шутка», — подобного рода мысли стали характерными для того периода².

«Блуждание в знаниях», накопленных человечеством, усиливало отчаяние: опытные науки на вопросы жизни не отвечали; философия же подтвердила —

все суета. Бессильны оказались и наблюдения мыслителя за жизнью людей своего круга. Одни еще не поняли зла и бессмыслицы жизни; другие, зная ее безнадежность, не обращают на это внимания и пользуются благами; третьи, сильные и последовательные, уничтожают ее; четвертые, не имея сил убить себя, продолжают тянуть жизнь, зная, что из нее ничего выйти не может. Наиболее приемлемым Л.Н.Толстому представлялся тот выход из создавшейся ситуации, который демонстрировали сильные и энергичные люди — самоубийство (240—244).

От последнего удержало несколько обстоятельств. Одно из них — неясное сомнение в истинности рассуждений. Действительно, разум отрицает жизнь, а сам он — творец жизни (не было бы разума, не было бы для меня и жизни) или, с другой стороны, — ее плод, сын (если бы не было жизни, не было бы и моего разума)! Другое — то, что Л.Н.Толстой назвал сознанием жизни. Именно эта сила совершенно иначе направила его разум и заставила обратить внимание не на «тесный кружок сверстных людей», потерявших смысл жизни, а на все человечество, на миллиарды людей, которые «делают жизнь», с давних пор знают рассуждение о ее тщете и все-таки живут, придавая ей какой-то смысл. Таким образом, в лице ученых и мудрых разумное знание отрицает этот смысл жизни, а все человечество признает его, но в неразумном знании — в вере, то есть в том, что, по замечанию мыслителя, нельзя принять, если не сойти с ума (Бог — это 1 и 3, творение в шесть дней, дьяволы и ангелы и т.п.). Этот неизбежный вывод породил новое противоречие: «Я знал, — писал он, — что я ничего не найду на пути разумного знания, кроме отрицания жизни, а... в вере — ничего, кроме отрицания разума... того самого, для которого только и нужен смысл» (244—250). Из него выделось только два выхода: или разумное не так разумно, или неразумное не так неразумно.

Дальнейший ход рассуждений привел Л.Н.Толстого к необходимости анализа самого вопроса о смысле жизни. Оказалось, что он требует объяснения конечного бесконечным: что выйдет неуничтожающегося (бесконечное. — О.Ш.) из моей уничтожающейся (конечное. — О.Ш.) жизни; какой смысл имеет мое конечное существование в этом бесконечном мире? Требуемое отношение конечного к бесконечному вводят ответы, даваемые не разумным знанием, а верой, хотя они и кажутся неразумными и уродливыми: «Как мне (конечное. — О.Ш.) жить? — ответ: по закону божию (бесконечное. — О.Ш.). — Что выйдет настоящего из моей жизни (конечное. — О.Ш.)? — Вечное (бесконечное. — О.Ш.) мучение или вечное блаженство». Таким образом, только вера «придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью». Поэтому сама вера «не есть только обличение вещей невидимых.., не есть откровение.., не есть только отношение человека к Богу.., не есть только согласие с тем, что сказали человеку.., вера есть знание смысла человеческой жизни.., сила жизни. Если человек живет, он во что-нибудь да верит. Если бы он не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил. Если он не видит и не понимает призрачности

конечного, он верит в это конечное; если он понимает призрачность конечного, он должен верить в бесконечное» (253—254, 250—259, 273—274).

Люди давно отыскиали отношения конечного к бесконечному и выразили в понятиях Бога, божественности души, связи дел людских с Богом, единства, сущности души, нравственного добра и зла. Личностное обращение к ним Л.Н.Толстого связано с двумя событиями, которые он оценил как перевороты. Анализ причин, по которым ранее верования отталкивали его и казались бессмысленными, привел его к заключению: это было оттого, что их исповедовали люди, жившие вопреки, противно им. Подтверждала же тот смысл, который давала вера, жизнь людей истинно верующих и трудящихся — именно это и привлекло к ним Л.Н.Толстого («я... теперь принял их и нашел полными смысла»), заставило признать бесполезной жизнь представителей высшего круга и обратило внимание на собственное заблуждение («я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслил, сколько оттого, что я жил дурно») (262, 255—256, 260—261).

Второй переворот был связан с переживаемым чувством страха, сиротливости, одиночества и надежды на чью-то помощь; мыслитель называл его «чувством искания Бога». Оно стало основой убежденности в том, что только с верой в Него возможна жизнь: «Я жил только тогда, когда верил в Бога... стоит забыть, не верить в него, и я умираю» (266—269).

Обретенная «сила жизни» не стала для Л.Н.Толстого чем-то новым — он с удивлением обнаружил, что она — «самая старая»: «Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому и юношескому. Я вернулся к вере в ту волю, которая произвела меня и чего-то хочет от меня...; к тому, что главная и единственная цель моей жизни есть то, чтобы быть лучше, то есть жить согласнее с этой волей...; к тому, что выражение этой воли я могу найти в том, что... выработало для руководства своего все человечество, то есть я вернулся к вере в Бога... Только та и была разница, что тогда это было принято бессознательно, теперь же я знал, что без этого я не могу жить» (270).

Вопрос о назначении и благе человека, поставленный в «Исповеди», стал, по замечанию В.Ф.Асмуса, приоритетным для мыслителя, и «может быть, после Сократа никто не пытался с такой силой... свести всю философию к этому вопросу»³.

Примечания

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 376.

² См.: Толстой Л.Н. Исповедь // Новые пророки / Отв. ред. В.С.Дмитриев. СПб., 1996. С. 215, 218, 216—217, 219. Далее в скобках указаны страницы данного издания.

³ Асмус В.Ф. Мировоззрение Толстого // Избранные философские труды. М., 1969. Т. 1. С. 56.

МЕТАФИЗИКА РАЗУМА И МЕТАФИЗИКА СЕРДЦА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ

Метафизика (от греч. μετά τὰ φυσικά — то, что после физики) — учение о сверхчувственных началах и принципах бытия вообще или какого-либо определенного вида бытия. Она выступает гарантом подлинности философии, поскольку в своих понятиях выходит к бытийной сущности и мира, и философии. Будучи сердцевиной философии, метафизика обосновывает сами принципы и условия философствования¹. Ее предметом являются: бытие, ничто, становление, свобода, бессмертие, Бог, материя, жизнь, природа, дух, душа, истина, добро, красота и т.п.

Исторически метафизика как онтология Бога, мира и человеческой экзистенции всегда изучала *сущее как таковое*, т.е. все многообразие реальности, конституирующей себя в Абсолюте. Как философское учение, метафизика ориентируется на мир в целом, затрагивает онтический горизонт, внутримирное сущее, рассматривая его в структуре предельных оснований бытия. Являясь теорией о том, что носит доопытный или сверхопытный характер, она включает в себя рассуждения о трансцендентном. Но сама по себе метафизика не выводит за пределы опыта трансфизически, ее суть состоит в правильном объяснении опыта в целом².

В отличие от частных наук, каждая из которых изучает конкретный фрагмент или отдельную область мироздания, в метафизике рассмотрение сущего как сущего ведет к *идее единства всего сущего* и *идее о мире в целом*³. Понятия и категории метафизики схватывают мировое целое, они — предельные значения и смыслы, вбирающие суждения о фундаментальных свойствах Мироздания.

Но эти понятия и категории также охватывают и Человека, фундаментальные основания его бытия — так, что нет первого без второго, и наоборот. Поэтому в метафизике невозможно познание целого без вопрошания о человеке, без постижения философствующей экзистенции⁴. Помимо рассуждений об абсолютном, метафизика также занимается выявлением условий бытия человека в качестве человека — субъекта своей истории и судьбы⁵.

В европейской философии и культуре сформировались два основных способа постижения Сущего. Один вид — «метафизика разума», основывающаяся на предметном представлении, апеллирует к рационально-рассудочным методам познания мира и человека, пытаясь отразить в понятиях и смоделировать в теориях их трансцендентные основания. Другой вид — «метафизика сердца» — представляет собой духовное узрение и душевное постижение феномена сердца, сквозь призму которого осуществляются размышления о предельных основаниях бытия, о Мире и Человеке. Она объемлет явления не только психической, но и

физической жизни людей, а также содержит в себе постановку и решение вопросов онтологии, гносеологии, этики, эстетики и антропологии и даже пытается посредством этого «светового центра души» объяснить строение и эволюцию Космоса⁶. Свой дискурс «метафизика сердца» прежде всего направляет не на разум или рассудок, а на сердце, пытаясь умозрительно проникнуть в суть экзистенциально-чувственной сферы и сквозь нее раскрыть и познать тайны Мироздания.

Оба этих вида метафизики не только противостоят друг другу, но и внутренне взаимосвязаны. Ум укоренен и центрирован в сердце, которое определенным образом соединяет в себе теоретическую и практическую установки, познавательную и ценностную интенции. В свою очередь, сердце в созерцании ценностей имеет свою, присущую ему «логику». При этом «логика сердца» главенствует над «логикой разума».

Примечания

¹ См.: Пушкин В.Г. Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру. СПб., 2003. С. 3—5.

² См.: Губин В.Д. Философия: актуальные проблемы. 2-е изд., стер. М., 2006. С. 68—69.

³ См.: Пушкин В.Г. Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру. СПб., 2003. С. 10.

⁴ См.: Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Мир философии: Книга для чтения: в 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 125.

⁵ См.: Мамардашвили, М.К. Введение в философию // Мамардашвили М.К. Философские чтения. СПб., 2002. С. 120—125.

⁶ См.: Стрельцова Г.Я. Сердца метафизика // Русская философия: словарь / Под общ. ред. М.А.Маслина. М., 1995. С. 435—436.

Секция 2

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Е.А.Бауэр
(г.Нижневартовск)

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕИ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVII вв.: ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Общественно-политическое сознание русского средневековья, в том числе идея «третьего Рима», становится объектом исследования историков с рубежа XIX—XX столетий. На протяжении 1910-х —1990-х гг. в отечественной историографии отражения идеи «третьего Рима» в русской книжности конца XV — начала XVII вв. выделяются два этапа, отличающиеся по степени интенсивности изучения теории «Москва — третий Рим», уровню и объему использования источникового материала.

На первом этапе (1910-е — начало 1970-х гг.) тема «третьего Рима» не становилась предметом специального анализа, она рассматривалась попутно, при исследовании разнообразных аспектов общественного сознания. В то время идея «Москва — третий Рим» раскрывалась лишь в контексте эволюции русской общественно-политической мысли. М.А.Дьяконов, Н.Ф.Каптерев, М.В.Довнар-Запольский, Е.Ф.Шмурло не останавливались на месте этой идеи в общественно-политической идеологии Московского государства конца XV — начала XVII вв., проблемы генезиса и бытования «третьеромистской» теории оставались вне сферы интересов исследователей. И.А.Кириллов одним из первых (в 1914 г.) попытался выявить круг произведений, отразивших идею «третьеромизма», а также определить этапы формирования данной теории, характер построения Филофея.

Интерес к общественно-политической мысли средневековой России проявился в 1940-е годы в связи с изучением социального мировоззрения. Так, Н.С.Чаев предпринял попытку определить в общих чертах этапы, характер, круг памятников, в которых могла найти отражение теория «третьего Рима». Отголоски идеи в памятниках русской письменности были выявлены в 1950-х гг. О.А.Державиной, М.Н.Тихомировым, Л.Н.Пушкаревым, М.А.Салминой.

На втором этапе изучения концепции «третьего Рима» (середина 1970-х — 1990-е гг.) трактовка проблем духовной культуры с опорой на текст источника подняла проблему раскрытия роли теории в русской общественно-политической

мысли конца XV — начала XVII вв. на качественно новую ступень. А.А.Зиминым, в частности, было высказано принципиально важное методическое положение, по которому нельзя «устанавливать взаимосвязь памятников только на основании одного сопоставления идей...без текстологического сопоставления»¹. В этом ключе осуществлялись исследования А.Л.Гольдберга и Р.П.Дмитриевой.

Советская историография общественно-политической мысли русского средневековья прежде всего стремилась к раскрытию ее классовой природы. С конца же 1980-х теория «Москва — третий Рим» начинает рассматриваться в социально-политическом ключе и культурологическом контексте. Задача исследователей отныне состоит в том, чтобы выявить особенности идеи как элемента общественного сознания и феномена духовной культуры. Идея «Москва — третий Рим» продолжает привлекать внимание ученых и по сей день, доказательством тому служат недавние публикации Н.В.Синицыной, Р.Г.Скрынникова. Отдельные аспекты идеи попутно освещены в трудах Б.А.Успенского, А.В.Каравашкина, В.И.Ульяновского, А.И.Филюшкина.

Тем не менее, в отечественной историографии до настоящего времени недостаточно полно разработаны и нуждаются в дальнейшем исследовании такие вопросы, как использование доктрины «Москва — третий Рим» в общественно-политической идеологии и дипломатической практике второй половины XVI — XVII вв.; международный резонанс теории, в частности, ее восприятие соседними славянскими народами; отражение идеи «третьего Рима» в генеалогических сочинениях, обрядах, титулатуре; влияние теории «Москва — третий Рим» на формирование исторических взглядов русских книжников.

Примечания

¹ Зимин А.А. О методике изучения повествовательных источников XVI в // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 189.

А.С.Балкунова
(г.Нижневартоск)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НИКНЕЙМА

Имя для человека имеет большое значение. Это тот звук, с помощью которого его ассоциируют в этом огромном мире. Проблемой существования «условных имен», иначе говоря, псевдонимов, люди интересуются очень давно, причем среди них есть не только праздно любопытствующие, но и ученые. Никнейм — это тоже имя, которое человек выбирает сам, в отличие от имени, которое ему дают родители при рождении. Псевдоним в виртуальном мире называется *nickname* (в переводе с английского — прозвище, кличка), проще говоря — «ник».

Никнейм тесно связан с псевдонимом. Основой для большинства классификаций данной лексемы является классификация псевдонимов, но никнейм не принял некоторые способы образования псевдонимов, зато мы увидели новые, которые продиктованы компьютерной культурой и веком всеобщей компьютеризации. Они имеют свои фонетические, графические и орфографические особенности: большинство никнеймов благозвучны, представлены сочетания из двух согласных в начале и середине слова, средняя длина ника — три слога, а самый большой многосложный ник состоит из шести слогов. С целью привлечения внимания широко используются графические игры, пренебрежения к действующим нормам русского языка («языка падонкофф»).

Лексико-грамматические особенности виртуальных имен следующие:

а) многообразие значений, функций и смысловых нюансов ника сосредотачивается и объединяется в его семантическом, стилистическом, этимологическом облике.

б) употребление имен (а ник — это имя) в разных формах и вариантах типично для разных ситуативных сфер, одной из которых является ситуация самоназвания 1-го лица при знакомстве, представлении без посредника;

в) самый продуктивный способ образования ников — суффиксальный с уменьшительно-ласкательным значением, обычно с оттенком положительной оценки;

г) префиксальный способ словообразования уступает суффиксальному и по количеству продуктивных моделей, и по богатству экспрессивных оттенков;

д) среди безаффиксных способов лидирует усечение;

е) для каждой части речи (существительное, прилагательное, глагол и др.) характерны строго определенные словообразовательные типы, свой аффиксальный инвентарь, свои способы образования;

е) производных слов (ников) больше, нежели производных.

Интересен социальный аспект никнейма. Возраст носителей ников от 14 до 53 лет. Это говорит о том, что в любом возрасте человек нуждается в общении как с реальным обществом, так и с виртуальным. Самое интересное, что выбор ника не зависит от возраста, но зависит от профессии, любимого занятия и т.д. В никах отражаются интересы, увлечения, черты характера, предпочтения. Сам человек как неизвестный актер во Вселенной придумывает свою социальную роль, свое имя в Интернет-обществе. Для виртуального общения характерна полная свобода, условием и гарантом которой является анонимность общающихся.

Таким образом, никнейм — не что иное, как социальный код, роль, образ, взятый напрокат. А трактовка выбираемой роли может быть весьма специфична, поскольку зависит от уровня образованности самого человека, его культуры, личного восприятия образа и, самое главное, цели, с которой человек приходит в чат. Это своеобразная самопрезентация, визитная карточка, которая предъявляется виртуальному обществу для идентификации и, разумеется, привлечения внимания.

Итак, феномен сетевого имени (ник) пользователя Интернета — один из самых интересных как с точки зрения традиционной лингвистики, так и современной социолингвистики. За каждым никнеймом скрывается личность, играющая какую-либо роль в Интернет-социуме.

М.Г.Ганопольский, Х.Д.Ересько
(г. Тюмень)

ОСВОЕНИЕ КАК СТРАТЕГЕМА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие «освоение» встречается в исследованиях различной предметной направленности. Оно пронизывает множество аспектов культуры. Есть основания рассматривать освоение как сущностную черту отечественной культуры, ее стратегию.

Слово «освоение» труднопереводимо — во многих иностранных языках отсутствуют его дословные аналоги. В русском языке значение слова шире, многозначнее, чем в версиях перевода. Можно говорить о наличии в нем интегрированного культурного смысла, который особым образом проявляется в различных контекстах. Наряду с привычными сочетаниями «освоение новых территорий», «новое индустриальное освоение», обрели свои права выражения: «освоение космического пространства», «освоение новых технологий» и т.д. В последние годы говорится и об освоении мира человеком, то есть понятию «освоение» придается философский, мировоззренческий смысл.

Возможно, идиоматичность понятия «освоение» в русском языке есть результат уникального культурного опыта, поэтому задача прояснения термина состоит не категориальном анализе, а в попытке понять, в какой мере присущие термину культурные смыслы проявляют многогранный характер отечественной культуры. При этом определяющим для данной культурно-смысловой палитры продолжает оставаться освоение Россией новых земель. Оно было предметом пристального интереса выдающихся отечественных мыслителей. Хорошо известна фраза В.О.Ключевского о том, что «история России есть история страны, которая колонизируется». Его предшественник, С.М.Соловьев, утверждал: «В русской истории мы замечаем то главное явление, что государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации». Но и Соловьев не был первооткрывателем подобного взгляда — он развил мысль своего учителя М.П.Погодина о «бродяжничестве» населения Древней Руси. Нечто подобное можно обнаружить и у П.Я.Чаадаева, считавшего, что «есть один факт, который властно господствует над всем нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю и содержит в себе, так сказать, всю ее философию... это — факт географический». Таким образом, в общественной

мысли XIX века развитие отечественной культуры отождествлялось с историей страны, а доминирующим в этой истории было географическое расширение.

Можно ли назвать этот процесс колонизацией? Если это и колонизация, то внутренняя, поскольку речь идет не о захвате территорий чужих государств, а именно об освоении и огосударствлении территорий, которые в определенном смысле были ничьими. В то же время по сравнению с привычной колонизацией, это был гораздо более сложный процесс — он потребовал не только значительных усилий в территориальной экспансии, но и особых механизмов, способных обеспечить длительное и устойчивое существование на вновь обретаемых территориях.

В чем же состоял российский механизм освоения огромных пространств? Какова его цель? Можем ли мы сегодня говорить о расширении государственных границ как о результате определенной политики, или же фактор освоения был именно стратегическим, то есть соединял в себе стратегический потенциал исторического развития культуры с формами ее географического развертывания? Ведь в большинстве случаев не просматривается непосредственной военной или материальной причины подобного развертывания. Видимо, существовал (и продолжает существовать?) некий перманентный культурный импульс, имеющий стратегическое значение для всей культурной динамики. Он-то и побуждал первопроходцев идти на Север и Восток, раздвигать границы страны, не встречая значительного сопротивления; прокладывая тем самым маршруты саморазвития культуры.

С.Н.Засыпкин
(г.Екатеринбург)

«КАРНАВАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ» ИНВЕКТИВЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ

«Словарь иностранных слов» определяет инвективу так: лат. *invectiva* (*oratio*) бранная (речь) — резкое выступление против кого-либо, чего-либо, обличение; оскорбительная речь. Жельвис В.И под «инвективой» предлагает объединить все разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии, понимая это слово широко, не только как «выпад против кого-л.», но и как употребление любого слова, которое может восприниматься в бранном смысле и может быть направлено как на другого человека, так и на самого говорящего.

Самая основная функция инвективы, от которой производны все остальные, — это инвектива как средство выражения земного, профанного начала, противопоставленного началу священному, сакральному.

Профанная функция инвективы естественным образом предоставляет возможность катарсиса. Таким образом, вторая функция инвективы — катартическая, то есть возможность получить с ее помощью психологическое облегчение¹.

Отсюда можно выделить два разряда инвективной лексики:

1. прореактивная лексика (прореактива — размножение) — эротический мат.
2. скатологическая лексика. Скатологизм — грубое выражение, имеющее отношение к названию экскрементов и процессу их выделения (то же, что копрологизм).

Одной из особенностей нравственности древнего человека было убеждение, что от него требуется посильная помощь в деле творения. Такая помощь рассматривалась как величайшая миссия, наиболее значительное деяние индивида как члена социальной группы, как священный (сакральный) акт. Понимание этого обстоятельства необходимо для объяснения возникновения и развития значительной части инвективного вокабуляра, поскольку первоначально соответствующие наименования несомненно входили в состав нейтрального или даже сакрального словаря.

Рассмотрим в очень сжатом виде процесс превращения священных понятий в обыденные. В Средние века возникает и пышным цветом расцветает самая изощренная инвективизация речи. По афористически блестящей формулировке М.М.Бахтина, для Средневековья характерен «безмерный разрыв между словом и телом», когда религия воспевала победу духа над телом, отрицала и носила тело как нечто противоречащее святым идеалам, мешающее их воплощению.

В сущности, карнавальное мироощущение, в квинтэссенции, есть невозможность физического контакта и необходимость вербализации, словесного выражения естественных желаний.

Таким образом, «карнавальный подход» в объяснении зарождения, развития и функционирования инвективной лексики опирается на оппозицию «божественное — профанное», из которой следует, почему именно эти лексические единицы оказались табуированными (тысячелетия существовавшее язычество начинает вытесняться монотеистической религией). Это влечет разную степень табуированности лексических единиц.

Однако, данный подход нельзя считать исчерпывающим. Во-первых, получается так, что до появления христианства инвективной лексики не существовало. По Б.А.Успенскому в работе «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» матерная брань связана с культом земли и мифологией пса; в основе матерной брани лежит образ пса, оскверняющего землю. Функциональная нагрузка такой лексики диалектична: культ язычества и высмеивание язычества в пользу христианства; проклятие и оберег от злых языческих духов; адаптация к культуре и успешное вживание в среду. Таким образом, матерная брань на Руси появилась задолго до принятия христианства.

Во-вторых, объясняется функционирование инвективы лишь в рамках европейской христианской цивилизации, не затрагивая мусульманский мир и восточные страны.

В-третьих, трактовка инвективы как словесной/вербальной агрессии требует рассмотрения данного феномена с точки зрения психологии и эволюции человека. Это поможет понять зарождение и генезис инвективы с момента появления человека.

Примечания

¹ С более подробной функциональной классификацией инвективы можно познакомиться в работах В.И.Жельвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема» и В.А.Блинова, Ф.А.Шевелева «Русский народный мат: Толковый словарь».

Н.С.Казакова
(г. Нижнеартовск)

ВОЗМОЖНОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Реформирование современного российского общества, модернизация системы государственной власти, новые геополитические реальности требуют формирования социально зрелого поколения россиян.

Вместе с тем, в педагогической теории и практике существует противоречие между необходимостью повышения уровня гражданского воспитания школьников, в процессе которого формируется важнейшее интегративное качество личности — гражданственность, — и недостаточной разработанностью с позиций отечественной педагогики научного и организационно-методического обеспечения данного процесса.

Специфика ханты-мансийского региона с его суровыми природно-климатическими условиями, богатым историко-культурным наследием региона, где органически взаимодействуют, обогащая друг друга, культура коренного населения и пришлого — русского, коми-зырянского, обуславливает единство образования и оздоровления школьников. Интересен и поучителен опыт многовекового бесконфликтного существования аборигенов края и русского населения.

В этой связи представляется необходимым выявить и обобщить методы и приемы, средства повышения эффективности гражданского воспитания школьников, используя возможности национально-регионального компонента содержания образования.

Реализация национально-регионального компонента, вне зависимости от того, выделен на изучение истории региона отдельный час или нет, осуществляется в преподавании курса «Истории России». Историю округа, хронологически

можно разделить три этапа: дореволюционный, советский и современный. Эта последовательность соблюдается и при тематической разбивке курса, каждой теме соответствуют свои воспитательные задачи. (См. табл. 1)

Большие образовательные возможности несет в себе проведение дискуссий как формы работы.

Примерные темы и проблемы дискуссий на уроках истории округа.

Тема: Поиски форм национально-государственного строительства на Севере в 1920-е гг.

Проблема: Образование национальных округов — это решение проблемы оптимальной формы государственного устройства, позволяющей в большей степени учитывать интересы малочисленных народов Севера *или* создание эффективного механизма централизованного управления народами Севера.

Тема: Социокультурные преобразования на Севере в 1920—30-е гг.

Проблема: Положительные и отрицательные стороны культурных преобразований в округе в довоенные годы и их реальные результаты.

Обсуждаемые вопросы:

1. Понятие культурная революция, направления ее реализации;
2. Ликвидация неграмотности, способы ее осуществления и результаты;
3. Введение всеобщего начального образования в округе;
4. Подготовка национальной интеллигенции: проблемы и первые представители науки и культуры из числа малочисленных народов Севера.

Урок-дискуссия: Проблемы развития народного хозяйства на новых основах.

Проблема: Коллективизация и индустриализация: была ли возможность у советского народа заплатить меньшую цену за право считаться полноправными гражданами «индустриальной» страны?

Обсуждаемые вопросы:

1. Коллективизация на Обь-Иртышском Севере, методы поведения и результаты.
2. Темпы развития традиционных отраслей хозяйства и становление новых.
3. Спецпереселенцы как источник дешевой рабочей силы и их «вклад» в осуществление сталинской модернизации.

Внеурочная деятельность учащихся, направленная на формирование исследовательских умений, является также одним из условий гражданского воспитания. Результатами исследовательской работы является составление библиографических очерков, составление школьной летописи, разработка тематических экскурсий.

Таким образом, система гражданского воспитания школьников представляется как сложная, многоуровневая система с учетом огромного воспитательного потенциала, который дают национально-региональный компонент содержания образования и новые активные формы работы.

Таблица 1

Основные периоды в изучении курса история ХМАО — Югра

Этап	Содержание	Воспитательный потенциал	Формы работы
Дореволюционный этап	Традиционные занятий народов Севера, их религиозные представления, взаимное влияние русских и коренных жителей Севера в процессе заселения края русскими.	Изучение этих вопросов содействует осознанию учениками уникальности культуры коренных жителей Севера с одной стороны и взаимовлиянии культуры народов населявших край в то время — с другой. На этом примере учащиеся учатся толерантности, признания полноправности всех народов.	Посещение музея и подготовки сообщения «Быт и традиции коренных народов Севера», составление схемы ассимиляции обских угров с другими народами, работа с историческими источниками по истории проникновения русским за Урал.
Советский этап	Попытки правительства «советизировать» Север, связи с чем, здесь получили распространение коллективизация и культурная революция (ликвидация неграмотности «нацменьшинств», введение начального обязательного образования, политпросвещение); одновременно запрещение национальных праздников, и уголовное преследование шаманов и насильственное вовлечение детей в школы, что привело к утрате многих традиций.	Формирование у учащихся негативного отношения к искусственному вмешательству в культуру других народов как несущему разрушение.	Рекомендуемые методы работы: работа с источниками личного происхождения, описывающих события советского времени, интервьюирование участников событий.
	Учителю важно показать, что, несмотря на благополучие нашего округа, есть определенные нерешенные вопросы в экономике, организации управления и создания законодательной базы, социальной сфере, отношениях с коренными народами Севера, науке и образовании.	Формирование у выпускника, будущего абитуриента и специалиста осознание того, что округ нуждается в высококлассных специалистах, в том числе рабочих специальностей.	Учителю рекомендуется проведение экскурсий на предприятия города, выполнение исследовательских проектов по значимым проблемам города, работа с нормативными документами и статистическими отчетами: Программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

			«Культура Югры» на 2006—2008 гг. Ханты-Мансийск 2006., Культура и искусство Ханты-Мансийского автономного округа.
Современное состояние округа			Состояние и перспективы. Ханты-Мансийск 2003, Социально-экономическое положение ХМАО — Югра. Информационно-аналитический сборник. 1990—2004 гг. Ханты-Мансийск 2005, Прогноз социально-экономического развития округа, Прогнозы социально-экономического развития муниципальных образований и др.

Н.М.Казначеева
(г.Ханты-Мансийск)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПОДСИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Художественное образование рассматривают как многосоставное явление, интегрирующее разнообразные направления художественно-творческой социализации и профессионализации в относительно целостное социально-культурное явление каждой эпохи. Художественное образование является одной из подсистем социального института образования и одновременно частью художественной культуры общества. Поэтому представляется особенно важным развитие художественного образования в контексте образовательной системы России, в истории ее культурной жизни.

Процесс художественного образования специфичен, и, прежде всего, специфику представляет его диалогичность. Диалог происходит между учеником и мастером, группой и учителем, образовательным учреждением и государственной властью, между отечественной и зарубежными системами художественного образования, между различными поколениями — носителями разнообразных форм художественного образования. Анализ диалогичности может помочь понять внутреннюю динамику художественного образования в контексте истории отечественной культуры¹.

Рассмотрим художественное образование в качестве подсистемы социального института образования на примере Ханты-Мансийского автономного округа —

Югры. Социальный (культурный) институт — культурологическая категория, разработанная Б.Малиновским и А.Радклифф-Брауном. Большая часть человеческой деятельности выполняется организованными группами людей в соответствии с закрепленными моральными и правовыми нормами, с использованием определенной организационной структуры, что получило название института. Социальный институт часто определяется как фиксированная часть социальной организации общества, предназначенная для упорядочения совместной жизни и деятельности людей, для трансляции знаний и традиционных элементов.

При рассмотрении процессов становления художественного образования в качестве феномена культурной жизни необходимо выявить степень детерминированности этих процессов развитием художественной культуры. Развитие образования в различных сферах художественного творчества зависит от уровня развития того или иного вида искусства.

Художественная культура — одна из специализированных сфер, функционально решающая задачи интеллектуально-чувственного отображения бытия в художественных образах, а также обеспечение этой деятельности. Ведущую роль в приобщении детей и подростков к художественной культуре играет дополнительное образование. Его цель заключается в развитии мотивации личности к познанию и творчеству посредством реализации дополнительных образовательных программ².

Современные поиски наиболее эффективных путей оптимизации системы художественного образования, методов и технологий, которые бы позволили не только декларировать, но и реально достигать «насыщения» образовательного пространства культурным смыслом и содержанием, а образование рассматривать как один из важнейших и социально-значимых механизмов трансляции культурных ценностей обязательно требует обращения к отечественным традициям (в том числе региональным) в этой области. Использование опыта, который накоплен в истории развития учреждений художественного образования в России, необходимо как для совершенствования системы профессиональной подготовки кадров в этой области, так и для реализации идеи повышения общекультурного уровня детей и подростков путем просвещения и художественного воспитания³.

Система художественного образования ХМАО — Югры включает муниципальные образовательные учреждения дополнительного образования детей, учреждения среднего профессионального образования, а также филиалы федеральных учреждений высшего профессионального образования. Детские школы искусств традиционно выполняют функции не только широкого художественно-эстетического просвещения и воспитания, но и обеспечивают возможность раннего выявления таланта и создание условий для его органичного профессионального становления. Как и ранее, художественное образование в Югре продолжает оставаться востребованным, ежегодно увеличивается прием в учреждения дополнительного образования детей. В образовательном процессе в

последние годы происходят существенные изменения — внедряются новые методы и технологии, открываются отделения раннего эстетического развития, создаются творческие коллективы по различным направлениям.

В округе сложилась система конкурсов и фестивалей по различным видам искусств. Ежегодно учащиеся образовательных учреждений культуры добиваются общественного признания на региональных, всероссийских и международных конкурсах. Проведение конкурсов способствует выявлению талантливых детей, проживающих на территории округа, развитию и укреплению творческих связей между учащимися и преподавателями школ региона. В рамках конкурсов проводятся мастер-классы членов жюри, известных музыкантов России для повышения качества исполнительского мастерства юных талантов.

Реализация на высоком уровне образовательных программ в сферах изобразительного искусства, хореографии и музыки, обеспечение необходимых условий для личностного развития, творчества, профессионального самоопределения учащихся стало возможным благодаря высокому профессиональному уровню педагогов. Приоритетными направлениями деятельности в сфере художественного образования в автономном округе, как и прежде, остаются:

- развитие системы художественного образования;
- выявление художественно одаренных детей, подростков и молодежи, обеспечение соответствующих условий для их образования и творческого развития;
- совершенствование нормативного, правового и программно-методического обеспечения образовательных учреждений в сфере культуры и искусства.

Действующее законодательство в сфере образования округа приведено в соответствие с федеральным законодательством, разработана система государственной поддержки учреждений художественного образования. Безусловно, развитие учреждений художественного образования не может происходить без государственной поддержки, которая в автономном округе осуществляется за счет программы «Дети Югры» (подпрограммы «Одаренные дети» и «Организация летнего отдыха, оздоровления, занятости детей, подростков и молодежи»)⁴.

Художественное образование в России исторически сложилось как часть государственной системы образования. Для каждой эпохи характерны специфические формы руководства этой системой (задачи, содержание, кадровое и финансовое обеспечение). В современных условиях вопрос государственного регулирования системы художественного образования представляется наиболее актуальным.

Примечания

¹ Александрова Е.А. Становление и развитие системы художественного образования в России (18 — начало 20 вв.) // Художественное образование в российской провинции в XXI в.: Сб. докладов и материалов II Всероссийской науч.-практ. конференции. Томск, 2002. С. 7—18.

² Селиванова Е.А. Инновации художественного образования (из опыта работы детской школы искусств) // Художественная культура как феномен: Материалы региональной науч.-практ. конференции. Тюмень, 2002. С. 112—114.

³ Александрова Е.А. Художественное образование: организация и самоорганизация // Гуманитарные аспекты развития Западной Сибири: Материалы региональной науч.-практ. конференции. Тюмень, 1998. С. 48—54.

⁴ Культура и искусство: Аналитический сборник по итогам деятельности в 2005 г. / Департамент культуры и искусства ХМАО — Югры. Препринт. Ханты-Мансийск, 2006. С. 65—66.

Л.А.Керн
(г. Нижневартовск)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И СИМВОЛ

Одной из ранних форм текстовой репрезентации символического миропонимания и мироощущения становится система взаимосвязанных мифов, существующих в любой культуре. Развитие теоретической истины в мифах не является выдумкой, фабулой, хотя бы потому, что «миф» происходит от другого корня, означающего «бессловесный», «безмолвный» (*mutus*). Бессловесное же связано с вещами, которые не могут быть выражены рационально-понятийными средствами, ничем иным, кроме символического языка, основанного на сакральных универсалиях. То или иное мифическое повествование, мифический образ, ритуал, обрядовое действие, что-нибудь обязательно символизируют, помогая человеку соприкоснуться с непостижимым.

Для анализа символа и мифа обращение к структуре сознания представляется существенным, поскольку человеческая психика, реагируя на внешний мир эмоциями страха, желания, ожидания дает основания их семантизации, закрепляя за вещами и явлениями статус ценности и смысла. Именно поэтому в «первичной» символике следует обнаружить те неразличимые далее основы, которые часто не поддаются однозначному логическому толкованию, понятиям, суждениям, такой тип мышления появится гораздо позже. Мышление чувствами, образами связывающихся воображением, интуицией человеческое мировоззрение со Вселенной составляют предпосылки возникновения символических форм.

Благодаря символам проживаемая человеком реальность входит в мир человеческих отношений, превращаясь в конкретно-чувственное переживаемое обобщение человеком разнообразных явлений, складывающихся в миф, мифологическую картину мира. Следует отметить, что символическое укоренено в нижнем, «телесном» слое, и только в акте первичной рефлексии этот первичный слой «выталкивается» в архетипы. На основании результатов психофизиологических исследований можно утверждать, что «смыслообразующим» компонентом является физиология восприятия внешней среды и, в частности, интегративные процессы, направленные на достижение приспособительного результата

и на удовлетворение ведущей потребности организма. Именно это определяет выделение из окружающей среды значимых для организма перцепций. Поэтому в рамках функциональных систем осуществляется программирование результата действия в связи с потребностями жизнеобеспечения и афферентный синтез этих результатов.

Символ, являясь результатом осознания доинтеллектуальных структур сознания, связан с аффективной, эмоциональной составляющей человеческой деятельности: чувства становятся основанием целеполагания, в то время как интеллект обеспечивает формирование средств для достижения целей.

Из всего сказанного о символе и мифе по мнению А.Косарева, можно выделить два момента: «Первое, что символизм есть оборотная сторона антропоморфизма и что они образуют две стороны одной и той же медали, именуемой мифом; что, следовательно миф всегда и насквозь символичен (и антропоморфен), а символ (и антропоморфизм) всегда и насквозь мифологичен. И второе, что символ, а значит и миф, представляют собой единство бессознательного и сознательного, чувственно воспринимаемого и умопостигаемого, иррационального и рационального, алогического и логического, образа и идеи, непонятого и понятного, непознаваемого и уже познанного»¹.

Можно сказать, что наиболее полное явление символа дано в мифе. Символ и миф проявляют себя в культуре в форме нерасторжимой связи, отражая взаимосвязь материи и духа, Природы и Космоса, индивидуального и сверхличного в Человеке, помогая восстанавливать его утраченную целостность.

Примечания

¹ Косарев А. Философия мифа. М., 2000. С. 39.

О.Е.Кускова
(г.Екатеринбург)

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ЯЗЫЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ АНТРОПОЛОГИИ XI—XIII вв.

В древнерусской литературе периода Киевской Руси тема человека занимала центральное место. Особенностью антропологических идей этого этапа развития русской философской мысли является становящийся характер воззрений. В текстах прослеживается огромное влияние предшествующей культурной и мировоззренческой традиции: мифологических представлений славянского язычества и христианской линии, пришедшей на Русь через византийскую и болгарскую философскую литературу.

К сожалению, до сегодняшнего дня сохранилось немного текстов, способных в полной мере отобразить представления, бытовавшие на Руси в XI—XII вв. В значительной мере это произошло из-за того, что народные элементы искоренялись, заменялись христианскими или античными представлениями. «Мы представляем себе древнюю русскую литературу значительно более церковной, чем она была на самом деле. Наши представления... искалечены усилиями многих поколений хранителей церковных и монастырских библиотек, усилиями переписчиков, переделавших на свой манер старые произведения...»¹.

Не останавливаясь подробно на особенностях языческой культуры славян, следует назвать основной принцип мифологической антропологии: вписанность человека в окружающий мир, в природу; и, соответственно, рассмотрение человеческой жизни в соотношении с природными явлениями. Этот принцип, хотя и в упрощенном виде, прослеживается в древнерусских философских текстах.

Например, будучи несомненно христианским мыслителем, Кирилл Туровский в своих поучениях (XII век) передает представление о всепобеждающей весне, которая пробуждает как природу, так и человека, наделяет человека большим рвением к спасению. «Днесь весна красуется, оживляючи земное естество, и горни ветри, тихо поведающе, плоды гобзують, и земля, семена питаючи, зеленую траву ражаеть. Весна убо есть красная вера Христова, яже крещениемъ поражаетъ человеческое паки естество; бурнии же ветри — грехотворнии помыслы, иже покаанием потворишася на добродетель, душеполезныя плоды гобзують; земля же естества нашего, аки семя, слово Божие приимши и страхомъ его присно болящи, дух спасения ражаеть»². Сравнение мыслей человека с ветром говорит о зависимости философских воззрений Кирилла Туровского от языческих представлений, где также мысль отождествляется с ветром³.

В текстах «Изборника 1076 года» основной акцент делается на личности человека, его свободе, внутренней вере (нежели на внешних проявлениях благочестия); ни разу человек не назван «рабом Божиим». От верующего требуется чистота помыслов и дел, непричастность к таким грехам, как клевета, зависть, пьянство, любодейство и другие. Исследователь древнерусской философии В.В.Мильков отмечает связь таких представлений с народными: «Большинство из этих нравственных требований не противоречили традиционным, еще дохристианским представлениям о добре и зле (например, милостыня соответствовала заботе общинного коллектива о слабых и нуждающихся в поддержке)»⁴.

Жизнь человека и образ Бога в «Палее Толковой» (XII—XIII века) воспринимаются в соотношении с природными явлениями. Луна, например, изображает естество человека, претерпевающее «возрастание», старение, смерть, за которой должно последовать Воскресение. Солнце же является образом неизменного и светоносного Божества⁵. Такое понимание близко к языческому обожествлению природы и соотносению основных характеристик человека с природными процессами.

На основе данных примеров можно убедиться, что, несмотря на то, что христианские идеи определяют всю тематику философских текстов, народная культура все же сохраняется в антропологических воззрениях древней Руси, преломляя христианские представления.

Примечания

- ¹ Бычко А.К. Народная мудрость Руси: анализ философа. Киев, 1988. С. 12.
- ² Цит. по Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X—XVII веков: Учеб. пособие. М., 1990. С. 78—79.
- ³ См.: Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
- ⁴ Мильков В.В. Основные направления древнерусской мысли // Громов М.Н., Мильков В.В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 149.
- ⁵ Мильков В.В., Полянский С.М. «Палея Толковая». Антропологический раздел // Громов М.Н., Мильков В.В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 568.

А.Г.Краснобородкина
(г.Нижнеартовск)

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕА БРАНЦИ

Теоретические исследования пространства первой половины XX века нашли отклик в работах, посвященных изучению различных аспектов постмодернизма в философии, эстетике, культуре и искусстве. Андреа Бранци, итальянского архитектора и дизайнера, историка и теоретика проектной культуры с конца 60-х годов связывают, прежде всего, с теоретической и практической разработкой проблемы человеческого существования в постиндустриальную эру: от одежды и интерьера до жизнедеятельности в постмодернистском мегаполисе.

Поиск культурного смысла, ценностно-семантического камертона, бесконечного броуновского движения обломков всевозможных мифов, смыслов, значений и идеологий, знаковое выражение, которого обращает масс-медийную иконосферу постиндустриальной реальности, становится главной темой и концептуальным стержнем в его практической проектной деятельности, как дизайнера¹.

Наиболее ярким примером этих идей явился проект группы «Archizoom» 1970 года «No Stop City» — своеобразный комментарий к техницистским футурологическим проектам. Став лабораторным анализом феномена мегаполиса, рассматриваемого как результат экспансии техносферы, этот проект-исследование ввел тему искусственной среды обитания, трактуемой как «тотальный интерьер» (или «обитаемый шкаф»). «Посттелевизионное» общество окружено аурой новой поэзии частной жизни в автономном пространстве и времени, в окружении дружелюбных вещей, что дает для творчества Бранци определения

значимых единиц гиперрелятивной, дробной, рыхлой и непостоянной фактуры постмодернистского сознания, артикуляцию этих единиц, их многовариантное сопоставление, комментирование, перекрестный анализ — в результате которого образуется уже далеко не аморфная и беспорядочная, а сложноструктурированная культурная ткань². Предложенные стратегия и тактика обживания «тотального интерьера», активно использующие не опосредованный логическими абстракциями или идеологическими призмами тактильный, «кожный» опыт окружающего мира и столь же импульсивное и спонтанное «соматическое» формообразование тела, фактически явились первым опережающим актом «нового дизайна».

В 1980-е годы А.Бранци доводит свою концепцию «тотального мегаполиса» до уровня глобальной культурной модели и определяет супермегаполис как отражение и одновременно провокацию специфического экзистенциального состояния постиндустриального человека и общества.

Есть традиция, до сих пор не вызывавшая особых сомнений, рассматривать дизайн в перспективе теории деятельности, функционализма и системного подхода. Множество определений, консолидированных пониманием дизайнера как проектной практики, имеющей целью создание практически полезных и эстетически совершенных вещей при всем разнообразии смысловых акцентов, является порождением того, что именуют парадигмой модерна. Однако определение Раймонда Лоуи, данное еще в эпоху расцвета функционализма традиции и, как казалось тогда, вполне ей соответствующее, «дизайн-это то, что заставляет звонить кассу» — уже содержало, по сути, возможность совершенно иного рассмотрения природы и социокультурной роли дизайнера³.

Работы теоретиков постмодернизма, прояснившие символические механизмы современной культуры, позволили осознать ту роль, которую играет дизайн в потребительском обществе, осознать его риторическую природу.

Примечания

¹ Курьерова Г. Андреа Бранци: среда обитания в постиндустриальную эру // Художественный совет. 1997. № 17. С. 48.

² Бранци Андреа. Домашние животные // Художественный совет. 1997. № 17. С. 47.

³ Григорьев А. Дизайн — между быть и казаться // Мир дизайна. 1999. № 2. С. 16.

Лицук Ж.В.
(г. Нижнеартовск)

МЕМУАРИСТИКА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы культурной памяти и мемориализации как основы переосмысления прошлого и поиска социокультурной идентичности занимают в современном

российском обществе заметное место. Эта проблема затрагивает различные области социальной практики, в том числе и сферу науки. Одним из важнейших институтов, посредством которых обеспечивается и репрезентируется процесс мемориализации культуры, происходит включение того или иного события, достижения или результата в культурное время и пространство, являются мемуары. С тех пор, как в 1855 г. П.П.Пекарский на страницах «Современника» предпринял одну из первых в русской периодике попыток проанализировать мемуарные источники, многие историки и литературоведы обращались к их исследованию. Накоплен немалый теоретический материал, благодаря которому мы имеем довольно развитую структуру специфических черт различных произведений мемуаристики, их типов и жанров, их эстетических особенностей и характера их документальности¹. Этот материал нам предстоит вписать в пространство культуры.

Существующие сегодня два подхода (исторический и литературоведческий) в изучении мемуаристики сложились и развиваются потому, что мемуарная литература в силу своего разнообразия, специфики может рассматриваться как источник для познания истории, источниковедческий феномен, документ, а также как явление искусства, своеобразное художественное произведение.

Сегодня можно говорить о том, что назрела необходимость в развитии третьего — культурологического — подхода, не отвергающего первые два, но включающего их достижения в свое проблемное поле и расширяющего научный потенциал мемуаристики, то есть обосновать философский подход к мемуаристике².

Здесь возникает множество сложных и актуальных вопросов. Так, например, необходимо понять, что нового несет в себе философия мемуаристики? Требуется выяснения и то, какие именно специфические внутренние свойства произведений мемуаристики могут быть включены в проблемное поле культурологии? Очевидно, что ответить на эти вопросы можно, лишь выведя мемуаристику как новую культурологическую парадигму.

Надо сказать, что мемуаристика всегда так или иначе вписывалась в культурологический контекст, причем происходило это и на уровне содержания, и на уровне формы. Здесь показательным является уже то, что в XIX веке мемуары печатались в основном в журналах, как бы мы сейчас определили, культурологической направленности, более всего в таких, как «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», причем такие воспоминания обычно занимали большую часть номера и предварялись краткими заметками о личности автора. Крупные государственные и общественные деятели, ученые, такие как Н.И.Мамаев, Д.А.Милютин (генерал-фельдмаршал), Д.Н.Свербеев (известный славянофил), М.И.Венков, в своих мемуарных произведениях предпочитали анализировать любые периоды своей жизни. Они рассматривали эти этапы через призму общественно-политических и философских теорий.

Мемуаристика всегда привлекала внимание исследователей истории и культуры в качестве объекта, содержащего бесценный историко-фактический материал, почти не подвергшийся художественной обработке. Именно не-литературность

текстов открывала возможность эмпирического подхода к ним. Эмпирическая тенденция в изучении мемуаристики преобладает и по сей день, с той только разницей, что исторические приоритеты сменились культурологическими, а уникальности факта предпочитается типичность его, позволяющая создать культурные модели. Сегодня особую популярность приобретает гендерный подход к исследованию мемуарного типа творчества.

Это лишь некоторые аспекты, определяющие необходимость рассмотрения мемуаристики как феномена культуры, применяя при этом именно культурологические методы исследования. Несомненно, это сложная и многоаспектная задача, которая требует своего глубокого изучения.

Примечания

¹ См: Сиротина И.Л. Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26—27 мая 1997 г.). СПб., 1997. С. 227.

² Там же.

В.А.Мазин
(г. Нижневартовск)

ЛЕТНИЕ ПРАЗДНИКИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЮГРЫ (К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ)

Праздник от своих истоков прошел сложное эволюционное развитие. В истоках мы видим обычаи, традиции, которые сформировали ритуалы, далее оформились обряды. Истоки праздника жестко регламентировались, в ритуалах и обрядах не допускались новшества, импровизации. Праздник более демократичен, хотя и в нем немало примет прошлого. Именно эти приметы и делают современные праздники коренных жителей непохожими, самобытными, интересными как комплексный этнографический. Организаторам нередко удается в полиэтническом пространстве представить живую связь поколений, представить высокий смысл экологического сознания хантов и манси многонациональному сообществу. Особо следует подчеркнуть важность национальных праздников для подрастающего поколения, в их содержании оживляется память родства, утверждается значимость народной культуры. Рассмотрим особенности праздников, проводимых в Нижневартовске праздников с четко выраженной хантской этнотемой, которая не чужда немногочисленным манси, проживающим в современном городе.

Еще недавно ханты народный календарь делили на холодное и теплое время. Полугодие «лунг» (теплое время) охватывало период от прилета до отлета ворон, т.е. с первой декады апреля до начала — середины октября. У хантов

бытует поговорка: ворона первой прилетает, чтобы к лету дни перевернуть». Вороний День (Вурна-хатл) с XIX века празднуют 7 апреля. В содержание праздника обычно вплетены образы трех птиц: вороны, сороки и чайки. Замечу, что у хантов чайка — мужского рода (пола). И в традиционных обрядовых действиях чайка представлена как мужской попутчик и антипод вороны (обе птицы перелетные). А сорока (зимующая) противопоставляется прилетным гостям. В то же время безмерной похвалы удостоивается только ворона, ей подносят дары, поскольку она предвестница рождения детей и охранительница детства. До начала празднования, утром мужчины достают из священных лабазов или нарт скульптуры духов-покровителей (*сунх, лунх*), приносят им дары, угощение, обряжают в новые одежды. Обязательно присутствует персонаж 4-й птицы священного лебедя, олицетворяющего праматерь Калтащ (она может преобразовываться в зайчиху). Эта женщина, созидающая (делающая) подмогу, пробудившись, стряхнувши снежный покров, заботливо обещает достаток каждой семье. На нарты и деревья взрослые развешивают свежеспеченные калачи, а дети их собирают и съедают. Калачи символизируют Солнце, дарящее тепло нового летнего года. До сих пор бытует примета: если первая прилетевшая ворона сядет на низкое дерево, то весна будет скоротечной; если ворона сядет на высокое — весна будет затяжной.

Как традиционный, в Нижневартовске отмечается праздник Высокой воды (Инк-той-тылыщ). Летняя пора связана у хантов, прежде всего, с рыболовством. Жители Среднего Приобья отмечают праздник водной стихии в конце июня — начале июля. По традиции только мужчины преподносят в дар речным духам блюдо саламат, приготовленное из муки и варки (жарено-вареной смеси из рыбьего жира, брюшек, кишок и икры). Духу Воды (Инк-лунх) бросаются старинные монеты. Нередко в поселениях восточных хантов как самостоятельный проводился обряд почитания водных духов, обычно он приурочивался к Петрову дню. В его содержании присутствовали моления о безопасности, сохранении жизни рыбаков во время предстоящей путины. В наши дни празднование Высокой воды не обходится без состязаний. На празднике определяются главные победители: кто быстрее закинет удочку, почистит рыбу, разведет костер, кто вкуснее приготовит хантыйскую уху. Заканчивается праздник коллективной дегустацией ухи и танцами у костра.

Обычно в середине июня у коренных жителей проходит праздник огня, получивший название «Тор-най» по имени богини мифологического Огненного моря. Тор-най является воплощением воли верховного бога Торума (самой природы). В быденном понимании Тор-най является защитницей домашнего очага. На празднике в ее честь бытуют два ритуальных действия. На первом в лесу разжигают огонь, вокруг которого танцуют старейшины рода, после чего женщины кидают в огонь красные платки, алые кусочки ткани и желтые (золотые) монеты. Второе действие связано с событиями на священном озере. Зажигают плот (символ острова, священного кусочка земли — «емын мув лопсы»). И на виду у

всех на плоту горит жертвенный огонь Тор-най. Июньский праздник в месяц «березы», месяц солнцестояния и половодья заканчивается песнями. Славится берега, которая по мифическим сказаниям является посохом бога Торума и в то же время символизирует женственность матери-земли Калтащ (Калтась), тянущееся к небесам.

С начала 70-х годов XX века получил широкое распространение праздник обласа. Он возник как соревновательный компонент в содержании государственного праздника Дня рыбака. Инициаторами включения лодочных гонок в праздничное действо были работники Ларьякского сельского дома культуры, где и проводился в летние дни праздник-слет рыбаков Нижневаровского района. Облас — долбленная из цельного дерева (обычно, кедра или осины) лодка — колданка. Облас — основное средство передвижения по рекам и озерам. Он является обязательной принадлежностью хантыйского быта. Как правило, в семье несколько обласов: больших и малых. Праздник обласа начитается с торжественного построения спортивных команд, которые приветствуют друг друга. В гонках на обласах проводятся одиночные, парные заезды среди мужчин и женщин, среди ветеранов и молодежи. Одновременно с соревнованиями и после них устраиваются театрализованные представления. В драматургическом содержании рассказывается о встрече водного царя Йинхг-ики с повелительницей рыб Кул-нэ, водного духа Сарт-лунга с хитрым Карасем. Персонажи театрализованного действия поздравляют всех присутствующих на празднике. А веселое действо обычно заканчивается костром дружбы и массовым пением.

Получил распространение праздник невест — упрощившийся родовой ритуал александровских хантов. Обычно его проводят осенью, в сентябре. За день до праздника девушки идут на святое место, и каждая в кузовке оставляет орехи. Утром проверяют — у кого меньше будет в кузовке орехов, та первой выйдет замуж. В этот период начинается сватовство женихов, и проходят национальные свадьбы. К этому дню каждая незамужняя девушка шьет куклу-невесту «Акань», в праздник приносит ее на священное место и просит у духов смелого и мужественного жениха-охотника.

Праздничные мероприятия обских угров стали неотъемлемой и значимой частью культурной жизни нашего региона. До недавнего времени среди мероприятий, связанных с обычаями, традициями хантов и манси, можно было отметить лишь государственный праздник: День рыбака и местное зимнее мероприятие Слет охотников. За последние 10 лет палитра праздничных действий, в которых участвуют все жители Приобья, стала более разнообразной.

Современная культура обских угров продолжает развиваться как самобытная в обширном полиэтническом пространстве. С середины XX века активно разрушается субтерриториальная обособленность хантов и манси. В описанных праздниках принимают участие все представители коренных малочисленных этносов, живущие в городе, а так же горожане других национальностей. Это обусловлено консолидацией коренных малочисленных народов Севера,

их активным общением с новопоселенцами. Обособленность не выдерживает натиска развивающейся коммуникации (сеть транспортных магистралей, телевидение, интернет сокращают расстояния). В современных условиях культурная жизнь аборигенного населения становится все более цивилизованной, традиционные формы культуры унифицируются. Фольклор претерпевает изменения, становится менее табуированным, аутентичным. Праздники как публичные действия, с одной стороны, представляют этническую самобытность. С другой стороны, безусловно, эту самобытность преобразуют, активизируют процесс утраты сакральных мифологем, аутентичных форм.

*М.И.Мезрин
(г.Нижневартовск)*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?» КАК СУБКУЛЬТУРА

Культурная жизнь любого сообщества представляет собой процесс сосуществования людей, по-разному видящих и оценивающих окружающую их действительность. Люди со сходным мировоззрением составляют социокультурную общность, называемую субкультурой. Специфическая картина мира определяет все остальные признаки субкультуры.

Субкультуры типологизируются в соответствии с типами общностей их носителей. В частности, выделяются половозрастные, социально-профессиональные, досуговые, религиозные и этнические.

Вследствие увлечения населения телевизионными играми «Что? Где? Когда?» и «Брейн-ринг», а также их спортивными разновидностями в начале 1990-х годов на территории республик бывшего СССР стала формироваться новая досуговая субкультура. Мы можем говорить о субкультуре, потому что со временем поведенческая модель, язык и ментальность игроков расширилась и вышла за рамки игры, став особым мировоззрением.

В субкультуре игроков во «Что? Где? Когда?», кроме участия в игре, можно выделить следующие признаки:

Существование слэнга. Сленг участников интеллектуальных игр — это слова или сочетания слов, используемые в кругу игроков. Такие слова и словосочетания могут иметь общеизвестное значение, но в среде игроков они понимаются по-своему и используются для обозначения атрибутов игр, игровых ситуаций, оценки вопросов и процесса работы команды, т.е. происходит расширение референта знаков русского языка. Наблюдается также явление расширения сферы употребления слэнга за пределы игрового пространства.

Особая социальная структура движения. Минимальной социальной ячейкой «Что? Где? Когда?» можно назвать команду, — 6 человек сидящих за одним

столом. Роли проявляются вследствие обострения во время игры тех или иных индивидуальных черт характера игрока. Команды территориально объединяются в клубы, клубы в свою очередь входят в Международную Ассоциацию Клубов.

Особое мировосприятие. Согласно Антуану Молю¹, культура — это не только механическое усвоение разнообразных «культурем», что является лишь эрудицией, простым увеличением объема поля культуры, это — большей частью — способность так подавать культуремы, чтобы вызывалось возможно большее количество ассоциаций. Последнее состояние он называет «глубиной», которая определяется толщиной «ткани» ассоциаций, устанавливаемых в процессе мышления, а затем запоминаемых социальным или индивидуальным организмом. Игрок «Что? Где? Когда?» взаимодействуя с окружающим миром, не просто расширяет свою эрудицию, но старается установить как можно больше парадоксальных, тонких, оригинальных ассоциаций между воспринимаемыми им культуремами.

Наличие символов и мифов. Символика является дополнительным интегрирующим команду элементом. В клубах присутствует то, что можно назвать корпоративной символикой, т.е. визуальные, аудиальные, текстуальные символы.

Существование особого объекта деятельности — вопроса. Система «культурем», лишенная одного или нескольких выводимых из контекста элементов, оформленных с помощью средств естественного языка, является вопросом «Что? Где? Когда?». Благодаря контексту и конкретной синтаксической форме амплитуда смысловых колебаний сокращается и фактически может быть исчерпана единственным вариантом. Единство формы и содержания, их взаимозависимость позволяет говорить об эстетической составляющей вопроса.

Образ жизни. Для большей части участников движения «Что? Где? Когда?» игра становится особо ценным времяпрепровождением. Кроме участия в официальных чемпионатах, знатоки организуют игры в свое удовольствие. Объекты и ситуации окружающие знатока часто вызывают у него ассоциации с атрибутами или процессом игры.

Примечания

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

О.У.Мухаметнурова
(г. Челябинск)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА СЕМИОТИКИ

Академик Д.С.Лихачев отмечал, что в русском историческом и культурном развитии уживаются две противоречивые черты — консерватизм и быстрые смены общественных настроений, взглядов. Это происходит не только из-за некоторой

неупорядоченности русской жизни, но и еще потому, что у русских более ранние пласты культуры смешиваются с более поздними. Это ярко иллюстрирует, в том числе, современная российская культура досуга, в котором смешались как древние, языческие, религиозные, советские и современные праздники.

С одной стороны это провоцировало кардинальную смену русского культурного уклада, а с другой — сохранение целостной старой системы. Все это в совокупности составило огромное культурное наследие и огромную свободу выбора. То есть в ней объединились различные виды культурного наследия и полнота внутренней свободы. Но, к сожалению, эта свобода является не только полезной, но в какой-то мере и губительной, ведь она порождает не только творческое начало, но и желание отречься от чужого и своего, крушить, уничтожать, продавать, сносить, обрекать на безвестность здания, города, села, картины, фольклор, а затем и самих авторов и интеллигенцию в целом. В результате этого культура теряет «почву и опору под ногами». Но вскоре данная «культурная почва» легко заполняется внедренными образцами потребительской рыночной культуры, импортируемой с Запада. Данная культура внедряет в российскую социальную среду (особенно в молодежь) ценности постиндустриальной цивилизации.

Поэтому проблеме русской свободы и самоопределения русской культуры уделялось большое внимание, особенно русскими писателями и философами (Бердяев, Франк, Карсавин, а до них — Достоевский). Эта необходимость свободы также ощущается в поэзии А.Блока и В.Соловьева. Такая же «жажда» культурной свободы ощущалась и во времена советской власти, когда был задан один общий социально-экономический и культурный ориентир — коммунизм, к которому все должны были стремиться.

Говоря же о современной российской культуре, надо сказать, что проблемы свободы как таковой не существует: эта свобода есть (и даже в некотором избытке). Но этот избыток свободы порождает другую проблему — проблему самоопределения данной свободной культуры. Но наряду с этой, существует и проблема самоопределения национального, которые тесно взаимосвязаны между собой. В постсоветском российском обществе происходят сложные эволюционные процессы, которые невозможно оценить однозначно. Многие культурологи характеризуют его как общество переходного (смешанного) типа.

Также современные культурологи выделяют следующие новейшие тенденции и проблемы современной российской массовой культуры:

1. Широкая экспансия визуальных форм и жанров, которые вытесняют книжную культуру. Тем самым они не только снижают интерес к чтению, но и создают новый режим восприятия информации. Ведь визуальный образ считывается и воспринимается мозгом мгновенно и на подсознательном уровне.

2. Происходит эффект сращивания общественного сознания со средствами массовой информации (СМИ), которые из аморфной «четвертой» власти стали ее реальным носителем.

3. Большинство современных культурологов отмечают кризис социально-культурной идентичности. Глобальная система массовых коммуникаций выступает мощным фактором нивелировки (то есть уравнивания или унификации) культурных различий. Но данной проблемой озабочена не только Россия, но и многие страны (в том числе и развитые страны Западной Европы). Выходом из сложившейся ситуации может послужить попытка конструирования новых идеологических моделей и идей. Однако в России данная попытка построения идеи по образцу и подобию уже известных (например, новая русская «национальная идея») обернулись неудачей. Точнее, данная идея разбилась на множество культурных идентификаций, которые вместе выливаются в парадоксальные типы, например, предприниматель может быть членом КПРФ (Коммунистической партии Российской Федерации).

4. Другая проблема, на которую обращают внимание многие исследователи — это отсутствие внятного и общедоступного символического кода (или языка), аналогичного тому, что был создан в советское время. Символический код (то есть символический «язык» культуры и его символическое и предметное воплощение) в СССР хоть и был фальшивым, но он был лояльным по отношению к рядовым гражданам. Данный символический код выражался в языке советской идеологии, газет и журналов, праздничных ритуалов и лозунгов, массовой советской эстрады и советского кинематографа. Символический язык нынешней российской культуры эклектичен, а иногда и брутalen. Он отражает всю многоукладность современной российской культуры. В нем соседствуют элементы, которые условно можно назвать национально-российскими, и инокультурными, заимствованными как у западной, так и у восточной культур. Это смешение видно настолько хорошо и ярко, что это дает основание говорить о некотором символическом (в контексте культуры) промискуитете.

5. Также национальному культурному самоопределению мешает проблема взаимоотношения российской культуры с другими (в частности, с американкой и европейкой). Это тема, требующая отдельного обсуждения, также тесно связана с проблемой национального самоопределения. Данную тему затрагивал еще Н.Я.Данилевский в своей работе «Россия и Европа». В ней он говорил об эволюционном значении самобытности, но при этом отмечал и необходимость поддержания «культурной силы» присутствия новых деятелей с иной психологией, ментальностью и историей. Он отмечал, что культурная унификация таит опасность в том, что она ограничивает ресурсы поливариантного развития человечества. То есть Данилевский в вопросах о соотношении чужеродного и самобытного в русской культуре стоял на «центристских» позициях.

6. Сейчас же, когда мир охватили масштабные процессы глобализации, задача сохранения национальной государственной самобытности приобретает огромное значение. Глобализация, по сути, означает трансформацию во все части света американского образа жизни и культуры. Отсюда вытекает еще одна культурологическая проблема — проблема русской самобытности. Но это

не означает того, что надо сейчас же отрещиваться от всего чужеродного (да и в условиях глобализации это практически невозможно). Надо принять все самое передовое, что наработано европейской и американской культурами, ориентируясь на свой культурный опыт и свою «культурную опору». Но вот есть ли у нас данная опора — это другой вопрос. Но ясно, что «культурный импорт» не должен основываться лишь на выборе изменчивого вкуса или моды. Это крайне ненадежные критерии.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Россия испытывает кризис «культурной идентичности», который можно преодолеть лишь при условии, что российская культура сможет найти «культурный стержень или опору» и «культурные ориентиры». Но их поиск затрудняет, как ни странно, богатая история русской культуры: неясно, что выбрать в качестве «культурной опоры» — культуру ли Древней Руси, Российской империи или советскую культуру? Все они важны, и ни одну из них просто так не отбросить. Но главное решение проблемы, на мой взгляд, лежит именно в перемене культурных ориентиров самим российским обществом. Если само население России не поймет, что ему надо пересмотреть свои культурные ориентиры и язык культуры, то никакая государственная политика в области культуры, никакие усилия культурологов не помогут (политика «давления сверху» будет просто малоэффективна). Также российскому народу необходимо выбрать культурный ориентир, то есть то, к чему необходимо стремиться. По моему мнению, этот ориентир должен воплощать в себе стремления к достижению идеалов гражданского и правового общества. Ведь сама по себе модель гражданского общества идеальна, но стремление хотя бы на немного приблизиться к данному идеалу не только бы определили облик современной русской культуры, но и сплотили бы российский социум.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Москва.
2. Костина «Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006.
3. Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000.
4. Массовая культура и массовое искусство «за» и «против». М., 2003.

А.А.Никифорова
(г.Нижнеарттовск)

ПРИРОДНОЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ

Самобытность культуры России отражена в уникальных архитектурных, исторических и природных памятниках, обладающих глубоким информационным потенциалом. Сегодня, когда остро стоят проблемы возрождения духовной культуры, когда наблюдается возрастающий интерес к историческому прошлому,

изучение и сохранение отечественного наследия выдвинуты в число важнейших государственных задач.

Положение о том, что природа и памятники неразделимы, предопределило появление в последних научных изданиях и международных нормативных документах такого обобщающего понятия, как «культурное и природное наследие»¹. Воспринимаемое в привычном ему пространственном окружении, культурное и природное наследие представляется не только емкой категорией, отражающей природную среду и социокультурную инфраструктуру общества, но и важнейшим экологическим фактором, формирующим среду обитания человека, а также основой сохранения культурного ландшафта Земли.

В качестве информационного потенциала наследие включает не только материальные объекты, но и явления духовной жизни (произведения искусства, живописные ландшафты, формы быта, традиционные технологии). Такое понимание наследия обуславливает его функции сохранения и передачи информации о природном и культурном достоянии будущим поколениям в качестве «специфической формы памяти, своего рода «генетическим кодом» этносов и человеческого общества в целом посредством сбережения, хранения и передачи информации о природном и культурном достоянии»².

Многие авторы рассматривают традиционную культуру как часть наследия. Одним из первых исследовал вопросы единства природного и культурного наследия философ В.Соловьев. Системный подход проявился во многих географических концепциях, в частности в концепции этногенеза Л.Н.Гумилева, концепции территориальных рекреационных систем, в концепции о культурных ландшафтах, разрабатываемой как физико-географами, так и гуманитариями³. В итоге сформировался комплексный подход к рассмотрению наследия как единого целого, охватывающего объекты наследия, их природное окружение и человека как носителя, субъекта наследия.

Наследие реагирует на все социальные процессы и явления в обществе и само оказывает влияние на духовную атмосферу общества, на экономические процессы. При этом сохранность объектов наследия зависит, прежде всего, от их значимости для общества, которая, в свою очередь, определяется сохранностью объектов. В последние годы наблюдаются новые процессы и тенденции.

Роль наследия особенно возрастает в период трансформаций, смены социально-экономических формаций, неустойчивости в обществе, а степень его сохранности резко падает, сохраняются только отдельные объекты.

Внедрение новых технологий привело к увеличению скорости взаимовлияния культур, вытеснению фольклора, изменению топонимики, «живой» музыки. Развитие технического прогресса создает материально-техническую базу для процесса коммерциализации отношения к наследию и появления новых типов объектов наследия — виртуальные музеи, электронные атласы наследия, голограммы.

Примечания

¹ Охрана культурного и природного наследия России. Программа курса / Сост. канд. ист. наук, доцент, М.А.Полякова. М., 1999. С. 3.

² Евдокимов М.Ю., Евдокимова Е.В. Историко-культурное и природное наследие в региональном развитии (на примере Смоленской области). Монография. Смоленск, 2002. С. 6.

³ Там же. С. 7.

Н.В.Ниязова
(г.Нижневартовск)

С.Ф.ПЛАТОНОВ О «ВСЕПЬЯНЕЙШИЕМ И ВСЕШУТЕЙШЕМ СОБОРЕ» В КУЛЬТУРЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

В небольших этюдах, написанных С.Ф.Платоновым во второй половине 1920-х гг., важное место принадлежит заметкам, посвященным так называемой «бытовой истории» первой четверти XVIII в. В одной из них — «Из бытовой истории Петровской эпохи. I. Берг-коллегия или Великобританский монастырь в Санкт-Петербурге при Петре Великом» — выдающийся ученый показывает, что это «братство» состояло почти исключительно из англичан — представителей английского купечества, утратившего к исходу XVII века свое торговое первенство в Москве, и вынужденных, потакая странностям царя, пойти на учреждение по образцу «Всешутейшего и Всепьянейшего собора» своей собственной шутовской «пьяной коллегии».

С.Ф.Платонов опубликовал полный текст «Объявления о Великобританском славном монастыре», отметив, что этот документ до сих пор не был известен в печати, подобно самому факту существования данного «собора», действовавшего в августе 1709 г. в Киеве (где находился Петр в первые недели после своего торжества под Полтавой) и даже еще весной 1708 г., вскоре после отступления русских войск из Гродно, в начале тяжелой оборонительной операции против шведов. Царь писал в Москву ко «всешутейшему патриарху» Зотову, чтобы тот к празднику «изволил двинуться в Питербурх, також и детей своих, а наших государей» взять с собою по особой «росписи кому ехать». Среди этих «детей», то есть членов всепьянейшего собора, в письме от 6 марта 1708 г. упомянут в числе прочих архиереев «Британской». Зотов должен был везти его в Петербург из Москвы; «Патент» 1709 г. также направлен к митрополиту Великобританскому в Москву, что указывает, — считает историк, — на существование в те годы Великобританского сумасбродного братства в старой столице; позже, видимо, оно обосновалось в Петербурге.

Исследователь констатировал, что в этой шутовской организации участвовали прежде всего иностранные купцы и промышленники, а также математики, медики, педагоги и литераторы, приглашенные на русскую службу; с ними двое

русских промышленников — Баженин и вдова Агафья Михайловна. Бенго-коллегия, по заключению С.Ф.Платонова, включала лиц социально-однородных, принадлежавших к составу бюргерства, «общественной середине», «работавших капиталом или специальными знаниями». Эта деловая среда сходилась для служения Бахусу и для шутовских потех, — на взгляд историка, — без особого одушевления, не внося в свой ритуал большого остроумия.

По словам С.Ф.Платонова, «Бенго-коллегия уложение или законоположение» составлено грубо и наивно; в нем нет ни изобретательности, ни замысловатости; его невозможно сравнить с малоприличными, даже весьма непристойными, но веселыми и затейливыми писаниями петровской «всешутейшей» братии, над которыми трудились искусные в риторике перья и витало недюжинное остроумие самого Петра. Бенго-коллегия, — писал С.Ф.Платонов, — производит впечатление чего-то тупого и пошлого, несовместимого с почтенными именами Келлерманов, Фархварсона, Гвына, Пауса. Как считает ученый, они могли только по нужде заниматься тем вздором, какой изображен в пяти пунктах «уложения» и в трех пунктах «публикации» (нормативных документах этого учреждения), и ездить на святках в «славлень», имея зеленый лук на шапках и фляг с английскими эмблемами. К этому принуждала их, на взгляд историка, совокупность тех условий, созданная Петром в его манере «мешать дело с бездельем»: нельзя было «работать с правительством», не участвуя в официальных маскарадах и попойках, в обязательных ассамблеях, в общих парусных катаньях на Неве. Следовало, очевидно, — заключает ученый, — иностранцам иметь свою «всешутейшую» организацию, как имели ее русские правительственные круги в образе князь-папы и его свиты, волочившейся за Петром по всему государству¹.

По мнению С.Ф.Платонова, идея «князь-папы» и «Бахусова закона» родилась, конечно, в Немецкой слободе, а в личном характере Петра нашла плодотворную почву для того, чтобы развиться в целый шутовской культ. Частью этого культа оказался и «славный Великобританский монастырь». С.Ф.Платонов указывает, что среди пьяниц и шутов собственно русских компаний («собора» и «неусыпаемой обители») совсем незаметно участие ученых людей и отсутствует глумление над ними, между тем как в «Бенго-коллегии» не только были ученые (Паус, Фархварсон, Гвын), но и чувствуется элемент насмешки в отношении этой «братии»².

Оценивая «всешутейшие» забавы петровской эпохи С.Ф.Платонов обращает внимание на то, что они были не только местным явлением, а существовали в разных европейских странах, от глубокого средневековья до XVIII века: от пародий на мессы и молитвы, в которых роль божества играл Бахус, до веселых пьянственных песенок, от переодеваний и шутовских игр и процессий до высокопоставленной «табачной коллегии» прусского короля Фридриха Вильгельма I. Петр Великий не своим только умом дошел до изобретения «всешутейшего собора». Немецкая слобода с ее протестантским духом, с ее корчемством и

наклонностью к разгулу познакомила молодого царя с разными видами вольных западных забав и насмешек³.

Время широкого размаха внешней политики и напряженной административно-законодательной работы не упразднило, как отмечает исследователь, шутовских учреждений молодости Петра и не смягчило грубой жестокости его расправ. «Всешутейший собор» и «неусыпаемая обитель» продолжали действовать до самой смерти их изобретателя. Некоторые члены «всешутейшего собора» пользовались неизменным расположением Петра.

Несмотря на то, что марксистская историография 1930-х гг. нелестно отзывалась об интересующей нас работе ученого⁴, высоко оценил ее Д.Н.Егоров в своем письме С.Ф.Платонову от 20 октября 1925 г.: «наконец-то оба Ваши очерка «Из бытовой истории Петровской эпохи» попали действительно ко мне. Прекрасна и воистину интересна вещь...»⁵.

Таким образом, в последних работах С.Ф.Платонова (к которым редко обращаются специалисты), высказано немало интересных наблюдений о придворном быте петровской эпохи.

Примечания

¹ Платонов С.Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. I. Бенго-коллегия или Великобританский монастырь в Санкт-Петербурге при Петре Великом // Изв. Академии Наук СССР. 1926. № 7—8. С. 544. Вывод С.Ф.Платонова о принудительном характере подобного сумасбродного братства был опспорен М.П.Алексеевым. См.: Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX вв.). М., 1982. С. 76. (Литературное наследство. Т. 91).

² Платонов С.Ф. Бенго-коллегия или Великобританский монастырь... С. 544—546.

³ Платонов С.Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. I. Бенго-коллегия... С. 544—545.

⁴ М.М.Цвибак в 1931 г. заявил, что статьи С.Ф.Платонова по эпохе Петра (о Великобританском монастыре, ордене Иуды, циркуль-земле) — это «полупорнографические, полуанекдотические заметки», а вовсе не исследования, и место этим статьям — «в отделе «смесь» бульварного журнала». См.: Зайдель Г. и Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте... С. 99.

⁵ См: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2868. Л. 13. См. также: Ед. хр. 2570. Л. 4.

Ю.Л.Халтурин
(г.Екатеринбург)

ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАСОНСКИХ СИМВОЛОВ В РУССКОМ МАСОНСТВЕ

Символический язык является основой масонской идентичности. Хотя при реконструкции роли масонства в русской культуре символам уделялось достаточное внимание, на наш взгляд, исследователи упустили из виду многие метафизические и окултные смыслы масонской символики. На основе анализа архивных масонских материалов кон. XVIII — нач. XIX вв., находящихся в фондах 14 (фонд Арсеньевых) и 147 (фонд С.С.Ланского и С.В.Ешевского)

Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), мы выделили в символике русских масонов три семантических пласта: 1) орденский, 2) метафизический, 3) каббалистический или оккультный. Эти смыслы не присущи символам имманентно или имплицитно, он приписаны им русскими масонами путем интерпретации, основанной на идее, что символический язык — это язык и масонства, и метафизики, и каббалы. Приведем примеры символов и их значений.

1) Трехсвечник: а) орденское значение — символ Солнца, управляющего днем, Луны, управляющей ночью, Мастера, управляющего ложей; символ Священного Писания, руководящего верой, Угольника, руководящего поступками и Циркуля, управляющего отношениями между людьми; символ трех столпов масонского храма — Силы, Мудрости и Красоты; символ трех степеней посвящения и трех масонских систем; б) метафизическое значение — символ трех светов Натуры, Разума и Откровения, тело-душа-дух, стихийный-астральный-божественный миры, язычество-иудаизм-христианство, лингвофилософской язык природы, язык Священного Писания, язык Бога; в) каббалистический — символ трех тайных «высших» наук — магии, каббалы и философии.

2) Квадрат или прямоугольник: а) символ ложи и Храма Соломона; б) символ мира и человека, макрокосма и микрокосма; в) символ 10 сефирот — божественных эманаций, проявленных как 10 должностей в ложе.

3) Точка в круге: а) символ ордена как такового; б) символ единства проявленного и непроявленного аспектов божества, троичности божества, а также природы и человека до грехопадения; в) каббалистическое значение — первый из «десяти каббалистических знаков», соответствующий букве йуд как одному из имен Бога, через алхимическую символику (точка в круге как символ солнца, золота, сердца) может отождествляться с сефирой Тиферет (Красота, одна из десяти божественных эманаций в каббале).

4) Колонны Иахин и Боаз: а) символ Храма Соломона, своеобразные «врата», через которые проходит посвящаемый во время инициации на пути от состояния профана к состоянию посвященного, символ Крепости и Силы ордена, символ и пароль степени ученика и товарища — 2-х степеней масонского посвящений; б) символ двойственности божества, природы и человека (Отец и Сын, свет и тьма, холод и жар, простое и сложное, мужское и женское, добро и зло, огонь и вода, Солнце и Луна, Запад и Восток); в) символ сефирот Хэсед и Гвура (Милосердие и Правосудие) или Нецах и Ход (Величие и Вечность) [19; 16].

5) Шестиконечная «пламенеющая звезда»: а) символ посвящения Шотландского Мастера; б) символ огня и воды как космообразующих сил, а также Троицы и Софии как небесных прообразов огня и воды; в) каббалистическое значение — символ единства Бога и его Шхины (божественной супруги), Адама и Евы как двух сторон андрогинна — Адама Кадмона.

Как видно, ключевые масонские символы имеют своеобразную «трехмерную» интерпретацию. Понимание значений этих символов может помочь исследователям при дальнейшем изучении ритуала и учения русских масонов, а также тех сфер культуры, на которые русское масонство оказало большое влияние, в частности, русской литературы и живописи XVIII—XIX вв.

З.А.Целищева
(г. Нижневартовск)

СИМВОЛЫ ЗЛА И ВОЗМЕЗДИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Принципиальное отличие символа от знака заключается в том, что смысл символа не подразумевает прямого указания на денотат — означаемый объект. Знак становится символом тогда, когда его употребление предполагает общезначимую реакцию не на сам символизируемый объект, а на отвлеченное значение. Сам характер символизации предполагает многозначность символа и сложный характер его восприятия, то есть рациональное познание, интуитивное понимание, ассоциативное сопряжение, эстетическое чувствование, традиционное соотнесение — в этом и есть отличие символа от аллегии и метафоры. Важным свойством символа является его репрезентативность, эстетическая привлекательность, которая подчеркивает его важность и общезначимость.

Средневековая книжность и искусство были пронизаны стремлением к символическому толкованию явлений природы, истории и священного писания. В мышлении средневекового человека наравне с символикой огромное место занимали и фантазии, которые тоже, по мнению выдающегося французского медиевиста Ж. Ле Гоффа, относятся к области воображаемого, характеризуются следующим образом: «Параметр воображаемого, этот своеобразнейший параметр истории... Воображаемое особенно нуждается в дефинициях, ибо по природе своей не имеет четких границ. Я попытаюсь определить его исходя из трех референтных систем, с которыми у воображаемого имеются общие точки соприкосновения»¹. Так, Ж. Ле Гофф выделял в качестве первой референтной системы — понятийную, которая связана с процессом абстрагирования, то есть представление о соборе — это идея собора. Далее следовало, по его мнению, символическое понятие: «О символическом значении можно говорить лишь в том случае, когда рассматриваемый объект вписывается в определенную систему ценностей, исторически сложившуюся или идеальную»². Третья референтная система выводится из констатации факта, свидетельствующего, что в воображаемом присутствует образ. Средневековая культура предполагала наличие отвлеченных, абстрактных смыслов, следовательно, культурный объект уже создавался

как символ. В этой связи интересен опыт реконструкции исторических корней символов зла и возмездия в данной культуре.

В средневековом христианстве существовал широкий спектр символов зла, а то есть семи смертных грехов и дьявола. П.П.Абеляр — французский философ, теолог и поэт — в своем труде «Этика, или познать самого себя» толковал его следующим образом: «Грех — это презрение нашего Творца, и грешить — значит презирать Творца, то есть не совершать ради Него того, что, мы верим, нам надлежит делать ради Него, или же не отречься ради Него от того, от чего, мы верим, нам надлежит отречься ради Него»³. В 1113 году П.П.Абеляр обучался в школе Ансельма Ланского, которая и славилась разработкой этико-теологических проблем, в частности именно здесь углубленно исследовали понятия греха и «склонности» к греху, что у П.П.Абеляра впоследствии преобразилось в понятие интенции⁴. Термин «интенция» означает у П.П.Абеляра не только осознанный умысел совершить грех, но и степень влияния на ум и чувство.

Первый смертный грех — гнев — изображался в виде мужчины или женщины, рвущих на себе одежду. Жадность и алчность, были вторым смертным грехом, их символизировали обезьяна, жаба, барсук, белка, мужчина, сидящий на сундуке с деньгами, у которого в руках барсук. Желтый, зеленый цвета, скорпион, «дурной глаз» и всадница на собаке с костью в зубах были символами зависти — третьего смертного греха. Однако чаще всего этот грех изображался в виде женщины, которая ест сердце, вырванное из собственной груди, или свои внутренности. Ее обычным атрибутом была змея, иногда изображаемая с вынутым языком.

Четвертый и пятый смертный грех — похоть и чревоугодие — были популярными объектами для средневековых художников. Грех любострастия изображали в виде змеи или жабы, впившихся в женскую грудь или гениталии. Изображения тучного человека или животного, наиболее часто связываемые с этим телесным недостатком, — свинья, медведь, лиса, волк или еж.

Гордыня была шестым смертным грехом и ее символом была женщина с павлином, а также львом или орлом. По христианским представлениям, как о том свидетельствует Библия, дьяволом стал падший ангел, чья гордыня привела на сторону зла и сделала врагом Бога.

Самым ярким противником совершенства, воплощением тьмы, обмана и зла, особенно в рамках моральных норм христианства и иудаизма, был дьявол или сатана. Некогда сатана был ангелом, самым прекрасным из всех ангелов, созданных Богом. Его имя Люцифер — «тот, кто несет свет»: «И указал, Мой верный путник на того, кто ране, Звездой лучистой в полночи сиял»⁵. Слово «сатана» еврейского происхождения, означает противника и врага: «И восстал сатана на Израиля»⁶. В священном писании название это применимо к дьяволу, который считался начальником злых духов, искуситель и губитель человеческих душ. Дьявол, как вечный разрушитель символизировал принцип времени — выражение конечности всех земных явлений. Поэтому Ад изображался как

бездна, поглощающая все живое. Так Мефистофель говорил Фаусту: «Я дух, всегда привыкший отрицать. И с основанием: ничего не надо: Нет в мире вещи, стоящей пощады, Творенье не годится никуда. Итак, я то, что ваша мысль связала, С понятием разрушенья, зла, вреда, Вот прирожденное мое начало, Моя среда»⁷. Обычно дьявола изображали с рогами, раздвоенными копытами и хвостом, а иногда и с крыльями летучей мыши.

Иное проявление дьявольской сущности видели в стремлении материи бесконечно возобновляться в разнообразных формах. Природа, которая снова и снова порождает себя в каждом из своих видов, включая и человека, стала для христианского учения воплощением непристойности. Недаром средневековые демоны представлялись как инкубы и суккубы, разжигающие в человеке плотское вожделение. Идея средневековых христиан относительно греха похоти выразилась в представлении о существовании у дьявола еще одного лица на гениталиях и ягодицах⁸.

Из книги Иова мы видим, что Дьявол непрестанно борется с Богом за овладение душой человека, но в этой роли находит и поддержку Бога. Это смеющийся дьявол, который вечно борется с Богом, но борьба эта происходит в душе человека. У И.В.Гете в «Фаусте» Господь обращается к Мефистофелю: «Тогда ко мне являйся без стеснения. Таким, как ты, я никогда не враг. Из духа отрицанья ты всех мене, Бывал мне в тягость, плут и весельчак. Из лени человек впадает в спячку. Ступай, расшевели его застой. Вертись пред ним, томись и беспокой, И раздражай его своей горячкой»⁹.

Мышление символами было характерно не только в теологии, литературе и искусстве средневекового Запада, но и во всем его ментальном оснащении. Русский историк, культуролог, литературовед, профессор П.М.Бицилли писал: «В средние века люди не только говорили символами, но и иной речи, кроме символической, не понимали»¹⁰. Мир не изображали символическим, его таким воспринимали. В то же время символ был нейтрален, то есть находился между сверхъестественным божественным (чудным, зависящим только от благой воли Бога) и сверхъестественным дьявольским (магическим, в котором преобладало разрушительное влияние Сатаны). Средневековая символика была исторична. В процессе ее развития значение символа менялось: один и тот же символ на разных исторических этапах означал разные объекты. Символика средних веков выполняла коммуникативную функцию, так как с помощью символов люди передавали друг другу символическое содержание отдельных объектов и с их помощью мыслили. Так же учитывалась амбивалентность символа, то есть в зависимости от контекста он мог олицетворять как добро, так и зло.

Примечания

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Абеляр П.П. Этика, или познать самого себя. Теологические трактаты. М., 1995. С. 15.

⁴ См.: Неретина С.С. Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск, 1995. С. 251.

⁵ Данте А. Божественная комедия. С. 264.

⁶ Библия. Первая книга Паралипоменон. 21:1.

⁷ Гете И.В. Фауст.

⁸ См.: Трессидер Дж. Словарь символов. С. 89.

⁹ Гете И. В. Фауст.

¹⁰ Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 59.

Р.Ю.Федоров
(г. Тюмень)

КОЛОНИЗАЦИЯ И ОСВОЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

Понятие «освоение» можно рассматривать как категорию, раскрывающую многие сущностные качества культуры. Обращаясь к отечественной истории можно увидеть немало примеров, когда ее актуализация была выражена прежде всего в географическом развертывании, связанном с освоением новых территорий.

То обстоятельство, что во многих иностранных языках не существует дословного аналога слова «освоение» свидетельствует о наличии в нем особых культурных смыслов, отличающих его от широко распространенного понятия «колонизация». Попробуем подробнее рассмотреть эти различия, подвергая сравнению историю заселения Нового Света и Сибири в XVI—XIX вв.

В случае завоевания европейцами Нового Света колонизация первоначально олицетворяла процесс присвоения определенных благ, сосредоточенных на чужой земле, подчинения населявших ее народов власти метрополии. Однако на более поздних этапах, по мере вызревания новых поселенческих общностей, присвоение неминуемо сменялось фазой отчуждения, выраженной в выходе колонизируемых территорий из-под контроля метрополии. Логическим завершением этого процесса, как правило, являлось установление независимости бывших колоний. При этом одной из основополагающих тенденций современного глобализирующегося мира стала своеобразная «возвратная колонизация», выраженная в том, что страны Нового Света все более навязывают свои политические, экономические и культурные стандарты некогда колонизировавшим их европейским метрополиям (распространение мирового влияния США, массовые миграции из Африки и Азии в страны Западной Европы и т.д.).

По сравнению с колонизационной практикой западного мира, применительно к присоединению Сибири к русскому государству, на наш взгляд, более уместным является понятие «освоение». В отличие от колонизации оно рассматривается нами как более многогранный процесс, включающий в себя широкий спектр

проявлений преобразования и познания человеком окружающего мира. При этом процесс освоения новых территорий сравним с актом реализации, воплощения определенных жизненных ценностей на новом месте, стремлением сделать окружающий мир «своим».

В истории русского освоения Сибири вслед за первоначальной военно-промышленной экспансией можно проследить тенденцию к дальнейшему обживанию мест, многие из которых по своим природно-климатическим условиям казались мало пригодными для жизни. Данный процесс был выражен не только в утверждении на новых территориях ценностей и смыслов русской культуры. Наряду с ним можно проследить и взаимообмен многими элементами традиционной культуры между русскими и коренными народами Сибири.

Последующее индустриальное освоение Сибири стало беспрецедентным для мировой истории примером не только ведения промышленного хозяйствования в экстремальных условиях Севера. Оно явилось и уникальным опытом их обживания, связанного с формированием системы поселенческих сообществ индустриального типа, обладающих своей специфической культурой.

Сказанное выше свидетельствует об опасности тенденций к рассмотрению Сибири и Российского Севера лишь в качестве ресурсной периферии. В противовес этому актуальным представляется пристальное внимание к ним как к территориям, играющим значимую роль в общей социокультурной ситуации государства. Игнорирование этого можно рассматривать как тревожный симптом отчуждения нашедших здесь ранее воплощение освоенческих ценностей.

Г.А. Черемнова
(г. Тюмень)

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Как известно, в период расцвета Римской империи (I—V вв. н.э.) любой труд считался уделом рабов, неподобающим занятием для свободного гражданина. Но благодаря распространявшемуся христианству отношение к труду получило новый импульс для позитивного развития и нравственную основу.

В соответствии с первоначальной христианской доктриной, нет неугодных Богу занятий, но труд все же рассматривался как наказание за первородный грех. Причем обязанность его искупления ложилась на плечи всего человечества: оно должно было усердно трудиться, чтобы получить надежду на прощение в иной жизни. Поэтому труд должен был носить обязательно аскетичный характер.

К X в. утвердился термин «профессия», но применялся он только по отношению к священнослужителям. Тем самым элементы «профессиональности» в трудовой этике находились еще в зачаточном состоянии. Их становление связано с

бурным развитием ремесла и торговли, средоточием которых становились города. А горожанину найти свое место в мире и определить собственную значимость помогало его профессиональное занятие.

Средневековые цехи стали своеобразной кузницей профессионально-нравственной культуры, в которых складывались первые профессиональные группы, объединяемые едиными традициями и духом труда. Цеховые уставы четко регламентировали параметры человека, который мог стать полноправным членом цеха. Ведущую роль в этом играл его нравственный облик. Личные качества труженика считались неотделимыми от его профессиональных навыков.

Вся жизнь работника цеха — и производственная, и социальная, и религиозная — проходила в рамках цеховой общности. Средневековый цех представлял собой братство людей, занятых одним делом, благодаря ежедневным личным контактам мастеров, развитию неформальных отношений между ними и ответственности всех перед всеми. Но более важно то, что границы формировавшихся профессиональных групп постепенно выходили за рамки цеха. Свидетельства этому можно встретить в тех же цеховых уставах. Например, они определяли правила конкуренции между цехами, нацеленные на создание равных возможностей для всех производителей (регламентировали число подмастерьев, количество производимых изделий, использование вывесок и время работы цехов). Это способствовало возникновению общей идеологии профессии, преодолевающей цеховые рамки, и оформлению единой профессионально-нравственной культуры европейской цивилизации. Специфика тех или иных профессий постепенно стала уходить на второй план, многие виды деятельности были оправданы обществом.

Таким образом, складывались первые профессиональные уставы мастеров, в которых правила отношения к профессии, к труду и другим трудящимся приобретали статус нравственного закона. Произошедшая профессионализация помогла переосмыслить профессиональные умения: они приобрели ценность, признаваемую всем обществом. Профессиональное занятие стало восприниматься как путь к спасению. Пришло понимание необходимости труда как инструмента исправления самого человека, его духовного очищения и нравственного совершенствования. В итоге и ответственность, и грех, и его искупление, и спасение становятся личным делом. Для позднего Средневековья было характерно восприятие труда как возможности приблизиться к Богу, уподобиться ему, стать бессмертным через свои творения (а не получить от Него прощение, как было в начале эпохи). Таким образом, профессионально-нравственная культура формировалась под влиянием личностных мотивов человека, хотя начиналась она как культура совместного цехового труда.

В итоге можно сделать вывод, что за пятнадцативековую эпоху Средневековья не только сформировались основы профессионально-нравственной культуры, но и была подготовлена почва для последовавшего протестантского осмысления профессии как призвания.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ВЫСТАВКИ XIX ВЕКА КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Промышленные выставки сыграли известную роль в быстром распространении ряда изобретений в мире, расширении производства, росте товарооборота, улучшении взаимопонимания между народами различных стран. «Великая выставка изделий промышленности всех наций» — так была названа первая Всемирная выставка 1851 года, которая проходила в Англии. В выставке приняли участие 40 государств. Грандиозная экспозиция Лондонского «Хрустального дворца» (построен специально для выставки) была представлена в четырех отделах: сырье, машины, готовые товары и прикладное искусство. Посетители впервые увидели — паровую машину Уатта и Болтона, швейную машинку «Зингер». В 1855 году всемирную выставку организовала Франция. В Парижской выставке приняли участие 34 государства. Публика смогла увидеть — цемент инженера Вика, алюминиевые пластинки Сен-Клера-Девилля и прорезиненную ткань американца Гудийра. Впервые был организован показ сельскохозяйственных машин в действии. Начиная с середины XIX века всемирные выставки становятся традиционными. Они проходили в следующих городах: в Меце (1861 год); в Лондоне (1862 год); в Константинополе (1863 год); в Дублине (1864 год); в Бордо (1865 год); в Париже (1867 год); в Лондоне (1871 год); в Лионе, в Лиме, в Москве (1872 год); в Вене (1873 год); в Филадельфии (1876 год); в Париже (1878 год); в Сиднее (1879 год); в Мельбурне (1880 год); в Амстердаме (1883 год); в Барселоне (1888 год); в Париже (1889 год), в Чикаго (1893 год); в Сан-Франциско (1894 год); в Берлине (1895 год); в Брюсселе (1897 год). Всемирная Парижская выставка 1867 года положила начало новой тенденции: экспозиции стран-участниц стали размещать в специально построенных ими национальных павильонах. На выставке было представлено много технических новинок: телеграфный аппарат Хьюга, электрические фары, подводный кабель. Большой интерес вызывали — гидравлический лифт, шарикоподшипники, механическая тестомешалка. Лондонская выставка 1871—1874 гг. была рассчитана на пятилетний период, каждый год экспозиция полностью обновлялась. В 1878 г. была организована Парижская всемирная выставка. Эпоха пара в промышленности сменялась эпохой электричества. Экспонаты, представленные на выставке, убедительно свидетельствовали о возможностях, которые таил в себе открытый человеком новый вид энергии: свечи Яблочкова, телефонный аппарат Грэхема Белла, фонограф Эдисона. Посетители могли ознакомиться с первыми пишущими машинками, резиновыми шинами для повозок и велосипедов. Большое внимание посетителей выставки привлекли рефрижераторное судно «Ле Фригорифик», оборудованное для перевозки мяса из Америки через Атлантический океан; аэростат Жиффара. Много внимания на выставке 1878 г. было уделено

науке. Впервые на выставке были проведены международные научные конгрессы и конференции: по вопросам художественной собственности и авторскому праву; по вопросу промышленной собственности; почтовый конгресс; международная валютная конференция; конгресс по унификации мер и весов. Парижская выставка 1889 года оставила миру Эйфелеву башню. Необычная для того времени, трехсотметровая металлическая башня, стала впоследствии эмблемой Парижа. На выставке были представлены экспозиции следующих тематических разделов: «История труда» — возникновение и развитие ремесел; «История средств транспорта» — «ракета» Стефенсона и моторные вагоны «Кюно»; «История жилища» — около 40 образцов построек. Всемирные выставки стали значительным событием в материальной и духовной жизни, как стран-участниц, так и мирового сообщества в целом. Не случайно крупнейшие из них оцениваются современниками как «идеология эпохи», «итоги столетия». Всемирные выставки явились международным смотром достижений промышленности, своего рода центром научно-технической пропаганды.

Литература

1. Ковешникова Н.А. Дизайн: история и теория. М., 2007.
2. Рунге В.Ф. История дизайна, науки и техники / В 2 кн. Кн. 1. М., 2006.
3. Рунге В.Ф. История дизайна, науки и техники / В 2 кн. Кн. 2. М., 2008.
4. URL: <http://www.expo2008.ru/expo/history/>

М.Р.Юсупов
(г.Конеўіцк)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ

В середине XIX века Россия, вступив в новую стадию экономического и культурного развития, нуждалась не просто в грамотных людях, а в образованных специалистах и знатоках своего дела. Развивавшиеся в стране рыночные отношения требовали изменений в отношении к народному образованию в целом. В меняющихся условиях жизни мало той маленькой азбучной науки, полученной молодыми людьми в начальной школе. Ведь школа давала только умение читать, писать и считать. А что дальше? Где можно было применить свою грамотность после окончания школы? Каким образом заниматься самообразованием, если в деревне нет библиотек, нет книги, нет периодической печати? Земство в России приходило на помощь населению в этом деле: оно устраивало библиотеки, читальни, народные чтения, воскресные и вечерние занятия со взрослыми и т.д. Их цель проста — для тех, кто учился — дать возможность не забыть и пополнить полученные в школе сведения, а для тех, кто не был в школе — научить

грамоте. Если бы не было внешкольного образования, то заботы земства о школах во многом теряли смысл.

Процесс становления и развития культурно-просветительской работы со взрослыми на Урале можно условно разделить на три этапа. Первый — 60—80-е гг. XIX века — он характеризовался началом участия земских учреждений в образовании взрослых, разовыми ассигнованиями на культурно-просветительские учреждения (библиотеки, чтения, школы для взрослых). На первом этапе органы местного самоуправления не отличались особой активностью. Видимо, сказывалось отсутствие традиций и опыта. Второй — 90-е гг. XIX — 1907 год — период подъема внешкольного образования на Урале: увеличивалось финансирование как традиционных (народные библиотеки, народные чтения, воскресные школы), так и новых внешкольных учреждений (народные дома, народный театр, народные университеты). Культурно-просветительская работа на этом этапе стала значительно шире и разнообразней. Тяга народных масс к грамотности и знаниям ярко проявилась в период усиления освободительной борьбы в годы первой русской революции 1905—1907 гг. В помощь земствам в деле просвещения народа подключаются различные общественные организации и частная инициатива. Третий — 1907—1917 гг. — культурно-просветительская деятельность земств Урала вышла на качественно новый уровень; эта работа приобрела системность и организованность, так как именно в этот период губернские земства брали в свои руки заведование образованием взрослых. Первая мировая война и последующие события в стране усилили стремление населения нашего края к повышению своего общего образования и культурного уровня, хотя несколько и затормозили развитие внешкольного образования.

Вместе с тем надо отметить, что говорить о серьезных изменениях в образовании взрослого населения, в распространении культуры в огромном сельском населении Урала, да и России в целом, говорить не приходится. Для успешного осуществления Великих реформ и закрепления их позитивных результатов было необходимо предварительно подготовленное социальное пространство — в противном случае модернизаторским усилиям власти заведомо было суждено увязнуть в болоте традиционализма.

Следовательно, предстояло обучить и воспитать крестьянскую массу так, чтобы неизбежное разрушение ее синкретичного сознания, по меньшей мере, не обернулось деструктивными социально-психологическими последствиями. Дело не просто в насаждении грамотности, а в привитии нового мировоззрения и социального активизма, не порывающего вместе с тем с традиционной нравственностью.

Этого сделано не было, и не могло быть сделано в условиях самодержавно-государства. Вот почему вся эта масса крестьянства и «серого» народа увязалась за большевиками. Решить проблему технологии реформаторства применительно к духовно-образовательной сфере не удалось. Поэтому реформы 1860—1880-х годов начали давать сбои, а затем и вовсе забуксовали.

Секция 3

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

Г.А.Гасимова
(г. Нижневартовск)

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ ЧЕРЕЗ ПРЕДМЕТ «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ» (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Особенностью развития российской системы образования в настоящий период является ее модернизация и реформирование, которые вызваны большими изменениями в духовной, социально-экономической и политической сферах жизни общества в последнее десятилетие.

Одной из главных задач нашего государства в области образования в настоящее время является духовно — нравственное воспитание подрастающего поколения. В основополагающих государственных документах четко прописан социальный заказ на воспитание человека образованного, нравственного, предприимчивого, готового самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способного к сотрудничеству, обладающего чувством ответственности за судьбу страны.

В Концепции модернизации образования воспитание рассматривается «как первостепенный приоритет в образовании».

Правительство России вынесло конкретное решение: воспитание должно стать органичной составляющей педагогической деятельности, интегрированной в общий процесс обучения и развития.

Обращение к традиционным ценностям в системе образования не случаен. В последние десятилетия прошлого века глубокая традиция единства обучения и воспитания оказалась утраченной, в результате чего многие дети оказались обездоленными духовно и обделенными нравственно, не получили возможности в должной мере приобщиться к ответственному и глубокому пониманию общественного и личного смысла человеческого бытия.

Говоря о возрождении лучших традиций в деле воспитания особо хочется отметить реализацию Программы развития воспитания в системе образования России, которая определила воспитание детей и молодежи, их жизненное самоопределение как важнейшую составляющую общественного развития и приоритетные направления деятельности в системе образования России.

Программа способствовала восстановлению статуса воспитания как важнейшего направления в сфере образования; разработке региональных и муниципальных программ развития воспитания на основе традиций национальных культур;

консолидации всех институтов, общественных организаций в вопросах воспитания на основе заключения соглашений, разработке планов совместной работы.

Поиск путей повышения воспитательного потенциала образовательных учреждений побудил обратиться к сокровищнице педагогического наследия, к основополагающим принципам педагогики и воспитания, утвержденным в трудах классиков педагогики всего мира, считавших воспитание основой формирования человеческого духа.

Такие педагоги, как Ян Амос Каменский, Иоанн Генрих Песталоцци, Николай Иванович Пирогов, Константин Дмитриевич Ушинский и другие утверждали, что быть человеком — значит победить в себе то, что мешает существованию добра на земле: лень, страх, страсти, немощи. Быть человеком — значит воспитать в себе все лучшее, высшее, любить добро, делать его, стремиться к нему.

«Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях и ли заимствованных у других народов» — актуальность высказывания выдающегося педагога Константина Дмитриевича Ушинского нет необходимости доказывать.

Сегодня в новом тысячелетии мы нуждаемся в ясном и отчетливом осмыслении отеческого педагогического наследия. Необходимо оглянуться на пройденный путь.

Его изучение определяется необходимостью научного познания прошлых традиций духовно- нравственного воспитания детей, возможностью практического использования этого опыта для анализа и реформирования современной системы образования и воспитания. Система образования должна превратиться в средство достижения социальной стабильности и гармонического развития через воспитание инициативной, творческой и социально-ответственной личности, позитивное влияние на развитие гражданственности, трудолюбия, высоких нравственных норм и идеалов, чувства ответственности к народному достоянию и культурным традициям, создания новой, но основанной на лучших традициях российской школы, системы воспитания.

Российская традиция такова, что образование и воспитание были всегда неразрывно связаны друг с другом. Это единый процесс.

Россия имеет в этом направлении многовековую историю и богатейший опыт. На всем историческом пути наш народ свято хранил лучшие культурные и социальные традиции предшествующих поколений, они складывались веками, развивались и бережно передавались из поколения в поколение.

В основе духовно-нравственной жизни на Руси всегда было воспитание воли, души, ума и сердца на началах любви, добра и красоты; формирование цельной, высоконравственной личности; развитие навыков благочестия и воспитания добродетелей.

«Мы не должны и не будем слепо копировать какие — то западные модели образования. Мы должны сохранить основы, принципы фундаментальности и

духовности нашего образования. Нельзя разрушать многовековых, благотворительных традиций отечественной школы, сложившихся в том числе, и даже во многом, под благотворном влиянием Русской Православной Церкви» — эти слова прозвучали на Международных Рождественских образовательных чтениях, — общественном форуме, который вот уже 18-й год собирает в Москве широкий круг лиц, заинтересованных в духовном возрождении Отечества. На этом форуме мне посчастливилось побывать в прошлом году.

На открытии Чтений наряду со священниками выступают министр образования и науки, министр культуры, президент Российской Академии наук, руководители министерств и ведомств, государственные деятели, видные ученые, педагоги, представители культуры.

Участники Чтений обсуждают вопросы православного образования, взаимодействия Церкви и государства в различных областях общественной жизни, укрепления нравственных устоев жизни, возрождения семьи, воспитания детей.

Чтения наглядно показывают, что российская наука, культура и образование в лице ее видных представителей приходят к выводу, что в наше время духовно-нравственное воспитание юных поколений становится невысказанным без сотрудничества церковных структур и государственной системы образования.

В федеральных законах нашего государства закреплено право воспитывать подрастающее поколение в традиционном народном духе, право ребенка на получения такого образования, которое соответствует традиции его семьи и общества, в котором он живет. Православие — это традиция, культуuroобразующая религия, оказавшая огромное влияние на становление и развитие российской государственности, на социальное и культурное развитие нашего Отечества.

Только духовно-нравственное воспитание на основе усвоения традиционных ценностей способно противостоять миру бездуховности и насилия, разврата и вседозволенности. Для нашей духовной традиции всегда было чуждо противопоставление образования и воспитания, веры и культуры.

Достижения православной культуры являются неотъемлемой частью мировой духовной культуры, а тем более нашего образа мысли и жизни, веками объединяющего народ. Стремление к усвоению общечеловеческих ценностей не должно вести к забвению своей культуры и своей традиционной веры. Поэтому без знакомства учащихся с основами православной культуры их знания по истории, литературе, культуре Отечества остаются неполными и нравственно обедненными.

Школа должна помочь ребенку не только стать образованным, но еще и обрести те духовно-нравственные ценности, которыми жило наше Отечество на протяжении столетий и которые служили фундаментом тысячелетней российской государственности.

Ведь образование подразумевает не только получение знаний, но и воспитание нравственно здоровой личности. От нравственного состояния новых поколений зависит будущее России — зависит не в меньшей степени, чем от политики и экономики.

Важность данного направления понимают и региональные власти. Подписаны региональные документы: (Соглашение о сотрудничестве в сфере духовного возрождения между архиепископом Тобольским и Тюменским Димитрием и губернатором ХМАО А.В.Филипенко) позволяющие изучать на добровольной основе православную культуру в школе. Тем более речь идет не о религиозном образовании, а о знакомстве с историко-культурными и нравственными основами православия.

В 1999 году был создан Координационный совет по взаимодействию Министерства образования и Русской Православной Церкви. В 2002 году для системы общего образования было подготовлено и направлено в регионы Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура», которое широко используется в школьной практике. С 2006 года в Министерстве образования и науки действует рабочая группа по проблемам изучения истории и культуры религии (православия) в системе образования.

С участием представителей Православной церкви и светских специалистов в ней продолжена работа с целью обеспечения прав граждан на свободное и добровольное приобщение своих детей к ценностям и традициям православной культуры в государственной и муниципальной школе.

В настоящее время существуют программы, учебно-методические пособия, учебники по предмету « Основы православной культуры», проводятся курсы по подготовке преподавателей, организованные Тобольско-Тюменской епархией совместно с ИПК г.Ханты-Мансийска.

В этом году подобные курсы впервые проходили в нашем городе на базе школы № 42. Учителя нашей школы ежегодно становятся слушателями данных курсов, участвуют в конференциях по духовно-нравственному воспитанию, проводимых в нашем округе.

Более чем в 60 регионах нашей страны ведется преподавание данного факультативного курса. В декабре 2007 года в Калуге проходила общероссийская конференция, организованная Минобрнауки с участием Русской Православной Церкви, «Государственные образовательные стандарты нового поколения в контексте формирования нравственных и духовных ценностей обучающихся». В результате участниками конференции, включая руководителей министра образования и науки Андрея Александровича Фурсенко и зам. министра, была одобрена Концепция включения в новое поколение образовательных стандартов общего среднего образования учебного предмета «Православная культура» в составе новой образовательной области учебного плана «Духовно-нравственная культура».

Это послужит прежде всего расширению возможностей для формирования духовной культуры и нравственности детей, что сознается обществом как одно из условий преодоления негативных социальных тенденций и процессов.

Конституционный принцип светскости Российского государства закрепляет отделение государства от Церкви, но не препятствует взаимодействию в области

образования по вопросам удовлетворения образовательных потребностей граждан. Такое взаимодействие, сотрудничество является общепринятой практикой во многих современных демократических светских государствах. Предметом взаимодействия являются общие вопросы интеграции учащихся в национальную культуру, воспитания, социализации в обществе, профилактики социальных девиаций и другие.

Многоконфессиональность Российского государства не является препятствием на пути изучения «Основ православной культуры», так как в демократическом обществе должны реализовываться права и свободы граждан, независимо от религиозной, национальной или какой иной их принадлежности. По-настоящему уважать человека другой веры будет тот, кто знает и уважает веру своих предков, кто способен отстаивать свои убеждения.

Духовно-нравственный компонент общего образования необходим для развития личности, воспитания нравственности, правосознания, ответственного и безопасного поведения.

С целью приобщения учащихся к традиционным культурным ценностям в нашей школе стали проводиться совместные мероприятия с православной общиной храма Рождества Христова. В дни празднования Рождества Христова и Пасхи ученики и педагоги школы имеют возможность познакомиться с историей традиционных праздников через яркие, красочные представления, подготовленные учащимися воскресной школы и Православной гимназии, пообщаться с воспитанниками Тобольской духовной семинарии, которые показывают нам обширный песенный репертуар от русских народных, казачьих песен до духовных песнопений. Впоследствии такие встречи стали доброй традицией.

Большой интерес наших учащихся вызвала композиция, посвященная одному из главных событий России « Как князь Владимир веру выбирал», а также литературно-музыкальная композиция, подготовленная к 300-летию духовного образования Сибири, о просветителях земли Сибирской — Филофее Лещинском и Иоанне Тобольском. К удивлению младших школьников, такие привычные им сказки, как «Колобок» и « Золушка» в инсценировке учащихся Православной гимназии предстали в своем исконном виде, а не в привычной интерпретации советского времени. Такие встречи обычно заканчиваются проведением викторины, связанной с историей праздников, с традициями нашей культуры.

Когда появились нормативно-правовые документы, мы заключили договор с православной общиной храма Рождества Христова и с согласия родителей и учащихся стали проводить факультативные занятия по программе, разработанной Министерством образования Российской Федерации.

Вот уже седьмой год в нашей школе действует факультатив по основам православной культуры. У истоков факультатива стоял иерей Олег (Нелин). Сейчас его воспитанники — ученики 8 «лицейского» класса, лучшего на параллели. Они до сих пор с огромным теплом и любовью вспоминают своего наставника.

Дети изучают историю Ветхого и Нового Заветов, основные понятия Православия, истоки нашей духовной культуры, традиции и обряды, по которым жило наше Отечество на протяжении многих веков.

Мы говорим об устройстве храмов, истории главных христианских праздников, о житиях святых людей, знакомимся с миром нравственных ценностей, таких как милосердие, послушание, трудолюбие, любовь к Родине, честь, совесть и др.). Говорим о тех людях, без которых невозможно представить не только нашу отечественную, но и мировую культуру: о просветительском подвиге святых братьев Кирилла и Мефодия, о ратных подвигах святых князей Дмитрию Донском и Александре Невском, о творениях Андрея Рублева и Феофана Грека.

К православной культуре мы имеем возможность приобщиться не только на уроках, но и в ходе различных экскурсий и поездок, посвященных изучению традиций и культуры нашего края. Это экскурсии на первую буровую скважину, в «Музей под открытым небом» (национальный поселок Варьеган, в котором представлена самобытная культура коренных народов Севера, на источник святителя Иоанна Тобольского, в храм Рождества Христова, поездки на Святительские дни в столицу духовного образования Сибири — город Тобольск, где наши ученики участвуют в праздничных мероприятиях. Мы принимаем участие в традиционных Пасхальных и Рождественских концертах, проводимых во Дворце Искусств для жителей города.

Многие ребята нашей школы, в основном ученики старших классов, вместе с учителями совершают паломнические поездки в древний город Тобольск.

С большим теплом они делятся своими впечатлениями о самой поездке, о встречах, долгих и интересных беседах с семинаристами, об экскурсиях в монастыри, посещении храмов.

Наши дети — постоянные участники и лауреаты Пасхальных и Рождественских конкурсов, проводимых Православной общиной храма Рождества Христова. Вот уже второй год наши ученики принимают участие во Всероссийском конкурсе «Святые заступники Руси» и награждены почетными грамотами. В год русского языка ученики факультатива вместе с воспитанниками Православной гимназии и воскресной школы участвовали в театрализованном представлении, посвященному Светлому Христову Воскресению — Пасхе, во Дворце Искусств.

Мы услышали повествование о том, что означает слово « Пасха», как появилась первая азбука и кто были ее создатели, о первых книгах на Руси, а также узнали много нового и интересного по православному краеведению.

В год 35-летия мы познакомились с культурными достопримечательностями нашего города и посетили храм Рождества Христова. Он поистине является сердцем города. После экскурсии пишем небольшие отзывы и сочинения.

Почетный гость нашей школы — настоятель храма Рождества Христова протоиерей Георгий. Батюшка бывает на главных школьных праздниках — Дне знаний, празднике Последнего звонка, выпускном вечере, посещает уроки учителей, ведущих предмет « Основы православной культуры», вместе с воспитанниками

воскресной школы и Православной гимназии приезжает с поздравлениями на главные церковные и государственные праздники.

Обучение духовной культуре наших предков обусловлено современными жизненными реалиями. Ребенок, подросток, молодой человек, живущий вне нравственных ориентиров, при отсутствии ясных критериев добра и зла, постепенно привыкает ко злу, и зло становится нормой жизни. Недостаток духовной культуры, отсутствие доброй воли сопротивляться злу, недостаток примеров добра приводят к жестокосердию, ожесточению, создающим условия для вседозволенности, когда все кажется возможным и нестрашным.

В детстве и отрочестве человек должен не только обогащаться знаниями, но и находить свой путь к духовным ценностям поколений, открывать для себя чувства любви и долга, приобщаться к делам милосердия и сострадания, словом, обретать прочный моральный стержень, являющийся основным залогом нравственного здоровья личности.

«Наша народная религия есть величайшее сокровище, неисчерпаемый и уже существующий источник нравственного и умственного развития. Будем же дорожить этой исторической основой, столь же христианской, человеческой и художественной сколько и народной», — эти слова принадлежат перу нашего замечательного русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского.

Давайте же не будем забывать о духовных основах наследия этого великого ученого и педагога, вставшего на защиту ребенка и подлинного просвещения и указавшего пути в этом великом деле своим современникам и потомкам.

Примечания

1. Духовные истоки воспитания. Учебно-методическая серия: программы, сборники текстов. М., 2003.
2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М., 2002.
3. Православная культура в школе: практика, проблемы, перспективы. Сб. материалов и документов. М., 2008.
4. Православная культура: нормативно-правовые акты, документы, обоснование введения курса в учебную программу общеобразовательных учреждений / Сост. В.М.Бычкова. М., 2004.
5. Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура». М., 2002.

Л.А.Даутова
(г.Нижневартовск)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ВЕТЕРАНАМИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ветераны боевых действий — категория населения, имеющая потребность в социальной поддержке и социальной реабилитации.

В России по состоянию на 31.12. 2008 г. проживает 192 507 ветеранов боевых действий¹, в то же время в ХМАО — Югре на учете состоит 10 928 человек², в г. Нижневартовске проживает 2 242 ветеранов боевых действий³.

В ходе констатирующего эксперимента на базе БУСО «Центр комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «Возрождение» было выявлено, что социальные, материальные, культурные, медицинские последствия боевых действий приводят к серьезным затруднениям адаптации человека к изменяющейся социальной среде. Исследование показало, что в 2008 г. после прохождения военной службы в Афганистане, Чечне, других «горячих точках» 10,1% ветеранов боевых действий расторгли свой брак.

Решением данной проблемы, на наш взгляд, может стать разработка и реализация социального проекта «Мы — Семья!», направленного на укрепление детско-родительских отношений семьи ветерана боевых действий, ее сплоченность, пропаганду семейных ценностей, здорового образа жизни. В рамках проекта предполагаются следующие направления: информационно-консультативное, психолого-педагогическое, социально-правовое, культурно-досуговое.

На наш взгляд, реализация проекта позволит организовать совместную культурно-досуговую деятельность родителей и детей семьи ветерана боевых действий, сплотить семью через совместное творчество, информировать участников проекта по вопросам прав на льготы и меры социальной поддержки.

Примечания

1. РИА Новости. 19 февраля 2009 г. URL: <http://www.korrespondent.net>
2. Сайт Боевой Славы Нижневартовска. URL: <http://www.nv-port.ru>
3. Официальный сайт администрации и Думы города Нижневартовска URL: <http://www.n-vartovsk.ru>

Н.Л.Жмакина
(г.Нижневартовск)

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСТВА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ТЕХНОЛОГИИ

На современном этапе развития образования акцент делается на общем развитии ребенка. В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» подчеркивается, что важнейшими задачами воспитания является «формирование у школьников ... духовности и культуры, инициативы, самостоятельности, толерантности ...». Многие исследователи подчеркивают, что культура — это предпосылка творчества. Благодаря культуре от поколения к поколению передается социальный опыт, включающий в себя продукты материальной и духовной деятельности. Этот опыт является объективной предпосылкой творческой деятельности.

В младшем школьном возрасте педагоги одновременно формируют у учащихся духовную и материальную культуру и в тоже время развивают творчество. Большим потенциалом в этом процессе могут обладать уроки технологии. Понятия «материальная культура» и «духовная культура» не подменяются и имеют достаточно четко описанную структуру. Так, в материальную культуру входят: культура труда; культура быта; культура места жительства; культура отношения к собственному телу; физическая культура. Духовная культура включает в себя: познавательную культуру; нравственную; художественную; правовую; педагогическую; религиозную.

Смысл же понятия «творчество» на уроках технологии искажается. Зачастую для развития творчества на уроке технологии учителем используются такого рода задания: добавьте что-то свое, измените что-то в оформлении. Такие задания могут говорить о том, что либо учитель не достаточно хорошо понимает значение слова «творчество», либо он плохо рассчитал время урока и данным заданием заполняет оставшееся время, что так же не повышает образовательные функции урока.

Анализ определений «творчества», представленных в психолого-педагогической и методической литературе позволяет выделить такие существенные характеристики, которые учителю необходимо учитывать в практической деятельности:

1. Ребенок создает новый для себя продукт (или его часть).

Творчество учащихся младших классов носит субъективный характер, так как дети создают новое для них, но это новое уже известно для человечества в целом.

2. Развитие творчества происходит в процессе деятельности.

Г.В.Терехова структурирует творческую деятельность учащихся через тематические группы задач следующим образом¹:

1 группа — «Познание». Цель — накопление творческого опыта познания действительности.

2 группа — «Создание». Цель — накопление учащимися творческого опыта создания объектов ситуаций, явлений.

3 группа — «Преобразование». Цель — приобретение творческого опыта в преобразовании объектов, ситуаций, явлений.

4-я группа — «Использование в новом качестве». Цель — накопление учащимися опыта творческого подхода к использованию уже существующих объектов, ситуаций, явлений.

Знание и понимание этих двух характеристик творчества позволит педагогу планомерно развивать его у учащихся не только на уроках технологии, но и в процессе изучения других дисциплин в начальной школе.

Литература

1. Терехова Г.В. Особенности развития креативных способностей младших школьников средствами творческих заданий в учебном процессе: Методические материалы к программе «Уроки творчества» URL: <http://www.trizminsk.org/e/prs>

С.В.Коваленко
(г.Нижневартовск)

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ В СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Значение общения в жизни подростков огромно и продолжает расти, от него все в большей мере зависят успешность профессиональной деятельности, активность в общественной жизни и наконец, личное счастье каждого. Как известно потребность в общении и отношениях с другими людьми становится в подростковом возрасте более острой и напряженной, чем в предыдущие периоды детства. Потребность в общении есть у каждого нормального человека. Чем старше ребенок, тем в большей мере ему свойственна потребность в контакте с другими людьми, в общении с ними. Одна из главных особенностей подросткового возраста — смена значимых лиц и перестройка взаимоотношений со взрослыми. Одна из главных тенденций переходного возраста — переориентация общения с родителей, учителей и вообще старших на ровесников, более или менее равных по положению.

Потребность в общении со сверстниками, которых не могут заменить родители, возникает у детей очень рано и с возрастом усиливается. Уже у дошкольников отсутствие общества сверстников отрицательно сказывается на развитии коммуникативных способностей и самосознания. Поведение же подростков по своей сути является коллективно-групповым¹. Во-первых, общение сверстников очень важный канал информации, по которому подростки узнают многие необходимые им вещи, которые им по тем или иным причинам не сообщают взрослые, например, подавляющую часть информации по вопросам пола подросток получает от сверстников, поэтому их отсутствие может задержать его психосексуальное развитие или придать ему нездоровый характер. Во-вторых, это специфический вид межличностных отношений. Групповая игра и другие виды совместной деятельности вырабатывают необходимые навыки социального взаимодействия, умения подчиняться коллективной инициативе и в то же время отстаивать свои права, соотносить личные интересы с общественными. Вне общества сверстников, где взаимодействия строятся принципиально на равных началах и статус надо заслужить и уметь поддерживать, ребенок не может вырабатывать необходимых взрослому коммуникативных качеств, соревновательность групповых взаимоотношений, которой нет в отношениях с родителями,

также служит ценной жизненной школой. В-третьих, это специфический вид эмоционального контакта. Сознание групповой принадлежности, солидарности, товарищеской взаимопомощи не только облегчает подростку автономизацию от взрослых, но и дает ему чрезвычайно важное чувство эмоционального благополучия и устойчивости. Общение с родителями, учителями и другими взрослыми начинает складываться под влиянием возникающего чувства взрослости². Подростки начинают оказывать сопротивление по отношению к ранее выполняемым требованиям со стороны взрослых, активнее отстаивать свои права на самостоятельность, отождествляемую в их понимании со взрослостью³. Они болезненно реагируют на реальные или кажущиеся им ущемления своих прав, пытаются ограничить претензии взрослых по отношению к себе.

Таким образом, в начале подросткового периода складывается ситуация, чреватая возникновением противоречий, если у взрослого сохраняется отношение к подростку еще как к ребенку. Это отношение, с одной стороны, вступает в противоречие с задачами воспитания и препятствует развитию социальной взрослости подростка, а с другой стороны, оно вступает в противоречие с представлением подростка о степени собственной взрослости и его претензиями на новые права. Именно это противоречие является источником конфликтов и трудностей, которые возникают в отношениях взрослого и подростка из-за расхождения их представлений о характере прав и меры самостоятельности подростка. Если взрослый не изменяет отношения к подростку, то подросток сам становится инициатором перехода к новому типу отношений. Сопротивление взрослого вызывает у подростка ответное сопротивление в виде разных форм непослушания.

Примечания

¹ Мухина В.С. Психология детства и отрочества. Учебник для студентов психолого-педагогических факультетов вузов. М., 1998.

² Райе Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000.

³ Фельдштейн Д.И. Особенности ведущей деятельности детей подросткового возраста // Хрестоматия по возрастной психологии. М., 1996.

Д.А.Криворотов
(г. Нижневартовск)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

На сегодняшний день принцип регионализации является одним из ведущих в современных концепциях воспитания.

Само понятие «регионализация образования» в Федеральной программе развития российского образования понимается как:

— переориентация образовательных систем на развитие интеллектуального и духовного потенциала граждан, способных полноценно жить и действовать в конкретных условиях;

— освоение внутри образования опережающих принципов хозяйственно-экономической и политической жизни в регионах;

— создание условий для развития образовательных запросов всех слоев населения данного региона.

Определилось два подхода к понятию «регионализация образования». Одни понимают его как учет этнографических, историко-культурных и других особенностей региона в содержании и организации образовательных процессов: воспитания, обучении, формировании. Другие — к региональным особенностям также относят и современные социально-экономические условия в регионе, тенденции и перспективы его развития.

Анализируя теоретико-методологическую литературу, а также современную образовательную и воспитательную практику общеобразовательных учреждений можно сказать, что концепции воспитания подрастающего поколения федерального уровня послужили основой для разработки региональных программ и концепций воспитания учащихся, а также выделить подходы к пониманию сущности регионализации образования как:

— фактора развития человека с позиций функций образования и его роли в жизни региона; способ реализации различных сфер подхода к образованию через разработку образовательной политики и др.;

— принципа, определяющего основные направления развития современного образования и воспитания учащихся в регионе; регионализация, как принцип, предполагает учет социально-экономических, демографических особенностей региона в проектировании содержания воспитания в каждом образовательно-воспитательном учреждении;

— процесса перехода от унитарной к новой модели образования, соответствующей социально-экономическим, географическим, культурно-национальным и другим особенностям региона.

Анализ свидетельствует, что процесс регионализации образования и воспитания определяет возможным выделить их основные свойства:

— интеграция образования и воспитания со сферами науки, здравоохранения, культуры, экономики региона;

— достаточность внутренних ресурсов и возможностей для реализации программ развития (финансово-экономических, организационно-правовых, научно-педагогических, методических и др.);

— системность в решении задач регионализации образования; открытость процесса для координации проблем образования и воспитания будущих граждан;

— ориентация в развитии на саморазвитие образовательной системы в регионе как соответствие поля выбора направления развития культурно-историческим традициям и современным тенденциям отечественного образования.

Отметим, что в этой связи разработка региональной концепции образования и воспитания создает предпосылки и условия для улучшения социально-экономического положения подрастающего поколения, повышения его культурно-образовательного уровня и возрождение и сохранение культурно-национальных традиций региона, а также поиск эффективных способов раскрытия возможностей учащихся и т.д.

Интересы национальной безопасности Российской Федерации в формировании у обучающихся гражданственности определяют процесс овладения правилами и нормами общепринятых отношений между индивидом и обществом. Это создает возможности способствовать преодолению кризисных явлений в становлении гражданского общества в России, его возрождению на основе принципов конституционной демократии, традиций отечественной духовности и нравственности, а также системы образования и воспитания на всех уровнях, которое играет ключевую роль в развитии любого цивилизованного общества и формировании его граждан.

Нам представляется значимым, что предметом особой заботы современного реформирования образования является *сохранение и развитие единого образовательного пространства* Российской Федерации, единства важнейших элементов образовательной системы на территории всех регионов государства.

Проблемы сочетания федеральных и региональных интересов в сфере образования крайне важны. Федеральное устройство предполагает самостоятельность субъектов Федерации, особенно это касается субъектов с национальной государственной основой, потому что там острее стоит проблема реализации через образование национальных и культурных интересов, а также религиозных традиций. Это предполагает дифференцированный подход к управлению образованием в различных регионах. При этом нельзя не учитывать, что региональное образование и воспитание представляют собой динамическую систему, характеризующуюся относительной автономностью, разноплановостью многообразия связей, основываясь на принципах:

- превращение образования и воспитания в важнейшее средство функционирования и развития всех систем на региональном уровне;

- консолидация и взаимопроникновение региональных образовательных структур;

- создание открытого регионального образовательного пространства, позволяющего окончательно преодолеть последствия командно-административного и идеологического диктата;

- ориентированность на региональные специфические особенности конкретных регионов;

- единство регионального образовательного пространства на основании регионального базисного учебного плана (регионального стандарта образования), построенного на положениях российского стандарта образования, но с учетом специфики региона;

— взаимосвязь образования, культуры и науки на региональном уровне, которой надлежит выступать важнейшим компонентом образовательной политики в целом.

Общие тенденции развития образования и воспитания в Российской Федерации должны являться основой любой региональной программы и входить в нее как обязательный инвариантный компонент, на основе которого выделяются, формируются и характеризуются региональные особенности конкретной программы обучения и воспитания учащихся.

Мы считаем, что цель развития системы образования и воспитания в регионе — это наиболее полное использование местных педагогических инноваций, технологий, опыта, результатов педагогических исследований, органическая связь далеко не востребованного научного потенциала с местной педагогической практикой с целью получить региональное развивающее образовательное и воспитательное пространство, включающее экономическую, социальную, бытовую и гражданскую среды.

Однако нельзя не учитывать, что как федеральная, так и региональная системы образования и воспитания опираются на общетеоретических принципы, которые на региональном уровне становятся основанием перевода образования и воспитания в режим развития. Мы пришли к заключению: когда осуществляется взаимопроникновение общечеловеческого, этнического, регионально-особенного и индивидуально-личностного, легче протекают процессы гуманизации и демократизации формирования подрастающего поколения как будущих граждан своего Отечества.

Г.Г.Кругликова
(г. Нижневартовск)

ПРОЕКТНАЯ КУЛЬТУРА СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Развитие проектных способностей личности является базовой предпосылкой, определяющей инновационный и креативный характер профессиональной деятельности специалиста по социальной работе, позволяющей ему эффективно решать задачи различного класса и уровня, разрабатывать и осуществлять наиболее целесообразные инновации. Оптимальной формой развития проектных способностей является организация проектной деятельности студентов в учебной и внеучебной деятельности, позволяющая комплексно формировать весь спектр личностных и профессиональных качеств, определяющих основу проектной культуры.

Понятие «проектная культура личности» вошло в научный обиход в связи с разработкой технологий «социальной инженерии» (К.Поппер). Эта способность

задается самой сущностью культуры, которая есть, прежде всего, совокупность «проектных» (т.е. идеальных, духовных) способов и результатов освоения и преобразования мира — природы, общества, человека.

Актуальность овладения основами социального проектирования обусловлена, во-первых, тем, что владение логикой и технологией проектирования позволяет специалистам более эффективно осуществлять аналитические, организационно-управленческие и методические функции в социальной сфере. Во-вторых, проектные технологии обеспечивают конкурентоспособность специалиста на рынке труда.

Структура проектной культуры включает личностный, технологический и информационный блоки. Составляющие личностного блока: а) профессионально-значимые ценности (выступающие в качестве нравственной основы проектной деятельности); б) креативность; в) рефлексивность; г) коммуникативность; д) достиженческая мотивация. Технологическая группа включает в себя: мыслительные техники (в том числе и специальные методы, наработанные в области социального проектирования); коммуникативную компетентность; технологии социальной работы с различными категориями населения. Информационный блок содержит типовые модели ситуации, характеристику нормативных состояний социальных объектов.

Обучение студентов основам проектной деятельности осуществляется в процессе изучения дисциплины «Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе», а междисциплинарные связи с курсами «Профессионально-этические основы социальной работы», «Технологии социальной работы», «Социальная работа с молодежью» и др. позволяют комплексно воздействовать на составляющие проектной культуры. Проекты, разработанные в рамках обучающего курса, студенты реализовывают на учебной практике в учреждениях социального обслуживания.

Комплекс обучающих технологий и способов организации учебной деятельности студентов включает: ролевые и групповые игры, дискуссии и творческие семинары, тестовые методики для самооценки и «погружения» в изучаемую проблему; комплекс тренинговых процедур; контрольные упражнения и задания для диагностики степени сформированности проективных умений и навыков.

Ведущей формой организации внеучебной деятельности стал студенческий добровольческий центр «Тепло сердец». По каждому проекту создавалась отдельная команда, которая осуществляла полный цикл проектирования. Этот цикл включал: анализ ситуации, определение проблемного поля проектирования, целевых аудиторий, формулирование целей и задач проекта, разработку самого проекта, его реализацию и защиту. Разработанные и реализованные проекты («Мы — вместе», «Академия досуга», «Радуга детства», «Волонтеры здоровья», «Семь-Я» и др.) стали участниками и победителями конкурсов вузовского, регионального и всероссийского уровней, что послужило дополнительным стимулирующим фактором.

Таким образом, формирование проектной культуры как базовой характеристики личности будущего специалиста по социальной работе в условиях вуза определяется пониманием проектной природы данной специальности и соответствующим построением учебного процесса и внеучебной деятельности.

И.И.Левашова
(г.Нижневартовск)

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ ДЕТЕЙ К ШКОЛЕ

Одним из центральных пунктов проекта Министерства образования и науки РФ «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации» выступает включение в систему общего образования еще одной ступени, рассчитанной на детей 5—7 лет. Это связано с необходимостью выравнивания стартовых возможностей детей из разных социальных групп и слоев посредством введения «предшкольного» образования.

Исследования показывают, что возможности детей старшего дошкольного возраста позволяют проводить специализированное обучение, однако это обучение существенно отличается от школьного как по основной цели, так и по методам его проведения. Целью здесь является не само по себе усвоение соответствующих знаний и навыков, а развитие у детей психологических предпосылок перехода в школу. В дошкольном детстве ребенок не готов усваивать знания в научных системах, но именно в этом возрасте закладывается отношение к миру, на которое будут накладываться приобретаемые в последующем знания.

Любое направление в развитии ребенка подразумевает обязательное участие познавательных процессов, эмоциональный отклик на события, поступки, объекты и пр. Представления, процессы, эмоции являются составляющими познавательной сферы как сложного образования, которое обеспечивает человеку нормальное и полноценное существование в мире. В развитии познавательной сферы детей старшего дошкольного возраста первостепенное значение имеет эмоционально-чувственное постижение мира. В отдельных познавательных содержаниях ребенок проявляет компетентность, т.е. демонстрирует наличие более широких, углубленных знаний и представлений умений оперировать этими знаниями и представлениями (рассуждать, анализировать, обобщать, классифицировать и пр.); желания расширять интересующую познавательную область.

В концепции образования детей старшего дошкольного возраста А.Г.Гогоберидзе учебно-познавательная компетентность выступает в качестве целевого ориентира, показателя результативности и качества образования детей старшего дошкольного возраста и рассматривается, как «готовность самостоятельно

решать задачи, связанные с освоением содержания образования и способов получения знаний на основе развития основных познавательных процессов»¹.

Для формирования учебно-познавательной компетентности ребенка старший дошкольный возраст является сензитивным периодом, опосредующим отношение ребенка к окружающей действительности во всем многообразии свойств и проявлений. Именно в этом возрасте развивается исследовательская позиция ребенка, определяющая его исследовательское поведение. Исследовательское поведение, по мнению Н.Н.Поддякова — это универсальная характеристика человеческой деятельности, пронизывающая все другие виды деятельности. Оно выполняет важнейшие функции в развитии познавательных процессов всех уровней, в научении, в приобретении социального опыта, в развитии личности². Мотивационной основой исследовательского поведения является любознательность, познавательная активность, потребность в новых впечатлениях и знаниях. Сюда, прежде всего, относится познавательная активность как интегральное личностное качество, которое характеризует отношение, степень включенности ребенка в процесс познания, овладение способами познавательной деятельности.

Примечания

¹ Гогоберидзе А.Г. Предшкольное образование: некоторые итоги размышлений // Управление дошкольным образованием. 2006. № 1. С. 10—20.

² Поддяков А.Н. Исследовательская активность ребенка // Детский сад от А до Я. 2004. № 2. С. 10—22.

Г.Р.Линкер
(г.Нижневартовск)

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОТЯДОВ

Социально-культурная деятельность по существу рассматривается как самостоятельная подсистема общей системы социализации личности, социально-го воспитания и образования людей. Определяющей в процессе социализации личности является социальная активность, которая проявляется в творческой деятельности. Через социальное творчество личность реализует стремление к самоорганизации, самоутверждению, которые являются для него наиболее значимыми. Один из путей формирования условий для реализации интересов молодых людей через включение их в социальное творчество — создание и эффективная организация деятельности педагогических отрядов. Педагогический отряд является тем свободным пространством, в котором сосредоточены,

непрерывно циркулируют и взаимодействуют друг с другом многочисленные субкультуры: молодежная, студенческая и детская, подростковая.

Объединение в педагогический отряд осуществляется на основе интереса ее членов к педагогической деятельности и осуществлению социально-педагогических инициатив среди детей и подростков с целью повышения своего профессионального педагогического мастерства. Педагогический отряд отличают такие характеристики как высокая степень сплочения ее членов, стремление совместно осуществлять всех форм социально-педагогической деятельности, в нем происходит не только усвоение общественного опыта, но и его активное воспроизводство. Добровольное вступление в педагогический отряд предоставляет свободное определение меры участия в работе группы, а взаимодействие между членами объединения является гарантией успешной самореализации, раскрытия индивидуальности и личностного роста каждого молодого человека.

В процессе деятельности члены педагогического отряда включаются в разнообразную социально-значимую, культурно-досуговую, социально-благотворительную, социально-образовательную деятельность, привлекаются к работе с детскими общественными объединениями, к организации детского оздоровительного отдыха, в рамках которых организуют и проводят коллективные творческие дела, культурно-досуговые программы разных масштабов, игровые и методические практикумы как с воспитанниками, так и с другими членами отряда.

В процессе своей деятельности в педагогическом отряде молодые люди осмысливают и принимают социальные ценности, установки, принципы гуманистической педагогики, что влияет на формирование мотивов социальной деятельности и личностных достижений, учатся руководствоваться ими в социально-педагогической деятельности, утверждают собственную социальную позицию, развивают организаторские и коммуникативные навыки. Социально-культурная деятельность педотрядов характеризуется многообразием занятий, инициатив, форм работы, обусловленных принципиальной неповторимостью, уникальностью и самобытностью личности ее члена, посвящающего ему свое свободное время.

Е.В.Меньщикова
(г.Нижневартовск)

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВУЗА К ДЕЛОВОМУ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ

Изменившееся социально-экономическое состояние общества сделало нашу страну открытой для делового межнационального общения. Это обусловило существенный рост специалистов-экономистов в сфере международного бизнеса. Изменился и сам характер делового межнационального общения. Предъявляются

новые требования к уровню их профессиональной подготовки, заметное место в которой занимает такая комплексная характеристика, как готовность к деловому межнациональному общению. Учитывая социальный заказ и потребности практики профессиональной деятельности, возникает необходимость формирования такой готовности.

В создавшихся условиях расширение международного сотрудничества требует от современного специалиста владения иностранным языком на принципиально новом уровне. Это подтверждается нормативными документами Российской Федерации (Закон РФ «Об образовании», Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года, Сообщения пресс-службы Президента РФ). Многоаспектность востребованных качеств высокообразованного выпускника вуза, способного ликвидировать существующий «кадровый голод» на специалиста, отвечающего запросам XXI века, нацеливает на формирование у него компетенций, которые интегрируют в себе не только знания и умения, но мотивационную, аффективную, ценностную и социально-поведенческую составляющие.

Однако задача формирования готовности к деловому межнациональному общению в отношении студентов экономических специальностей вуза в науке пока еще не решена, хотя имеются определенные предпосылки.

Проведенный анализ государственных образовательных стандартов, учебных планов и программ показал, что в образовательном процессе вуза четко не обозначена цель формирования готовности к деловому межнациональному общению у студентов экономических специальностей, однако специальные курсы и дисциплины учебного плана (преимущественно социального и гуманитарного циклов) способствуют формированию основ делового и межнационального общения. Следовательно, формирование готовности к деловому межнациональному общению происходит нецеленаправленно и, главное, бессистемно.

Таким образом, наблюдается обострение противоречия между требованиями практики делового межнационального общения и несформированностью готовности к нему. Данное противоречие обусловлено несоответствием между:

- требованиями государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и содержанием учебных планов и программ;
- достаточной экономической грамотностью специалистов в сфере дисциплин предметной подготовки и низким уровнем компетентности и мастерства практике осуществления делового общения с иностранным партнером;
- необходимостью формирования готовности к деловому межнациональному общению и недостаточной разработанностью теоретических и практических основ ее формирования.

Формирование у студентов экономических специальностей вуза готовности к деловому межнациональному общению на уровне, достаточном для решения профессиональных задач возможно при условии, что если на всех этапах проектирования и осуществления образовательного процесса реализуется

гуманистическая идея паритетности взаимоотношений партнеров. В содержании образования должны отражаться теоретические и практические основы осуществления делового общения (экономическое, психологическое, общекультурное, лингвистическое) с обязательным представлением в образовательном процессе учебного материала об особенностях национальных культур стран-партнеров по бизнесу. Так же необходимо создать условия для усвоения содержания экономического образования на двух языках — родном и иностранном. Готовность к межнациональному общению развивается в применении методики погружения в процессе обучения иностранному языку.

Безусловно, данные гипотезы не могут охватить всех аспектов профессиональной подготовки экономистов. Продолжение исследования может быть осуществлено в таких направлениях, как использование возможностей психолого-педагогических дисциплин для формирования готовности к деловому межнациональному общению; созданию междпредметной системы связей и общей модели формирования готовности к деловому межнациональному общению у студентов экономических специальностей вуза; лонгитюдное исследование эффективности таких моделей в профессиональной деятельности специалистов.

Е.А.Миняева
(г.Нижневартовск)

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ». ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ»

Понятие компетентности включает в себя не только когнитивную и операционально-техническую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. Оно включает результаты обучения (знания и умения), систему ценностных ориентаций, привычки и др. Компетентности формируются не только в процессе обучения, но и под воздействием семьи социума и т.д.

Компетентность рассматривают как сочетание психических качеств, как психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно (действенная компетентность), как овладение человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции. Причины как компетентности, так и некомпетентности могут быть разные: состояние личности, в том числе эмоциональная устойчивость или неустойчивость, хорошее или плохое здоровье и др¹.

Г.С.Сухобская компетентность определяет как систему знаний и умений педагога, проявляющуюся при решении возникающих в практике профессионально-педагогических задач. Близко суждение В.С.Безруковой, где под компетентностью понимается «владение знаниями и умениями, позволяющими высказывать профессионально грамотные суждения, оценки, мнения». Царькова Е.А.

компетентность рассматривает как качественную интегрированную характеристику личности, определяющую степень владения ее совокупностью профессиональных и социально-значимых качеств, приобретаемых в процессе образования и служащих эффективным механизмом реализации индивидуальных ценностных потребностей².

Одной из основных функций педагога является коммуникативная, так как нет общения, нет обучения и воспитания, исходя из этого разработка вопроса формирования коммуникативной компетентности вызывает большой интерес педагогов.

Вопросы коммуникативной компетентности в профессиональной подготовке педагога рассматривались Г.Гильфордом, Г.И.Егоровой, А.Л.Журавлевым, И.А.Зязюном, В.В.Охотниковой, А.П.Панфилова, Н.Н.Суртаевой и др. Как указывает Н.Н.Суртаева, развитие профессиональной компетентности педагога в условиях интеграции в международное сообщество, делает проблему развития коммуникативной компетентности наиболее актуальной, которая не формируется стихийно, необходима специальная системная организация педагогической деятельности³. А.П.Панфилова определяет коммуникативную компетентность как совокупность знаний, умений и навыков, включающих: функции общения и особенности коммуникативного процесса; виды общения и его основные характеристики, средства общения (вербальные и невербальные); репрезентативные системы и ключи доступа к ним; виды слушания и техники его исполнения; «обратную связь»; формы и методы делового взаимодействия, технологии и приемы влияния на людей.

Коммуникативная компетентность представляет из себя систему внутренних ресурсов, необходимых педагогу для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций межличностного взаимодействия. Большинство авторов считают, что уровень коммуникативной компетентности определяет уровень коммуникативности и коммуникабельности, что является важным в педагогической профессии⁴.

Примечания

¹ Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996. С. 31.

² Царькова Е.А. Компетентность в контексте модернизации профобразования // Профессиональное образование. 2004. № 6. С. 5—6.

³ Модернизация общего образования: Технологии образовательной деятельности: Книга для учителя / Под ред. проф. В.В.Лаптева и проф. А.П.Тряпицкой. СПб., 2002. 96 с.

⁴ Иванова О.А. Подготовка педагога в вузе к взаимодействию в конфликтной образовательной среде. СПб., 2003. Ч. 2. С. 28.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Социальные изменения современного российского общества актуализируют разносторонние задачи по модернизации социально-экономической и политической систем, преодолению нестабильности, снижению уровня социальной напряженности. Сегодня одним из господствующих убеждений является то, что эти задачи могут быть решены путем формирования гражданского общества. Основные надежды на формирование гражданского общества связываются с новыми поколениями, формирующимися в постсоветский период. Это в свою очередь актуализирует задачи по определению места студенческой молодежи в процессах, связанных со становлением гражданского общества и формированием гражданской культуры.

Гражданское общество философский словарь трактует как понятие, обозначающее совокупность неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, нравственных, религиозных, национальных и т.д. Гражданское общество — «сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентацией деятельности этих граждан и организаций со стороны государственной власти»¹.

Ж.Ж.Руссо в «Общественном договоре» (1762 г.) отмечает, что «государство, или гражданское общество, представляет собой единую моральную личность, жизнь которой подчинена объединению ее членов. Его целью является безопасность и благосостояние его членов»².

Для гражданского общества, по мнению современного ученого-социолога В.Т.Кривошеева, характерны различные добровольные ассоциации, объединяющие граждан и выражающие их профессиональные и гражданские интересы: профсоюзы трудящихся, объединения предпринимателей, союзы потребителей, творческих работников, различные женские, молодежные, религиозные и другие организации³.

Несомненно, жители правового государства, гражданского общества, — граждане, для которых слова «гражданственность» и «патриотизм» представляют особую ценность, имеют смысл.

Существенный аспект анализа гражданского общества — определение понятия «гражданственность». Представляется правомерным понимание гражданственности как совокупности базовых, сложившихся на определенные моменты времени ценностей, норм и ролей, принятых за образец. Степень гражданственности определяется «по соответствию между социетальной моделью, объективированной как

декларируемые, возможные, желаемые характеристики человека, и реальным поведением человека как исполнителя гражданских ролей»⁴.

С.И.Ожегов в «Словаре русского языка» трактует «патриотизм» как «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу»⁵. В толковом словаре В.И.Даля слово «патриот» означает «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник»⁶.

Главенствующее место в воспитании гражданственности и патриотизма, как и других составляющих базовой культуры личности, отводится системе образования. В российской педагогике цели и задачи гражданского воспитания нашли отражение в трудах В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.А.Добролюбова, А.Н.Радищева, К.Д.Ушинского, Н.Г.Чернышевского и др.

Русский критик-демократ В.Г.Белинский указывал на содержание патриотизма — общечеловеческие ценности и идеалы, делающие личность членом общечеловеческого сообщества. «Любить свою родину, — подчеркивал он, значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому»⁷.

Замечательные слова К.Д.Ушинского, записанные в его дневнике: «Сделать как можно больше пользы моему Отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности»⁸, определяют направление его профессиональной, творческой деятельности и являются хорошим девизом в воспитании современной студенческой молодежи.

В.В.Розанов, русский писатель, публицист и философ, в письме своему биографу Э.Д.Голлербаху от 29.10.1918 г. писал: «До какого предела мы должны любить Россию? ... До истязания, до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до «наоборот нашему мнению»...»⁹.

Советская педагогика рассматривала вопросы гражданского воспитания в аспекте общественной направленности личности, приобретения опыта коллективной деятельности. В.А.Сухомлинский в книге «Воспитание гражданина» уделяет внимание формированию гражданской позиции ребенка, роли социальных институтов и организаций в воспитании гражданственности у подрастающего поколения.

Содержание гражданского и патриотического воспитания в высшем учебном заведении составляет работа преподавателей, педагогов, кураторов по формированию культуры общения, ценностного отношения студентов к жизни и профессиональной деятельности, правовой культуры, толерантности и эмпатии.

Особое место в этой работе занимает организация внеучебной воспитательной деятельности студентов. Университетская, студенческая среда традиционно отличается терпимостью и взаимопониманием, и эта среда может служить примером толерантности для всего общества в целом. Интересным в этом отношении представляется опыт нашего университета, который имеет некоторые формы установления дружеских взаимоотношений между представителями разных национальностей. В университете не встречались проявления нетерпимости

в отношении представителей другой национальности, культуры, вероисповедания. Напротив, многие студенты отмечают защищенность, дружелюбие и внимание со стороны студентов и преподавателей, которые они встречают в университете. Национальное взаимное уважение проявляется в наибольшей степени тогда, когда люди узнают больше подробностей о представителях другой национальности, традициях, достижениях.

Воспитание гражданина-патриота в университете охватывает несколько направлений. Это:

— встречи студентов университета с представителями общественных национальных организаций города;

— проведение ежегодной научно-практической конференции «Обучение, воспитание, развитие учащейся молодежи в условиях поликультурного пространства России»;

— участие в конкурсах на лучшую постановку гражданско-патриотического воспитания среди ВУЗов и СУЗов; грантовой поддержки деятельности военно-патриотических клубов; на лучшее знание законов о выборах «Я — гражданин России», «Если б депутатом был я»; в митингах, посвященных Дню вывода советских войск из Афганистана; Дню памяти погибших в Чеченской Республике; в городском мероприятии «День призывника»; в военно-спортивной игре «ЩИТ» среди студенческой молодежи; в акции по посадке деревьев; в городском фестивале военно-патриотической песни и др.

— традиционный внутривузовской фестиваль «Эхо войны»;

— мероприятия, посвященные Дню защитника Отечества;

— разноплановые факультетские мероприятия.

Нельзя не упомянуть о творческих коллективах НГГУ — хореографического коллектива «Кавказ», татаро-башкирского ансамбля, театра обско-угорских народов «Сорни-Най».

Главным стержнем данного направления должна быть заинтересованность самих наставников, являющихся примером в глазах воспитанников, их стремление к сотрудничеству и объединению. Основа воспитания гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения — это любовь к своей малой и большой Родине, толерантность и ответственность, ценностное отношение к самому себе и окружающему миру.

Примечания

¹ Философский словарь / Под ред. И.Г.Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1991. С. 97—98.

² Дидье Жюлиа. Философский словарь: Пер. с франц. М., 2000. С. 93.

³ Кривошеев В.Т. Социальное государство и его роль в становлении социального партнерства // Социально-гуманитарные знания. Научно-образовательное издание. 2004. № 3. С. 112—124.

⁴ Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социс. 2007. № 4. С. 44—45.

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 57 000 слов. М., 1986. С. 426.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 3. С. 24.

⁷ Сакулин А.А., Макаров Ю.А. Василий Васильевич Розанов и фрейдизм. Пенза: ПГПУ им. В.Г.Белинского. 2004. 27 с.

⁸ Управление образовательными системами: Учебное пособие / Под ред. В.С.Кукушкина. М., 2003. С. 47.

⁹ Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. М., 1954. Т. IV. С. 488—489.

С.К.Овсянникова
(г.Нижневартовск)

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО КОМПОНЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

Профессионально-педагогическую культуру можно рассматривать как важную составляющую общей культуры педагога, проявляющуюся в системе профессиональных качеств и специфике профессиональной деятельности. Важным компонентом профессиональной культуры педагога является его исследовательская культура, которая трактуется как сложное динамическое образование, характеризующее способность личности к решению значимых проблем методами научного познания. В исследовательскую культуру личности входят четыре взаимосвязанных компонента: знание о самой исследовательской деятельности; мотивы и ценностные ориентации исследовательской деятельности; исследовательские умения; опыт исследовательской деятельности.

Высокий уровень профессиональной культуры педагога характеризуется развитой способностью к решению профессиональных задач. Решение исследовательских задач сегодня рассматривается не просто как право педагога, но и как его профессиональная обязанность. Будущие бакалавры педагогики должны быть готовы к изучению, анализу и прогнозированию развития личности и жизнедеятельности школьников, к осуществлению комплексных преобразований в образовательной системе, к преодолению противоречий ее развития. Они должны быть способны решать комплекс исследовательских задач, связанных с различными сферами педагогического труда. Исследовательские действия, операции должны входить в состав обобщенных профессиональных умений педагога. Однако, как показывает опыт, большинство студентов-бакалавров еще практически не готовы к осуществлению такой деятельности, не владеют способами решения большинства типов исследовательских задач.

Будущим бакалаврам педагогики для реализации воспитательной функции школьного и дополнительного образования предстоит овладеть способами решения ряда научно-исследовательских задач: определения проблемы исследования и цели ее решения; выбора и обоснования методологической основы исследования; разработки и обоснования исследовательской программы; выбора

и обоснования исследовательского инструментария; организации преобразующего эксперимента по проверке гипотезы исследования, анализа, интерпретации и оформления результатов исследования и др. Для решения научно-исследовательских задач в области воспитания студентам предстоит овладеть следующими умениями: видеть противоречия в явлениях действительности, отражающих реализацию воспитательной функции образования школьников; выделять и формулировать исследовательскую проблему в области воспитания, ставить цели и задачи исследования, предлагать возможные варианты решения проблемы, прогнозировать ожидаемые результаты исследования; выстраивать план и логику исследования проблем воспитания, определять содержание основных этапов опытно-экспериментальной работы по конкретной проблеме; подбирать адекватные задачам исследования методики изучения воспитательного процесса; генерировать идеи, связанные с реализацией воспитательной функции школьного образования и другими умениями, характеризующими научно-исследовательскую культуру педагога.

Выделенные научно-исследовательские умения студенты осваивают при выполнении учебных научных микроисследований по проблемам воспитания в процессе учебно-исследовательской практики, учебных научно-исследовательских работ и проектов, участия в деятельности студенческого научного общества.

И.Н.Польнская
(г.Нижнеартовск)

ОБРАЗОВАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Современные тенденции развития системы образования в условиях многоязычия и поликультурности российского общества выдвигают целый комплекс теоретических и практических проблем связанных с определением понятия поликультурная образовательная среда.

Многочисленные определения поликультурного образования были предложены учеными, исследователями и организациями. Это отражено в зарубежных и отечественных концепциях поликультурного образования: многоэтническое образование (Боос-Нюнниг, Зандфукс, Н.В.Кочешков), бикультурное образование (Фтенакис), концепция «диалога культур» (Н.Х.Вессель, В.С.Библер, Г.Д.Дмитриева, М.С.Каган, П.Ф.Каптерев, М.А.Некрасова и др.), концепция «культурных различий» (П.П.Блонский, Дж.Бэнкс, А.П.Лиферов, Э.Мейлер, В.М.Полонский, Р.Хенви). Значительную помощь в моделировании диалогических обучающих и воспитывающих стратегий может оказать концепция «Школы диалога культур» крупнейшего отечественного философа и культуролога

В.С.Библера, который определяет саму культуру как диалог культур, как форму: «...одновременного бытия и общения индивидов различных культур»¹.

Доклад международной комиссии ЮНЕСКО о глобальных стратегиях развития образования в XXI веке подчеркивает, что образование должно способствовать тому, чтобы, с одной стороны, человек осознал свои корни и тем самым мог определить свое место в мире, и с другой — привить ему уважение к другим культурам.

Целью поликультурного образования согласно данной концепции является приобщение к различным культурам, формирование общепланетарного сознания, позволяющего тесно взаимодействовать с представителями различных стран и народов и интегрироваться в мировое и общеевропейское культурно-образовательное пространство. Ведущими идеями данной концепции выступают идеи открытости, диалога культур, культурного плюрализма.

В России проблема поликультурного образования приобрела особую актуальность и сложность в 90-е годы, когда в условиях социально-экономических и политических реформ сложилась новая образовательная ситуация, для которой характерны усиление этнизации содержания образования, возрастание роли этнохудожественного образования, идей народной педагогики, рост влияния традиционной культуры на формирование самосознания личности.

Территория современного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, всегда представляла и представляет собой поликультурное пространство. На ее территории проживали и проживают представители различных этносов, культуры которых не могли развиваться изолированно. Так, даже самобытная культура народов ханты и манси, являясь частью регионального и общероссийского поликультурного пространства, не избежала взаимодействия с другими культурами.

Сегодня на территории округа специалистами различных профилей ведется огромная работа по изучению, возрождению и сохранению традиций культуры малых народов Севера, что является условием воспитания таких качеств, как гражданственность, духовность, патриотизм и национальное самосознание. «Это связано, прежде всего, с тем, что из ценностных доминант общественного сознания в России в постперестроечный период стало осмысление реальной полиэтничности страны и признание права каждого этноса, каждой этнической группы на этнокультурную идентичность, на относительную культурную автономию в рамках единого российского культурно-образовательного пространства»².

Целью образования на современном этапе провозглашается развитие личности школьника, желающей и способной участвовать в межкультурной коммуникации, т.е. развитие у учащихся желания и способности вступать с другим народом в отношении диалога культур, воспитание в духе восприятия других культур как равноправных, самобытных и самоценных.

Примечания

¹ Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М., 1997. С. 423.

² Набок И.Л. Национально-региональный компонент подготовки учителя в контексте процессов глобализации культуры и образования // Региональный компонент в содержании высшего профессионального образования: Проблемы и перспективы. СПб., 2002. С. 21—29.

Е.И.Пронина
(г.Москва)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Важным показателем развития мировоззрения студентов и школьников выступает характеристика отношения к государству, обусловленная уровнем осознания молодежью своего социального статуса, прав и обязанностей, а также уровнем социально-политической активности и ее направленностью. Мировоззрение школьника складывается из разнообразных компонентов, среди которых отношение к историческому прошлому государства, причастность к настоящему, степень осознания социально-политического участия, а также понимание обязанностей, долга, законопослушание и пр.

Анализ данных, проведенных нами исследований, свидетельствует о том, что при переходе от школьной к студенческой ступени образования меняется порядок (важности различных) компонентов мировоззрения молодежи: принадлежность к государству, долг, обязанность, конституционные права, активность участия в политике. После исполнения законов, которое в обеих группах вышло на первое место, у школьников следует бдительность и готовность помочь государству в борьбе с врагами, а у студентов противостояние произволу властей. По результатам наших и других исследований российских ученых, порядок показателей свидетельствует о наличии глубинного противоречия в формировании гражданской позиции молодежи между традиционным и современным.

Современная школа по-прежнему пользуется стандартным набором средств для воспитания гражданина и патриота. Возможно, это влияет на существующие различия в формировании моделей гражданской позиции студентов и школьников. Для школьников в большей степени характерна модель «человек для государства», а для студентов «государство для человека».

Молодежное движение создает уникальную среду, включающую, с одной стороны, идеологию и организационную структуру, с другой стороны — неформальное общение, времяпровождение участников движения. Подобная организация отличается от других форм объединения молодежи — неформальных субкультурных образований или жестко организованных образовательных институтов (школ, вузов) и представляет собой соединение формальной структуры и

объединение на основе общих интересов, целей, устремлений. В этом случае наряду с индивидуализмом, личной активностью, амбициями у активистов присутствуют чувства коллективизма, товарищества, «общинности». Активисты молодежных движений отличаются от всей остальной молодежи, повышенным интересом к общественно-политической жизни или каким-то общественным проблемам (экология, спорт, семья, искусство). Деятельность активистов молодежных движений формирует определенный образ жизни, жизненную позицию, развивает определенные личностные качества. По мнению исследователей данного явления, эта группа характеризуется акцентированными амбициями, четким пониманием целей и стратегий их достижения. Стремление занимать высокие посты и работать в органах власти соотносится с желанием иметь высокий статус и материальный уровень, но также с желанием действовать на благо государства, способствовать решению общественных проблем, продуцируя новые идеи и ценности, возможно и на международном уровне на основе диалога культур.

М.В.Радионов
(г.Нижневартовск)

РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ И НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ СПОРТИВНЫХ БАЛЬНЫХ ТАНЦЕВ

Школа бальных танцев сравнительно недавно стала считаться эстетически направленной формой дополнительного образования. Но уже сейчас ее можно с уверенностью отнести к средству наиболее полного эстетического развития детей. Выполнение танцевальных движений под музыку развивает в детях разнообразные эстетические качества: музыкальность, ритмичность, пластичность, красоту движений, мимики, выразительность и др. Групповые занятия воспитывают у школьников необходимые нравственные качества личности: культуру общения, ответственность, манеру поведения, взаимопомощь, коллективизм и др.

Проблему развития нравственных и эстетических качеств у подрастающего поколения рассматривали такие ученые, как: Писарев Д.И., Неменский Б.М., Шацкий С.Т., Каган М.С., Гадамер Г.Г., Бакушинский А.В., Теплов Б.М., Ветлугина Н.А., Терентьева Н.А., Каптерев П.Ф., Блонский П.П., Румянцев Н.Е., Рубинштейн М.М., Сухомлинский В.А. и др.

Наше исследование посвящено изучению влияния учебно-тренировочных занятий по спортивным бальным танцам на развитие у детей младшего школьного возраста нравственных качеств и формирование эстетической культуры личности.

К основным нравственным категориям, формируемым в процессе обучения балльным танцам, мы относим следующие:

— культуру общения — со сверстниками и со взрослыми, уважительная интонация, терпеливость в ожидании ответов, понимание, что можно спросить, а что не стоит и т.п.;

— культуру речи — вдумчивое построение предложений, не допускание употребления сокращений и слов паразитов;

— сочувствие, соболезнование, взаимопомощь — когда ребенок не смеется над неумением или незнанием сверстника, одноклассника, а старается помочь, подсказать, как на танцевальных занятиях, так и на улице, в школе, дома;

— ответственность за свои слова, поступки, перед коллективом, партнером — отработать танцевальное движение необходимое количество раз, как одному, так и с партнером, добросовестно выполнить домашнее задание, повторить схему движений, чтобы не подвести партнера на конкурсе, либо группу на коллективном выступлении;

— уважение к противоположному полу — уважительная манера поведения по отношению к сверстнику — сверстнице, своему партнеру или партнерше, проявление терпения, если один в паре уже хорошо овладел танцевальными движениями, а второй еще нет и т.п.

Эстетические категории, которые формируются посредством обучения танцевальным движениям:

— восприятие красоты в окружающем — как часто ребенок обращает внимание на окружающую его красоту природы, строений, картин, музыкальных произведений и т.п.;

— эстетика внешнего вида — следит ли ребенок за своей походкой, осанкой, придерживается ли прилежного внешнего вида, придает значение своей прическе или нет и т.п.;

— художественный вкус — совпадение вкуса ребенка к красоте с общественно признанным;

— создание красоты — как часто ребенок в свободное время рисует, лепит, вышивает, конструирует, поет и т.п.;

— выразительность жестов, мимики не только непосредственно в танцевальных движениях, но и в обыденной жизни.

Данные категории положены в основу разработанной нами модели развития эстетической культуры детей младшего школьного возраста средствами спортивных балльных танцев.

Реализация модели предполагает комплекс педагогических условий, способствующих нравственно-эстетическому воспитанию детей младшего школьного возраста: формирование содержания, ориентированного на целостность процесса эстетического воспитания; применение активных форм и методов, способствующих развитию нравственно-эстетических качеств; разработку комплекса диагностических критериев и методов мониторинга за развитием эстетической

культуры младших школьников в ходе учебно-тренировочных занятий по спортивным бальным танцам.

Л.В.Радионова
(г. Нижневартовск)

ВАЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Кризис общественного здоровья и демографической ситуации угрожает благополучию, экономической мощи России, и, в конечном счете, ее безопасности. Один из путей выхода из сложившейся ситуации, на наш взгляд, заключается в повышении уровня здоровья подрастающего поколения через формирование у него приоритета личностной ценности здоровья и здорового образа жизни.

По утверждению многих ученых (Брехман И.И., 1990; Воронцова, Колба-нов В.В., 1995; Кураев Г.А., Сергеев, Шленов, 1996; Щедрина А.Г., 1995) в сохранении и укреплении здоровья особое место должно отводиться валеологическому образованию.

Под валеологическим образованием понимается часть общекультурного образования, основанная на медико-психолого-педагогических знаниях о различных аспектах здоровья, способах индивидуальной стратегии и тактики сохранения и развития здоровья путем выработки личностных установок на валеологически обоснованное поведение.

Основной целью валеологического образования является сохранение и укрепление индивидуального здоровья путем развития личностных, духовных, психических и физических возможностей, необходимых для успешной самореализации и адаптации к изменяющимся социальным и экологическим условиям.

Приоритетное место в концепции валеологического образования занимает валеологическое воспитание — процесс формирования ценностно-ориентированных установок на здоровье и здоровый образ жизни как неотъемлемой части жизненных ценностей и общекультурного мировоззрения, благоприятных для самореализации человека с учетом его потенциальных возможностей и выработки у него валеологически обоснованного способа жизнедеятельности.

Совершенно очевидно, что всем необходимым навыкам, важным для здорового поведения, человека нужно учить. Обучение здоровью должно быть непрерывным в течение всей жизни, дифференцированным для разных возрастов и нестандартным.

Результатом валеологического образования должна стать валеологическая культура человека. Под валеологической культурой личности следует понимать не только валеологическую осведомленность, но и динамический стереотип поведения, выработанный на основе собственных истинных потребностей,

способствующий здоровому образу жизни и определяющий бережное отношение к здоровью окружающих людей. К валеологической культуре относят и концепцию философии здоровья в разных ее доктринах. Но главное здесь — потребность, наличие внутреннего импульса, характеризующего двойственность человеческой личности: ее «хочу» и «надо».

По мнению Э.Н.Вайнера (1998 г.) валеологическая культура человека, предполагает знание им своих генетических, физиологических и психологических возможностей, методов и средств контроля, сохранения и развития своего здоровья, умения распространять валеологические знания.

Сформированность валеологической культуры характеризуют следующие показатели:

1) знание возможностей своего организма, условий окружающей среды, умение соотнести себя с окружающим миром, войти в него с наименьшими потерями, активно сберегая свое здоровье;

2) осознание своей природности, стремление созидать вокруг себя экологически здоровую среду;

3) система целостных представлений о здоровом человеке и здоровом образе жизни;

4) ответственное отношение к своему здоровью и здоровью окружающих людей;

5) способность к саморегуляции собственного организма в условиях биосоциальной среды;

6) осознанное ведение здорового образа жизни и самосовершенствование в физическом, нравственном и духовном плане.

Таким образом, валеологическая культура выступает как неотъемлемая часть общей культуры личности и способствует формированию ценности здоровья и здорового образа жизни.

Н.Г.Рубцова
(г.Нижневартовск)

ВОСПИТАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современный человек должен глубоко осмыслить диалектику отношений между обществом и окружающей природной средой. В наш век создалась такая ситуация, когда становится недопустимой деятельность в природе без достаточных знаний о возможных последствиях этой деятельности. Следовательно, решение экологических проблем требует, прежде всего, перестройки сознания мышления людей. Эти качества закладываются с первых лет жизни ребенка,

развиваются и закрепляются на школьной скамье. Включение основ экологических знаний в обучение школьника, его экологическое образование — это необходимость нашего времени, обусловленная современным уровнем развития экологии как комплексной науки и социальными задачами — подготовкой высококонтрастных и образованных людей, умеющих экологически грамотно мыслить и решать сложные проблемы, возникающие в результате взаимодействия человечества с окружающей природной средой.

Важнейшими факторами решения экологических проблем являются психологическая готовность людей внедрять уже существующие экологически безопасные технологии, сознательное соблюдение экологических ограничений, а также стремление принимать личное участие в природоохранной деятельности и т.п. Гуманитарное направление как раз и предполагает смену системы ценностей, коррекцию мировоззрения, перестройку сознания людей, т.е. формирование новой экологической культуры человека.

Я считаю, что экологическое образование и воспитание надо начинать с того момента, когда ребенок стал понимать человеческую речь. Вводя ребенка в мир природы, очень важно показать ему, все стороны своих взаимоотношений с природой, чтобы общаясь с ней, дети учились, говоря словами поэта М.Волошина: «Все видеть, все понять, все знать, все пережить. Все формы, все цвета».

Осваивая экологическую культуру, человек создает экологические условия своего существования, продуцирует свою систему его отношений с природой.

Главная идея моей работы состоит в том, чтобы в условиях внеурочной деятельности средствами различных форм и методов работы по формированию экологической культуры школьников, краеведческих материалов помочь ребятам раскрыться, реализовать себя.

К.Д.Ушинский писал: «Сделать серьезное занятие для ребенка занимательным — вот задача первоначального обучения».

Воспитывая экологическую культуру личности младшего школьника, я применяю в своей работе: информационные, игровые, проектные технологии.

На мероприятиях очень часто применяю занимательный материал. Использование занимательного материала на экологическую тему помогает активизировать познавательную активность, наблюдательность, внимание, мышление, развивает творческое воображение ребенка, повышает его экологическую культуру. В работе использую различный занимательный материал: кроссворды, сценки, загадки, ребусы. Провожу конкурсы пословиц, загадок, рисунков на различные темы.

В работе использую различные наглядные пособия, дидактический материал, средства ТСО, компьютерные технологии.

За время работы по теме мною собран теоретический и практический материал по данному вопросу.

Практика работы показала, что различные мероприятия экологической тематики позволяют формировать экологическую культуру школьников. У детей возрастает интерес к окружающей природе, бережному отношению к ней.

Литература

1. Решетникова Н.А. «Объекты культуры в экологическом воспитании на факультете начальных классов», журнал «Начальная школа. Плюс до и после». 2003. № 9.
2. Черезова Л.Б. «Обновление содержания образования (на примере курса «Теория и методика экологического образования детей)», журнал «Начальная школа. Плюс до и после». 2003. № 9.

Н.Х.Тухтиева
(г. Санкт-Петербург)

УСЛОВИЯ СМЕНЫ СТРАТЕГИЙ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ЛАЧИНСА*

Задачи Лачинса представляют десять арифметических задач, в которых необходимо получить указанное количество жидкости при помощи сосудов разного объема. При этом первые пять задач (установочных) могут решаться только с помощью сложного способа решения (по формуле $B-A-2C$). В процессе их решения у испытуемых формируется установка на решение с помощью определенной стратегии. Следующие пять задач (критических) могут решаться как уже освоенным сложным, так и новым простым способом (по формуле $A\pm C$). При этом испытуемые, как правило, «не видят» возможности решения критических задач новым способом, демонстрируя эффект установки Лачинса, как проявление когнитивной ригидности (Luchins A.S., Luchins E.H., 1950).

В проведенном нами ранее исследовании было выявлено, что использование различных форм предъявления условий задач может приводить к переходу к простым способам решения, обуславливая снижение эффекта установки. Условия задач предъявлялись в образной (условия задач проиллюстрированы графическими изображениями сосудов) и символической форме (таблица с числовыми данными, фиксированными цифрами и прописью). Мы обнаружили, что на проявление эффекта установки влияет не только сама форма, но и смена форм предъявления при переходе от установочных задач к критическим. Такая смена форм репрезентации, вероятно, обуславливает возникновение новых гипотез относительно новых стратегий решения задач, приводя к преодолению сформированной ранее установки. Возникает вопрос о влиянии на эффект установки самого изменения иррелевантных параметров задач в рамках одной формы репрезентации.

* Исследование поддержано грантом РФФИ 08-06-00199-а (руководитель Аллаhverдов В.М.).

Для проверки такого предположения было проведено исследование с участием двух групп испытуемых обоих полов от 18 до 53 лет: 60 — испытуемых контрольной группы (КГ) и 58 — испытуемых экспериментальной группы (ЭГ).

В качестве стимульного материала использовался набор задач, представленных на бланках, содержащих инструкцию и условия задачи, одинаковых для КГ и ЭГ. Способы предъявления условий задач различались в КГ и ЭГ.

В КГ на бланке представлена инструкция; таблица с условиями задач (объемы сосудов в литрах) и указанием требуемого количества жидкости. Все задачи пронумерованы с № 0 по № 10. Условия задач прописаны цифрами. Для фиксации способов действий, которая является обязательным условием эксперимента, нами в таблицу была включена графа «Решение».

В ЭГ на бланке представлены две таблицы. В первой таблице представлены условия установочных задач (0—5), пронумерованных с № 0 до № 5; во второй — критических (6—10), пронумерованных с № 1 до № 5.

Испытуемым предлагался бланк с условиями задач Лачинса. Время, отведенное на решение одной задачи, составляло 2,5 минуты. Всего предлагалось шесть установочных и пять критических задач.

Результаты

Показателем преодоления эффекта установки являлось решение критических задач простым способом. Было обнаружено, что общее количество простых решений всех критических задач в ЭГ составило 29%, что статистически значимо выше, чем в КГ — 15% ($p \leq 0,03$). Простой способ решения в ЭГ значимо чаще использовался во всех критических задачах, кроме задачи № 9. Здесь 9% испытуемых ЭГ и 7% испытуемых КГ применили простой способ, при этом различие не является статистически значимым.

Таким образом, само иррелевантное изменение задач при переходе от установочной стадии к критической может рассматриваться в качестве условия, приводящего к выработке новых стратегий решения. При этом переход к новым стратегиям возможен без перехода к новой форме репрезентации задач.

Литература

1. Luchins A.S., Luchins E.H. (1950). New experimental attempts at preventing mechanization in problem solving. *Journal of General Psychology*, 42, 279-297.

О.В.Хворова
(г.Нижневартовск)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОСПИТАНИЕ

Воспитание — явление социальной жизни и, одновременно, явление культуры, так как воспроизводит, передает, фиксирует, развивает ее. И вместе с тем в

школьной жизни выступает дополнительным фактором отражения в сфере культуры:

- предметно-вещного пространства и организации бытового устройства школьной жизни;
- ухода за телом и заботы о здоровье;
- учебно-познавательной деятельности на уроке, при выполнении домашних заданий, в ходе самостоятельной познавательной работы учащихся, при исполнении индивидуальных проектов, при работе в библиотеке, посещении публичных лекций, проведении конференций и проч.;
- внеклассной деятельности детей, на классных часах, в кружках, спортивных секциях, при проведении праздников, художественного творчества, развлечений во время досуга и т.д.;
- межличностных взаимоотношений и общепринятых норм поведения;
- социальной активности;
- самовоспитания, саморегулирования индивидуальности школьника;
- традиций учебно-воспитательного учреждения, особых правил и исключительных принципов осмысленного устройства жизни.

Культура педагога должна проявляться не только в классе.

С культурологической позиции воспитание может быть охарактеризовано, как научение детей решать жизненные проблемы, ежеминутно встающие перед человеком как продуктом культуры, который сам по происхождению — продукт природы.

Воспитание с такой точки зрения предполагает у педагога:

- высокий уровень культуры (поведения, гигиены, труда, общения, чтения, питания, отдыха, одежды, должностных обязанностей, семейного уклада, бытового устройства, отношения к людям, а также речи и т.п.);
- необходимость быть в курсе всех общественных событий, читать прессу, книги, посещать концерты и театры, осваивать новую техническую аппаратуру как информационную, учебную, так и бытовую, участвовать в обсуждении социальных и мировых проблем;
- декларацию и пропаганду всего, что возвышает человека и укрепляет жизнь;
- организацию воспитательного процесса с ориентацией на культурные достижения;
- учить детей сопротивляться «модным» волнам падения культуры.

Курс профессионального совершенствования педагога должен включать в содержание учебных занятий, помимо профессионального, еще и личное культурное обогащение.

В плане теоретическом педагог должен осваивать ведущие категории: «культура», «цивилизация», «материальное и духовное», «продукт культуры», «структура и этапы культуры», «культура и варварство», «культура и вандализм»,

«движущие силы культуры», «показатели культуры», «признаки культуры», «динамика культуры», «субъект культуры», «культура и природа», «уровни и типы культуры», «культура мировая, общественная, групповая, индивидуальная», «субкультура», «квазикультура», «критерий оценки культуры». Освоение таких категорий очень важно для педагога, вводящего детей в контекст современной культуры.

Для педагогического образования существенным является умение педагога быть культурным в разных сферах жизни: гигиенических, этических, правовых, эстетических, познавательных, трудовых, организационных, бытовых, мыслительных, творческо-конструктивных, в сфере общения. Критерием культуры профессионализма педагога служат научно-педагогические достижения. Следовательно, совершенствование профессионализма есть не что иное, как восхождение к профессиональной культуре.

В.В.Шершнева
(г. Нижневартовск)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭСТРАДНОЙ МУЗЫКИ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Мысль о том, что музыка представляет собой не только предмет эстетического наслаждения, но и в большей степени, чем любой другой вид искусства, влияет на идейные и моральные качества людей, формирует их нравственный облик, появилась еще в Античности. Своими особыми, присущими только ей, средствами, музыка воспитывает понимание прекрасного, развивает отношение, как к искусству, так и к окружающей жизни. И чем раньше человек встретится с искусством, музыкой, тем скорее он сможет овладеть всей духовной культурой, стать всесторонне и гармонично развитой личностью. Не случайно В.А.Сухомлинский утверждал, что музыкальное воспитание — это не воспитание музыканта, а воспитание, прежде всего, человека. Значение музыкального искусства как средства воспитания хорошо понимал выдающийся русский музыкант А.Г.Рубинштейн, который называл музыкальное образование благодеянием для человека и мечтал о введении обязательных музыкальных занятий во всех образовательных учебных заведениях России.

В любом обществе существует определенный набор предпочитаемых ценностей, которые формируют личность. При этом у каждой личности образуется своя иерархия ценностей, зависящая от воспитания, образования, окружающей среды. Каждый человек, хочет он того или нет, проявляет личностное отношение к окружающему миру, могущему быть как позитивным, так и негативным.

Поэтому педагогическая работа должна быть направлена на воспитание положительного отношения к ценностным ориентирам, принятым современным обществом.

Характерной особенностью сегодняшнего времени является многообразие музыки, ее жанров, форм и стилевых направлений. Однако школа, которой принадлежит главная роль в формировании музыкальной культуры и эстетического вкуса, не учитывает творческие достижения в эстрадной музыке.

Наблюдая за всем происходящим на эстраде и рок-концертах видно, насколько популярна современная музыка и как сильно увлечение школьников эстрадой и роком.

Для того, чтобы охватить этот огромный материал в его основных аспектах, необходимо использовать не только урок музыки, но и другие формы внеклассной работы и общешкольных мероприятий, посвященных углублению музыкальных знаний. Таким образом, соединение урока и внеклассных занятий и создают целостную систему обучения и воспитания, повышающую эффективность образования. Например, с 6 класса проводить параллельно уроки и музыкальные кружки по интересам, с посещением концертов, прослушиванием современной музыки и последующим их анализом.

Рок-музыку нужно давать на уроках, но на хороших примерах, чтобы дети могли отличать «хлам» от хорошего рока, среди которых: «Queen», «Pink Floyd», «Beatles», «Парк Горького» — это легенда, история, но она актуальна и сегодня.

Современную музыку можно использовать на уроке в различных видах собственно музыкальной деятельности подростков, как и в слушательской деятельности, так в певческой, инструментальной и композиционной. Например, слушать композиции, петь, вокализировать мелодии из репертуара «Парка Горького», «Машины времени» или «Браво».

Разговор о джазе и рок-музыке должен строиться по принципу диалога, когда учитель не только разбирается с ребятами в современной музыке, но и обсуждает с ними достоинства и недостатки того или иного прослушанного произведения. Таким образом, большой объем нового материала ведет к пересмотру тематики урока и его содержания.

В композиционной деятельности, например, можно сыграть мелодию какой-либо песни или отрывок произведения на синтезаторе, гитаре или на каких-либо шумовых инструментах. Композиционная деятельность также может присутствовать в виде импровизации (досочинение какого-либо фрагмента на инструменте или голосом) или даже сочинение собственной песни на примерах знаменитых образцов современной музыки.

На занятиях с элементами рок-музыки так же должны присутствовать музыкально-теоретическая и музыкально-историческая деятельности, т.к. подростки должны знать истоки поп, рок музыки, ее жанры и особенности развития.

Формирование нового, творческого и альтернативно-самостоятельного мышления невозможно в плену старых методов преподавания и форм общения с ребятами. Нужны проблемные и дискуссионные методы преподавания, диалоги и «круглые столы», самостоятельная работа над произведением, фактами и источниками. Рамки урока как бы раздвигаются, продолжая процесс познания и во внеурочных занятиях, в кружках по интересам. Таким образом, приблизив содержание урока музыки к современности, мы повысим интерес школьников к изучению современной музыки и более эффективным занятиям на уроке.

Изучать и внедрять эстрадную и рок-музыку, выявляя ее позитивное начало, формировать способность эстетического восприятия произведений — задача сегодняшнего дня, задача педагогики музыкального образования на современном этапе. Ведь как говорил Василий Александрович Сухомлинский: «Мы имеем дело с самым сложным, бесценным в жизни — с человеком. От нас, от нашего умения, мастерства, искусства, мудрости зависит его жизнь, здоровье, разум, характер, воля, гражданское и интеллектуальное лицо, его место и роль в жизни, его счастье».

Секция 4

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Г.В.Агадилова
(г. Нижневартовск)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Творчество в жизни любого человека имеет большое значение, это не удел избранных гениев. В силу быстро изменяющихся условий жизни, поиски и находки творческого решения проблемы становятся условием существования многих и многих людей. Выход за пределы рутины, появление даже крупицы новизны уже является творческим актом. Человек выступает творцом своей судьбы, творцом своей личности, творцом общественных отношений (сдача экзамена, вступление в брак, переезд на новое место жительства, смена работы и т.п.).

Еще Л.Выготский подчеркивал, что в основе творчества лежит стремление изменить ситуацию к лучшему, что заставляет человека напрягать умственные усилия.

Творческая фантазия художника помогает ему находить новые сочетания звуков, красок, форм и линий, создавать в результате этого то, чего раньше никогда не было. Но одной лишь фантазии недостаточно для создания законченного произведения. Необходимо мастерство, которое является главным орудием в создании и исполнении художественного произведения.

Однако сами по себе профессиональные умения и навыки еще не определяют ценность результатов творческой деятельности. Суть творчества заключается в умении человека, будь он ученый или художник, открывать новые идеи, новые пути развития мысли, делать оригинальные выводы.

Психологи заметили, что люди, обладающие творческим складом ума, в какой бы области они ни работали, имеют много общих черт. *Черты творческой личности* (К.Тэйлор):

- Стремление быть на передовом рубеже;
- Независимость и самостоятельность суждений;
- Склонность к риску;
- Активность, любознательность, неутомимость в поисках;
- Неудовлетворенность существующим;
- Нестандартность мышления;
- Дар общения;
- Талант предвидения.

Другие исследователи отмечают:

- Богатство фантазии;
- Интуицию;
- Способность видеть под необычным углом зрения;
- Способность разрешать тупиковые ситуации нестандартным путем.

Творцы, внесшие большой вклад, обладают обширными познаниями и глубиной проникновения в проблему, чувством нового, сильной волей, не боятся тяжелого труда и трудностей.

Творческие люди не склонны опираться на авторитеты. Музыканты — новаторы, изучив труды предшественников, идут своим путем, не отвлекаясь на критику (Бетховен, Лист, Стравинский, Шостакович и др). Творческие люди способны проявлять:

- Яркую фантазию;
- Подходить к вопросу с разных точек зрения, иногда взаимоисключающих друг друга;
- Подвергать сомнению то, что очевидно для других.

Своей независимостью, самостоятельностью, оригинальностью творческие люди приносят много хлопот коллегам, в которых им приходится работать, и тем, кто вынужден с ними общаться. Известны эксцентрические поступки Пушкина, Гоголя и др.

Весьма сложна и неоднозначна связь между объемом имеющихся знаний, умственными способностями и способностями к творчеству. Высокий уровень умственных способностей, по мнению польского исследователя А.Матейко, необходим для творчества в одних областях и совсем не нужен в других. Так у Бетховена были трудности с освоением таблицы умножения, а знаменитого физика Ландау не привлекала даже самая прекрасная музыка.

У творчески мыслящих людей высокое развитие эмоциональной сферы, которая в сложных ситуациях помогает обращаться к образам подсознания для решения задач. Часто решения приходят во сне (Нильс Бор — структура атомного ядра, Джузеппе Тартини «Дьявольские трели», Шуберт всегда оставлял рядом с кроватью карандаш и нотную бумагу, Дж.Россини увертюра к опере «Шелковая лестница», швейная машинка Элвиса Хоу, периодическая таблица Менделеева и т.п.).

Иногда нахождение творческого решения психологи связывают с *биссоциацией* — объединением идей, находящихся в разных плоскостях. Примеры: ученому Луи Пастеру механизм брожения винограда подсказал разгадку гниения мяса; немецкий физик Фридрих Август Кекуле приснившаяся змея, кусающая свой хвост, способствовала открытию формулы бензольного кольца. Это возможно потому, что в подсознании происходит обработка нескольких потоков информации.

В *остроумии* так же присутствуют черты творческого акта. Советский психолог А.Лук установил 3 основных его признака:

1. Наличие предварительных знаний.
2. Подсознательное ассоциирование далеких понятий.
3. Критическая оценка полученного результата.
3. Фрейд установил общие черты мышления в сновидениях и островах:
 1. Лаконизм.
 2. Сдвиг, т.е. выбор средств выражения, которые позволяют обходить внутреннюю цензуру (препятствием выражению мысли и чувства как результат воспитания).
 3. Непрямое изображение (намек).
 4. Перевернутые причинно-следственные связи.
 5. Обратный поворот от абстракций к наглядно-чувственным образам (А.Глазунов, присутствовавший на исполнении «Скифской сюиты С.Прокофьева», вышел из зала. Прокофьев записал: «Глазунов, слушавший сюиту вышел из себя и из зала».

Творческому процессу способствуют:

1. Вдохновение.
2. Сильное эмоциональное переживание (положительное или отрицательное). Л.Толстой писал «Войну и мир» в окружении семейного счастья. Создание шедевров от несчастной любви у Бетховена, Берлиоза, Чехова.
3. Болезни (Шуберт, Шуман, Дворжак и др.) Подагра и туберкулез стимулируют работоспособность (избыток мочевины стимулируют мозговую деятельность).
4. Вино. Оно расширяет сосуды, улучшает мозговое кровообращение, но «шампанское не создает поэтического произведения» (Гегель).
5. Посты и голодание. Организм очищается от шлаков, улучшается кровообращение (Пифагор брал учеников, выдерживающих 7 дней голодания)
6. Психические заболевания. «Творчество это бред, даруемый богами» — Платон.

К Особенностям творческой личности можно отнести и Нарциссизм — поглощенность собой, ориентация на себя, богатый внутренний мир, импульсивность, независимость, потребность в господстве, использование других людей в своих целях, отсутствие эмпатии (В.Петрушин).

«Жизнь — это непрерывный процесс творчества» (В.Петрушин). Когда у творческой личности стремление к самовыражению становится особенно сильным, когда человека переполняют сильные чувства, то склонность к творческой деятельности оказывается ведущим средством выражения его духовной жизни.

ЭТНОХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ОБСКИХ УГРОВ

Прикладное искусство обских угров тесно связано с традиционным бытовым укладом оленеводов, рыбаков, охотников. В традиционной культуре народа выработаны механизмы передачи художественных знаний и умений следующему поколению. Огромное значение ханты и манси придают орнаменту, которым декорируют рукотворные изделия. Можно сказать, что сегодня у обских угров есть национальные художественные традиции, которых они придерживаются, сохраняют и развивают. Наиболее яркими и интересными в художественном отношении у обских угров были и есть — национальная одежда (летняя, демисезонная, зимняя); обувь и аксессуары к костюму; изделия из бересты. Узоры на одежде, обуви, головных уборах, съемных элементах и аксессуарах костюма отличаются своей уникальностью и самобытностью. Демисезонную одежду шьют из сукна: праздничную — из красного, зеленого, синего, желтого; будничную — из серого или черного. Для украшения используют бисер, плетут орнаментальные полосы, которые нашивают на основу из сукна. Особую нарядность представляют собой орнаменты на шубах из оленьих шкур. Особенно красивы женские и детские шубки. Орнаментальные полосы выполняют в технике «меховая мозаика», используют сукно и бисер. Традиционными материалами для изготовления национальной обуви являются: сукно, кожа, замша, мех. Орнаменты идентичны тем, что используются на шубах. Важнейшим головным убором обских угров являются платки и шапки. Традиционно платки изготавливались мастерицами из полос ткани. Сегодня женщины носят также платки промышленного производства. Среди съемных украшений у обских угров известны — нагрудники, наконники, головные повязки. Известны две техники изготовления украшений: ажурная сетка и нашивание бисера на ткань (сукно). Современные нагрудники изготавливают способом «плетения из бисера», также применяют в качестве украшений бисерные полосы, нашитые на ткань, в основном используют в плетении сложный геометрический орнамент. Обские угры в основном предпочитают непрозрачный бисер, наибольшим спросом пользуется белый, черный, зеленый, оранжевый, голубой и красный бисер. Белый бисер выбирают для фона, цветной — для узора. Характерной чертой утвари обских угров является обилие предметов из бересты, которые отличаются богатой и разнообразной орнаментацией. Береста с давних времен играла важную роль в хозяйственной практике обских угров. Из бересты делали также детские колыбельки. Изготовлением перечисленных предметов занимались женщины. Практически вся поверхность изделий из бересты заполняется прямо- или криволинейным узором. Выполняется узор выскабливанием или раскраской, иногда применяется

аппликация по зачерненному фону. Итак, рассматривая орнамент обских угров с точки зрения его прикладного начала, можно сделать основные выводы: — сегодня орнамент обских угров развивается наряду с сохранением традиционно-старых узоров; — характерным для обских угров является бордюрное расположение орнамента, заданное полосой зигзага; — уникальным явлением обских угров является криволинейный свободный узор; — орнаменты обских угров преимущественно геометрические; — отмечается устойчивость местных названий орнаментальных мотивов; — многие орнаментальные мотивы сохраняют до наших дней определенную семантическую нагрузку и имеют символическое значение; — орнаменты обских угров связаны с изображением зверей, птиц, рыб, земноводных, связаны с растительным миром, связаны с человеком и его бытом; — сегодня в декоративно-прикладном искусстве обских угров появляются новые орнаменты.

Литература

1. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как историко-этнографический источник: по материалам (19 — нач. 20 вв.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963.
2. Решетникова Р.Г. Декоративно-прикладное искусство обско-угорских народов. М., 1997.
3. Рындина О.М. Орнамент народов Среднего Приобья как этнокультурное явление: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1990.
4. Сподина В.И. Методическое пособие по этнографии коренных народов Западной Сибири. Мегион, 1995.
5. Сязи А.М. Современное декоративно-прикладное искусство хантов: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995.
6. Федорова Е.Г. Современная материальная культура Сосьвинско-Ляпинских манси: Дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1986.

В.А.Буханов
(г. Нижнеартвовск)

АРТ-ТЕРАПИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Становление человека разумного связано с развитием жестов, мимики, пантомимики, танца, наскального рисунка — интернационального языка образов. Искусство возникло с целью общения, как средство коммуникации, как своеобразный, эмоциональный язык. Пробраз современной арт-терапии сохранился в архаических формах искусства — в народном творчестве.

Дать исчерпывающее определение арт-терапии довольно трудно, потому что оно в определенной мере зависит от теоретических представлений и области практической деятельности специалиста, от характерных для той или иной страны моделей арт-терапии и степени их «зрелости». Арт-терапия представляет собой частную форму психотерапии искусством, включающей также

драматерапию, музыкотерапию и танцевдвигательную терапию. В некоторых странах арт-терапия и иные направления психотерапии искусством в настоящее время признаны не только в качестве самостоятельных психотерапевтических модальностей, но и профессий. В нашей стране развитием этой профессии занимаются пока в основном врачи-психиатры и психотерапевты — такие, как А.И.Копытин, кандидат медицинских наук, президент Арт-терапевтической ассоциации, руководитель программы базовой подготовки специалистов в области арт-терапии и других направлений терапии творчества.

Целебные свойства музыки известны давно. Еще в Древнем Египте и Греции врачи лечили больных звуками и имели обширные знания в этой области. Древнекитайские врачи полагали, что музыкой можно вылечить любые болезни, и даже выписывали «музыкальные рецепты» для воздействия на тот или иной орган.

Первые серьезные исследования оздоровительного воздействия музыки на организм человека провел в конце XIX века врач-невропатолог Джеймс Корнинг. Он изучал влияние музыки Вагнера при лечении психических расстройств. Пробные прослушивания произведений этого композитора в аудитории больных дали впечатляющие результаты, и в больнице стали проводить специальные лечебные концерты. Сто лет спустя музыкотерапию использовали во многих лечебных учреждениях Америки и Европы. Целебные звуки раздавались в стоматологических кабинетах, в операционных, в детских больницах и военных госпиталях — музыка успокаивала, расслабляла, помогала лечить неврозы, усиливала воздействие лекарств.

Арт-терапия — наиболее древняя естественная форма изменения эмоционального состояния, которой многие люди пользуются, иногда неосознанно, чтобы снять психическое напряжение, успокоиться, сосредоточиться. Музыкальная терапия — это научный метод эффективного лечения болезней с помощью силы музыки. Она восстанавливает, поддерживает и улучшает эмоциональное, психологическое и физиологическое состояние человека. Музыка отражает страницы истории, несет информативный характер, волнует слушателя, вызывает ответные реакции, знакомит с жизненными явлениями, рождает ассоциации. Музыка также является одним из критериев социальной адаптации. Артикуляция, высота, тон, специфическая аранжировка нот и оформление их в ту или иную мелодию стимулирует, облегчает и излечивает различные болезни. Искусству терапии принадлежит роль естественного проводника переживаний или симптомов, и все это независимо от возраста, пола, болезни, чувств, переживаний. На первом плане арт-терапии — вера в творческую основу человека. Но задача ее не сделать всех людей художниками или актерами, а возбудить у индивида активность, направленную на реализацию его предельных творческих возможностей с целью решения проблемы.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ САКРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ОБРАЗА ПТИЦЫ В КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Верования о душе формировались одновременно с развитием анимистических представлений. Только на очень поздней стадии развития душа человека представляется как невидимый дух. Уже в древних цивилизациях душа мысллась в облике птицы, животного, змеи. Такие представления, судя по пережиточным явлениям, в прошлом были распространены у всех народов земного шара. Очевидно, первоначально существовало представление о том, что душа человека имеет вид птицы или животного, и лишь позднее, с развитием религиозного мышления, оно было заменено мнением о том, что душа после смерти человека переходит, иногда временно, в какое-либо животное или птицу. Но чаще всего душа представлялась в виде птицы. У обских угров представления о душе довольно сложны. Согласно их верованиям, у человека имеется несколько душ (З.П.Соколова).

У североамериканских индейцев гуронов души представлялись в виде голубей, у алтайцев — в виде петухов, у якутов — жаворонков, у эвенков — птичек, у южноамериканских индейцев бороро — попугаев араара; у тлинкитов морские утки — духи утонувших детей, совы — духи новорожденных, задушенных матерью во время сна. Образ души-птицы был знаком египтянам, вавилонянам, грекам. По представлениям древних египтян, душа умершего вылетает из тела в виде птицы. Душа египетского бога Осириса имела будто бы вид коршуна. В то, что душа имеет облик голубя или другой птицы, верили народы Средней Азии. Еще распространеннее была вера в переход души покойников в животных, растения и даже неодушевленные предметы. По мнению З.П.Соколовой, у народов всех континентов в той или иной форме зафиксированы подобные взгляды. Представления о переходе душ умерших в животных, птиц и змей способствовали развитию культа предков в образе животных.

У обских угров некоторые локальные группы вели свое происхождение от какого-либо животного или птицы. Позднее эти животные предки стали осознаваться как предки-богатыри. Но в них остались и животные черты: они могли превращаться в зверей-покровителей. Так, манси на Сосьве и Ляпине почитали богатырей в образах животных и птиц. Их изображения хранились в особых священных местах, им приносили жертвы. Почитание предков в образах животных, как мы видим выражается в жертвоприношениях им, устройстве специальных празднеств в их честь. Это делается для того, чтобы, во-первых, уберечь себя от гнева предков, а во-вторых, обеспечить себе помощь и покровительство их. У некоторых народов существуют поверья о том, что души умерших могут

украсть душу живого, с чем связан суеверный страх перед покойниками, боязнь их возвращения или их душ.

Особенно популярными тотемными предками у таежных западносибирских народностей (особенно у селькупов) были птицы, и здесь этнографические материалы особенно хорошо увязываются с археологическими данными. Рисунки птиц известны на сосудах Самусьского IV поселения (Степановское культовое место близ Томска), причем в одном случае туловище птицы передано в виде солярного символа. Изображения птиц с солярным знаком внутри встречаются иногда на остяцких знаменах; они носят, как считает Ю.Б.Симченко, сакральный характер и, возможно, являются изображением одной из душ человека. Поскольку представление о душе-птице у обских угров было связано с образом тотемного предка, можно предполагать, что рисунок «солнечной птицы» на самусьском сосуде носит тотемистический характер. Особенно характерны бронзовые изображения птиц в Западной Сибири для более поздних эпох — раннежелезного века и средневековья; они обычно изображались в фас, с расставленными крыльями и имели ряд антропоморфных черт. Анализируя древние наскальные изображения Урала, В.Н.Чернецов обращает внимание на рисунки птиц в геральдической позе, сходной с позой древних птицевидных бронзовых идолов. Похожие рисунки птиц известны по обско-угорским тамгам. Еще Н.Л.Гондатти заметил, что облик личных тамг у аборигенов северо-западной Сибири в большинстве своем напоминает схематические изображения птиц. Если учесть, что личные тамги произошли от родовых и являются обычно разновидностью прежних родовых символов, то можно предположить, что в этой традиции отразилось почитание определенных пород птиц, уходящее в далекую первобытность. На происхождение тамг в виде птиц от родовых птиц-тотемов неоднократно указывали В.Н.Чернецов и другие исследователи.

В.А.Дмитриев
(г. Нижневартовск)

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ СРЕДСТВАМИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Реальность нашего времени состоит в том, что судьба цивилизации, как никогда раньше, зависит от человека, его мировоззрения, образа жизни, эстетических и духовно-нравственных ценностей. На современном этапе общественного развития обостряется интерес к глубинным проблемам человеческого бытия, которое преломляется через призму духовности. От степени духовно-нравственного состояния каждого жителя нашей планеты зависит ее будущее. Отсутствие сформированной духовной культуры создает в душе пустоту, которая может быть заполнена интересами другого рода.

Уже в детстве у ребенка закладывается образ будущей жизни, поэтому важно создавать такие условия, при которых он пройдет этапы переживания, эмоционального вчувствования, приведения в гармонию своих чувств, помыслов, действий. Духовность — это энергия устремления, возвышения личности, производящая истину, добро и красоту.

Первичной формой бытия являются эмоции (П.К.Анохин, А.Н.Леонтьев и др.), а это значит, что формирование духовности начинается с развития питательной среды — эмоциональной сферы ребенка. Только то, что нашло соответствующий эмоциональный отклик в душе ребенка, эмоциональное приятие и постепенно сложилось в систему потребностей, стремлений, в систему ценностей и убеждений личности, становится непосредственным побудителем отдельных поступков и поведения в целом.

Среди комплекса средств, воздействующих на душу ребенка, порождающих собственные переживания, доминирующим является музыкальное искусство. Музыка сохраняет эмоциональную значимость, она как бы выявляет чувства человека и, воплощаясь, они становятся регулятором эмоциональной сферы жизни. Есть музыка, вызволяющая душу из вялости и бессилия, есть музыка, умиряющая бурные страсти и порывы. Воспитывать душу человека — значит находить для каждого музыку, способную перевести его из разлада с миром в гармонию с ним.

Музыка обогащает духовный мир человека, развивает элементы музыкально-эстетического сознания (интересы, вкуса) в процессе познания опыта культурного наследия, восприятия произведений музыкального искусства. Общение с ней должно быть ведущим в воспитательном процессе. Способы вхождения в это общение могут быть разными — пение, импровизация, пластические движения под музыку, фантазирование (графическое, словесное, ритмическое и др.).

Музыка тот же язык, который звуками говорит о человеке и человеческом порой ярче и проникновеннее, чем обычные слова. Надо только услышать музыкальную речь и проникнуться ее выразительностью и простотой. Известно, что маленький ребенок, не овладевший речью, способен звуками и интонациями выражать свои настроения и чувства. Эта чуткость к звукам и интонациям позволяет ему точно различать оттенки чувств и настроений, передаваемых музыкой.

Основа музыки — быть в тоне, в данной системе сопряжения звуков. Это качество делает ее искусством человеческого общения. Существует понятие социальной сущности интонаций в музыке — «интонационный фонд нации», который и является достоянием культуры народа, не менее важным, чем язык, письменность, архитектура. По нему легко определить, какому народу принадлежит то или иное музыкальное произведение. В проникновении в общественное сознание характерных для эпохи интонаций лежит важное качество — ощущение тесной связи с действительностью. Музыка становится родной для «ума и сердца». Именно серьезная музыка с наибольшей силой и чистотой воплощает

возвышенные идеалы эпохи. Поэтому она не может ни устареть, ни выйти из моды, так как в моде не нуждается.

Новая жизнь, новые социальные и духовные процессы нашего времени открывают дорогу поискам новых жанров, форм, нетрадиционных подходов к организации музыкально-эстетического образования. Настало время использовать все возможности в распространении подлинного одухотворенного музыкального искусства, влияющего на формирование музыкальных вкусов и общей духовной культуры личности.

М.В.Исаева
(г.Нижневартовск)

МЕТАФОРЫ СВЕТА В ЖИВОПИСИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Свет стал одной из главных категорий культуры XVIII века в значительной степени благодаря работам Ньютона (ср. с принятым названием этого века — «sicle de Lumieres» век просвещения).

Культурно-эстетический аспект влияния ньютоновской «Оптики» по преимуществу связан с центральным ее положением, гласящим, что все цвета видимого спектра заключены в самом сложном составе светового луча, являющегося единственным источником всего великолепного цветового многообразия видимого мира. Казалось, что ньютоновская теория положила конец многовековому господству натурфилософских представлений о цвете, восходящих к Аристотелю и связывавших природные цвета со смешением света и тени.

Выведение феномена цвета из борьбы света и тьмы является в какой-то мере позднейшим развитием идей Аристотеля, так как в явном виде в корпусе аристотелевских текстов оно не присутствует, но, по мнению Л.Ф.Лосева, является одним из «возможных толкований аристотелевского принципа, вполне соответствующим античным методом мысли и античной терминологии». Лосев так резюмирует идеи Аристотеля: «В цвете мы находим по крайней мере два плана: свет и тьму (или среду прохождения и распространения света), причем оба эти плана находятся в состоянии активного противоречия или борьбы. В желтом или красном свет, напряженно преодолевая тьму, является активно-наступающим началом; в синем он уходит вдале, как бы уже не встречая никакого сопротивления со стороны темноты; в зеленом оба противоречивых начала находятся в состоянии мира, покоя, равновесия»¹.

Радуга (объяснение которой дал Ньютон) и павлин становятся своего рода символами ньютоновской оптики и в таком качестве переходят в живопись. Конечно, радуга и павлиньи перья занимают еще Леонардо (вероятно, под влиянием Роджера Бэкона), а Рубенс в «Юноне и Аргусе» совместил радугу и павлина в контексте аристотелевской теории цвета.

Постепенно, однако, эти два аллегорических мотива начинают все более явно связываться с ньютоновской теорией, как например, в аллегорических росписях Королевской академии в Лондоне, выполненных в конце XVIII века и являющихся своего рода символическим трактатом по теории живописи. Радуга здесь — главный элемент «Аллегии живописи» (1779) кисти Анжелики Кауфман. А «Аллегория воздуха», изображенная Бенджаменом Уэстом, представляет обнаженную женщину, над которой ангел держит покрывало, в то время как другой ангел подводит к ней павлина².

Несмотря на то что, на основе ньютоновского спектра к началу XIX века сложилась умозрительная теория гармонизации живописных цветов, однако в действительности культ Ньютона мало повлиял на язык живописи XVIII века. Сложности практического применения положений новой оптики к живописи определялись тем, что нечистота живописных пигментов не позволяет цвету в живописи вести себя по законам Ньютона.

Непродуктивность ньютоновской теории для живописи связана не только с тем, что она разрушала установившиеся каноны колористической гармонизации, но и с тем, что она не предлагала взамен новой эффективной «практической» поэтики. Живопись не могла найти иных процедур для выражения спектрального состава цвета, кроме изображения радуги или павлина.

Свет в чистом виде оставался недостижимым для живописи. Этим объясняется дисбаланс между ньютоновско-неоплатоническим переворотом в поэзии и чистой декларативностью ньютоновского культа у художника.

Примечания

¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 302.

² Росписи Королевской академии в Лондоне. Альбом. СПб., 1969. С. 11—61.

Ю.С.Куприянова
(г. Нижневартовск)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА И КАПИТАЛА

Современное искусство достаточно критикуемо. В нем видят массу недостатков, но наряду с этим и массу достоинств. Одним из таких проблемных положений является то, что искусство, начиная с середины XX века по нынешние времена, очень тесно «связало» себя с капиталом. При этом возникает ряд центральных проблем. Наиболее дискуссионная из них — это снижение «качества» искусства, его массовость и местами безнравственность. Наряду с этим ставится и вопрос о том, можно ли называть это искусством вообще.

Причины снижения «качества» искусства критики видят по-разному. Например, Борис Гройс — философ, теоретик и критик современного искусства, говорит об этом так: «При капитализме требуется, чтобы они (художники, писатели, интеллектуалы) работали хуже, чем они могут работать. Им следует сознательно и последовательно редуцировать свою активность, свой талант, свое вдохновение»¹. Причиной этому служат повышенные требования к капиталу и, соответственно, пониженные к языку. Капиталу достаточно легко существовать в современных условиях, его тактика — это поиск новых рынков и потребителей, искусство в какой-то степени заимствовало эту тактику. У современного потребителя искусства нет архива, то есть отсутствует историческая память. При наличии данной памяти потребителю требуется все больше нового, при ее отсутствии искусству не требуется развиваться, ему стоит лишь искать нового потребителя для одного и того же искусства. Отсутствие архива доказывается на примере, казалось бы, института, который призван хранить историческую память: «Сегодня музей главным образом используется для проведения больших выставок, которые должны снова и снова привлекать публику. Если раньше постоянное собрание еще создавало достойный фон для таких выставок, то сегодня оно уступило эту свою последнюю социально релевантную роль зрелищной, специфически музейной архитектуре»². Современный музей не является тем пространством, где искусство способно доказать свою ценность. Современное поколение понимается не как историческое, а скорее как биологическое, поэтому «уже не ставится вопрос о том, чтобы дать возможность исторически уникального выражения исторически уникальному поколению. Вместо этого новому поколению пытаются продать старые товары — но так, чтобы одновременно это отвечало мироощущению молодых людей»³. Конфликт поколений сегодня остановлен, так как создается видимость отсутствия исторических различий между поколениями, современное поколение должно «потреблять» старые идеалы, а не создавать свои новые, такой человек всегда будет желанным потребителем. Подобно капиталу, искусство комбинирует, перемещает и размещает на новом месте. Это помогает ему привлечь новую публику к старому продукту. Все, кто еще имеет архив и способность к критике, считаются неспособными понять данное искусство, так как ему в принципе не нужна герменевтика, она делает его сложнее и недоступнее, что противоречит требованиям рынка.

Примечания

¹ Гройс Б. Капитал. Искусство. Справедливость// Художественный журнал [электрон. версия]. 2005. № 6. URL: <http://www.gif.ru>

² Там же.

³ Там же.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА

М.К.Мамардашвили называл русскую классическую литературу «словесным мифом России», т.е. силой, способной к созданию и организации определенного культурного пространства, развивающегося по своим внутренним законам. В XIX веке в зеркале русской словесности разнообразно и полно отразился широкий круг идейно-философских и художественно-эстетических представлений о музыке, создав особое, «музыкальное» пространство русской литературы. Промежуточный, посредующий характер сферы, расположенной между музыкой и тем «немузыкальным» (словесным), которое стремится присвоить себе те или иные качества музыки можно обозначить термином «трансмюзикальное»¹.

Приверженность русской литературы к музыке проявляется, прежде всего, в фактах появления в литературных произведениях реалий музыкальной культуры, а так же особой «музыкальной» образности в литературном наследии В.Ф.Одоевского, В.А.Соллогуба, Н.В.Гоголя, И.А.Гончарова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского и др.

Метафорический эпитет «музыкальный» неоднократно прилагается к тем или иным явлениям литературы, языка, и даже поведения человека. Словесное активно осваивает и музыкальные термины, «присваивает» себе такие качества музыки как «музыкальность», «певучесть», и т.д. в поэзии А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.А.Фета, И.Ф.Тютчева, А.Н.Толстого и др.

Культура музыкального восприятия формируется и вербализованной музыкой в работах развивающейся музыкальной и литературной критики в статьях В.Ф.Одоевского, В.П.Боткина, В.Г.Белинского, А.П.Серебрянского, Б.В.Асафьева, А.Н.Серова и др. Развитие музыкального мышления постепенно начинает соответствовать общим закономерностям развития культуры.

В обращениях к музыке в философских, критических, художественных текстах есть существенное различие. Она может пониматься как нечто метафизическое, запредельное: музыка, которая часто, но не полностью заслоняет конкретные формы проявления музыкального — творчество композитора, определенное произведение, то есть не музыка звучащая, а скорее мыслимая «гармония сфер». С другой стороны, музыка — знакомое и любимое искусство, инструментальная игра и пение в концертном, салонном и домашнем музицировании.

Всю сумму «музыкального», освоенного словесным искусством можно условно поделить на две части: музыка, как некая метафора устройства окружающего мира, и музыка в обычном понимании слова — музыка как искусство. Эти обозначения перекликаются с делением трансмузыкального на «музыку мира» и «музыку человека» (*musica mundana* и *musica humana*²) в трактате

«О музыкальном установлении» Бозция (начало VI века), который воспроизвел в нем гораздо более ранние пифагорейские идеи о сущности музыки и, в конечном счете, с корректировками, могут быть выведены из него.

Таким образом, в трансмузыкальном пространстве словесного искусства XIX века, взятом как целое, можно приблизиться к прочтению некой «единой книги» (В.Хлебников³), авторы которой — писатели, поэты, литературные и музыкальные критики классического периода русской культуры. В одной из «глав» этой книги отражен мир русской культуры XIX века в его музыкальном измерении.

Примечания

¹ См.: Махов А. Е. *Musica literaria: идея словесной музыки в европейской поэтике*. М., 2005. С. 22.

² Бозций. О музыкальном установлении. Кн. 1, 2 // Герцман Е.В. *Музыкальная Бозциана*. СПб., 1995. С. 303—304.

³ Цит по: Гервер Л.Л. *Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века)*. М., 2001. С. 7.

Т.Н.Мартышкина
(г.Нижневартовск)

ИМПРЕССИОНИЗМ В ТРАДИЦИЯХ ЗАПАДА И ВОСТОКА: МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Интерес западноевропейских художников к культуре и искусству Востока можно проследить на протяжении нескольких столетий, начиная примерно с XVII века. Однако систематичные попытки применения восточных живописных приемов и принципов в их органичном единстве с европейскими живописными традициями относятся только ко второй половине XIX века и могут быть соотнесены с творческими поисками художников-импрессионистов. До этого времени восточное искусство привлекало внимание европейских художников скорее с точки зрения экзотичности, так как давало возможность привнести в традиционную европейскую манеру свежесть и нетривиальность посредством разработки «восточных» тем и сюжетов.

Сегодня не вызывает сомнения тезис о влиянии японской культурной традиции на западноевропейское искусство. Так, в европейской живописи можно проследить чаньские традиции, выявить параллелизм в структуре художественного образа у европейских и чаньских мастеров¹. Знакомство с японским искусством открыло западным художникам возможность принципиально иной пространственной и временной организации художественного материала, что реализовалось в конкретных изменениях живописной практики, новом композиционном, перспективном, колористическом решении произведений. Интересно, что уже в начале XX века как отечественные, так и западные исследователи вполне определенно

и однозначно использовали понятие «импрессионистичный» в отношении японских произведений живописи и графики (К.Верман², Я.А.Тугендхольд³).

Специфика японского искусства и эстетики полностью детерминированы философско-религиозными представлениями, общими аксиологическими основаниями культуры. Целью искусства становится отражение жизни в ее постоянной изменчивости и динамике. Японские мастера, так же как и художники-импрессионисты, стремятся в своих произведениях со всей непосредственностью передать мимолетность, нестатичность бытия, достигая тем самым обратного эффекта: являя в мгновении — вечность.

Незавершенность произведения — это та особенность импрессионистической живописи, к которой художники-импрессионисты пришли сознательно, но которая неизменно подвергалась критике, позволяя высказывать обвинения в банальном неумении художников писать. Свитки чаньских мастеров часто оставляют ощущение незавершенности. И это закономерно, ведь согласно их представлениям, произведение должно содержать лишь указание и намек, требуя от зрителя максимально активной позиции.

Тотальная эстетизация окружающей действительности, характерная для японского искусства, приводит к утверждению красоты в незаметном, обыденном. Эта особенность находит отклик в «размывании» импрессионистами традиционных границ жанров, их смешении и неизменной популярности бытового жанра. Для художника-импрессиониста красота как таковая является высокой этической ценностью.

Таким образом, параллелизм художественно-эстетических тенденций в западноевропейской и восточной культурах обнаруживает единство и более высокого порядка — мировоззренческого. Искусство и эстетические принципы восточного искусства явились не только исторической предтечей художественных экспериментов в западноевропейской культуре XIX — начала XX веков (и в первую очередь, импрессионистических), не только оказали определенное влияние на формирование содержательных и формальных компонентов творчества художников-импрессионистов, но — наиболее ярко и убедительно продемонстрировали проявление универсальности импрессионистического видения и мировоззрения на интеркультурном уровне.

Примечания

¹ Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. С. 282—284.

² Верман К. История искусства всех времен и народов. Т. 1.: Искусство первобытных племен, народов дохристианской эпохи и населения Азии и Африки с древних времен до XIX столетия. М., 2000. С. 802—804.

³ Тугендхольд Я.А. Последние течения французской живописи // Тугендхольд Я.А. Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. М., 1987. С. 50.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В МУЗЫКЕ XX СТОЛЕТИЯ

Индустриальная тема в музыке активно заявляет о себе в первой четверти XX века в связи с наступлением индустриальной эпохи. Необходимо отметить, что взгляд на «техногенную» грань образа города менялся на протяжении предыдущего столетия.

Культ машин в это время достиг значительной силы и как следствие, нашел позитивное выражение в искусстве. Концептуальные корни подобных направлений уходят в традиции футуризма Филиппо Маринетти, чей «Футуристический манифест» был опубликован в 1909 году, традиции противопоставляет динамизм, технологию, патриотический милитаризм. Идея использования шума как музыкального элемента берет свое начало в манифесте итальянского футуриста Луиджи Руссола «Искусство шумов», изданном в 1913 году. Композиторов все чаще привлекают различные механизмы, спортивные игры, что находит выражение в особой роли остинатности, темпа и ритма произведений. Данная тенденция получает яркое воплощение в сочинениях композиторов «Шестерки»: фортепианных циклах «Вечные движения» и «Прогулки» Пуленка, вокальной сюите «Сельскохозяйственные машины» Дариуса Мийо, балете «Скетинг-ринг» Артюра Онеггера, «Машины» Хуго Херрманна. В России принципы «искусства шумов» были провозглашены Н.Кульбиным, А.Авраамовым, Н.Мясковским, Д.Шостаковичем, А.Мосоловым, С.Пркофьевым, Л.Половинкиным. Композиторы экспериментируют с ритмом. Его нерегулярностью, сочетают несколько фактурных пластов с разной ритмической организацией. Интерпретирован гул современной цивилизации и города как ее наиболее яркого репрезентанта. Нередко «машина» выступает в музыке XX века как носитель разрушения и величайшего зла, совершающего насилие над человеческой личностью и всем человеческим. В наши дни эти звуковые образы, не случайно соотносящиеся, прежде всего, с промышленными гигантами, наиболее интенсивно создаются в области электронной музыки. Следует заметить, что фрагментов с подобной образностью в электронной и конкретной музыке современных композиторов академического направления довольно много. Сложнее найти произведения, целиком выдержанные в этой образной тональности. «Героями» таких сочинений становятся элементы городского ландшафта-автомобильные дороги — «Авторага» А.Дергачева, «Поезд» из к\ф «Сталкер» Э.Артемьева, «Город телефонов» В.Волкова, «Современный пейзаж» Ян Си Тина (пример механистического звукообраза города, организованного на урбанистическом «звуковом пейзаже»), «В сторону ритма» О.Викторовой — выражение антимонии бесчеловечного урбанистического монстра и звукообразов природы тишины, где звуки обвалакивают, окружают слушающего, с меняющейся плотностью и интенсивностью. По признанию

автора, импульсом для появления пьесы послужили назойливые и несинхронные сигналы светофора на одном из оживленных перекрестков Екатеринбурга — ритмическое остинато в сочетании с динамическими наплывами создают впечатление адского молоха, гнетущего и неумолимо наступающего образа современной цивилизации. Развитие образной сферы, иницируемой звуковой атмосферой города, производства можно усмотреть и в рок-композициях. Возникает направление в молодежной музыке — индустриал-рок-с быстрым темпом и громким монотонным аккомпанементом, обработанным звуковыми эффектами вокалом для придания ему жуткого нереального тембра. Основу индустриального рока составляют утяжеленный «саунд», общая гулкость и громоздкость звучания.

Все авторы, обращающиеся к индустриальной теме, создают музыку с ведущей ролью метрического начала, высокой концентрацией остинатных ритмоформул, которые становятся значимыми принципами организации музыкальной ткани.

Все это — средства воплощения разных ликов образа города-машины, индустриального начала, враждебного природе и человеку.

О.Ю.Нартымова
(г.Нижнеарттовск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО КАНОНА В РУССКОМ ХРАМОВОМ ИСКУССТВЕ

Христианство сообщило мощный импульс культурному развитию Руси. Но византийское влияние было не источником, а следствием развития древнерусской культуры, оно вызывалось внутренними потребностями древнерусского общества, его готовностью к восприятию достижений более высокоразвитой культуры. Кроме того, византийское влияние не было насильственным. Русь не была пассивным объектом его приложения, наоборот, она играла активную роль в этом процессе. Заимствованные культурные достижения подвергались глубокой трансформации под воздействием местных традиций, творчески перерабатывались и становились достоянием самобытной древнерусской культуры.

Греческое христианство застало на Руси значительно развитую языческую культуру со своей мифологией, пантеоном божеств, жрецами, и со своим языческим летописанием. Язычество — первый системообразующий социокультурный слой, с которого начинала строиться культура славян. Значение ее в истории русской культуры определяется, прежде всего, тем, что она, во-первых, выступила в качестве духовной силы, объединившей многочисленные славянские племена, во-вторых, сумела сохранить и развить архетипы национальной культуры.

С принятием христианства происходит интенсивный процесс сближения собственных творческих традиций во всех областях культуры. Самобытная культура Древней Руси, развивавшаяся в постоянных контактах с культурами других стран и народов, стала важным компонентом культуры средневекового мира. По словам историка Б.Д. Грекова, едва ли в какой другой стране средневекового мира можно встретить так много перекрестных культурных влияний, как на Руси. «Византия, народы Востока и Кавказа, Западная Европа и Скандинавия, кольцом окружали Русь. Персидские ткани, арабское серебро, китайские материи, сирийские изделия, египетская посуда, византийская парча, франкские мечи шли на Русь, и, конечно служили не только предметом потребления богатых классов русского общества, но и образцами для художественного творчества русских мастеров». Русское народное начало внесло в древнюю византийскую традицию новые устремления, это в первую очередь относится к художественной традиции. Процесс «обрусения» византийского стиля заставляет предполагать, что у восточных славян еще раньше была достаточно развита культура в области художественного ремесла и строительства. Археологические исследования подтверждают, что дохристианская Русь знала литье и чекан, керамику и вышивку, владела тонким мастерством эмалей. Искуснее всего Русь была в обработке дерева: деревянные постройки, избы и хоромы, ворота и мосты, крепостные стены, а также лодки, хозяйственная утварь щедро украшались резьбой и определяли ее облик. «По сравнению с Византийским русское искусство было несравненно демократичнее, в нем гораздо настойчивее пробивалась народная струя, его формы менее отвлечены и более полнокровны, воплощаемые им идеалы утратили византийскую строгость и суровость. Столь сильно выраженный в восточном христианстве момент пассивной созерцательности уступает место на Руси более эмоциональному и лирическому подходу к религии. Ослабление аскетического начала выразилось в усилении яркости радостных звонких красок, в смягчении ритма линий, в умиленности добрых ликов, в интимизации образа божества. Под личиною византийских форм русские люди сумели прозреть их греческую, эллинистическую сердцевину и сумели блестяще использовать последнюю в создании того нового художественного мира, который при всей своей преемственности от Византии, является глубоко оригинальным творением русского народа»¹.

Наиболее ярко художественные идеалы и устремления древнерусской культуры отразились в монументально-декоративном искусстве, в котором будучи сосредоточением произведений всех видов искусства — архитектуры, станковой и монументальной живописи, многих видов художественного ремесла и искусства книги — древнерусские храмы стали концентрированным выражением высокого уровня художественного развития средневековой Руси. Большое каменное строительство на Руси началось в X века с возведения христианских храмов по византийскому образцу. Но были привнесены некоторые черты самобытного деревянного зодчества, уходящего своими корнями вглубь веков.

Так строится при Владимире древнейший каменный храм на Руси — Десятинная церковь Успения Богородицы, недошедшая до нас. Десятинная церковь представляла собой трехнефный храм с тремя апсидами и тремя парами столбов, т.е. шестистолпный вариант крестово-купольного храма. В XI веке были заложены храмы Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке. Киевский Софийский собор 1037 года, при всей схожести его с Константинопольским, все же необычен для архитектуры Византии. Одноименность соборов Киева и Константинополя призвана была утвердить равенство Руси с Византией. Образ Богородицы Киевской Софии, изображенной с воздетыми руками — канонический тип Оранты (молящейся) — воспринималась киевлянами как образ защитницы города, олицетворение самой «матери городов русских». Облик Оранты, и сама ее поза — оберегающий жест поднятых рук — напоминали русскому человеку древнюю Берегиню славян.

Также из Византии на Русь пришла техника создания иконы. Искусство Византии, аскетическое и суровое, торжественное и изысканное, не всегда достигает той духовной высоты и чистоты, которые свойственны общему уровню русской иконописи. Можно сказать, что если Византия дала миру по преимуществу богословие в слове, то богословие в образе дано было Русью².

Иконопись Руси использовала разработанную в Византии систему символов — особое значение имела символика цвета. Важное место среди красок занимали все оттенки небесной лазури. Иконописцы использовали оттенки голубого и темно-синего цвета. Пурпурные тона применялись для изображения небесной грозы, пурпурно-огненных херувимов. Е.Трубецкой: «Смысловая гамма иконописных красок необозрима. Важное место занимали всевозможные оттенки небесного свода. Иконописец знал великое многообразие оттенков голубого: и темно-синий цвет звездной ночи, и яркое сияние голубой тверди, и множество бледнеющих к закату тонов светло-голубых, бирюзовых и даже зеленоватых»³. Икона в ее идее составляет неразрывное целое с храмом, а поэтому подчинена его архитектурному замыслу. Отсюда — «архитектурность» русской церковной живописи.

Культура Древней Руси вобрала достижения восточнославянских племен, заимствовала опыт других народов, включая Византию и кочевых народов, сформировав собственную самобытную и самостоятельную культуру. Древнерусское искусство не было ни ответвлением византийского, ни аналогом западного или восточного, у него был свой путь. Выйдя на мировую арену значительно позднее своих европейских соседей, Русь за короткий промежуток времени прошла сложный путь своего развития, который складывался из многих, в разное время возникавших компонентов, приняв христианство, она создала свою собственную самобытную культуру. Возникнув в VI веке и имея культурный уровень близкий к первобытному, уже в XI веку Русь сумела превратиться в страну с высокоразвитой культурой и достичь уровня передовых стран средневекового мира.

Примечания

¹ Лазарев В.Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 55.

² Трубецкой Е. Два мира в древнерусской иконописи (1916) // *Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв.* Антология. М., 1993. С. 220—246.

³ Там же.

Ю.А.Обухова
(г. Нижневартовск)

АРТ ДЕКО — В ИСКУССТВЕ И ДИЗАЙНЕ XX ВЕКА

В начале XX века стиль модерн, хозяйничавший около трех десятилетий, начал преображаться под влиянием прогресса в развитии новых технологий и желания многих художников, исполняющих волю богатых заказчиков, создать иллюзию благополучия и «роскошной жизни» в трудные годы «потерянного поколения» между двумя мировыми войнами, и трансформировался в арт деко — стиль эклектического дизайна.

Как художественное течение арт деко оформился в 1906—1912 годы и достиг расцвета между 1925 и 1935 годами. Начавшись как легкое, изящное новшество, навеянное балетными «Русскими сезонами», арт деко вскоре эволюционировал в олицетворение поразительной простоты и бескомпромиссности жизни в век машин. Представители всех направлений современных изобразительных и декоративных искусств искали способ выражения скорости и напора, с которыми автомобили, поезда, аэропланы, радио и электричество изменяли существующий мир, — старались найти цвета и формы, которые были бы проще, отчетливее и сильнее тех, что применялись ранее.

Арт деко — (сокращение от названия выставки «L'Exposition Internationale des Arts Decoratifs et Industriels Modernes», состоявшейся в 1925 г. в Париже) — художественный стиль оформления интерьера, изделий декоративного и прикладного искусства, ювелирных украшений, моделирования одежды, а также дизайна промышленной продукции и прикладной графики. Это был последний «шикарный стиль» европейских столиц. Сознательно ориентированный в прошлое, он был призван воплотить дух респектабельности и надежности, стремился к роскоши и воплощался в сочетании экзотического и примитивного искусств, в самых разных декоративных элементах в интерьере, ярких и смелых цветовых сочетаниях.

Духовная растерянность и смешение эстетических критериев, будто предвещавших ужасы Второй мировой войны и пустоту первых послевоенных лет, осознанно заслонялись эклектикой таких стилей как модерн, ампир, кубизм и конструктивизм с одной стороны, и древние искусства Египта, Востока, Африки с другой.

Для интерьера арт деко характерны прямые и ломаные линии, четкость и графичность форм, применение декоративных элементов в виде зигзагов, округлостей, треугольников, солнц, а также скругленные углы, строгие вертикальные линии, отступающие формы. Флористическому декору противопоставляется линейный, геометрический — как более соответствующий новой технике в архитектуре и промышленности.

Буквально несколько лет понадобилось рожденному в Париже стилю арт деко, чтобы приобрести популярность в Голливуде под именем «стиля звезд» и превратиться из чисто французского явления во всемирно признанный символ эффективности.

В США 30-х годов стиль арт деко стал чрезвычайно популярным: стилизованные орнаменты над порталами зданий, неоклассические скульптуры Рокфеллеровского центра, арочный шпиль Крайслер-билдинг, характерная башня Эмпайр стейт-билдинг сформировали неповторимый облик Нью-Йорка.

Во время Великой депрессии наслаждение роскошью, которую проповедовал арт деко, стало невозможным. Появился спрос на недорогие, но удобные вещи. Таким образом, арт деко — абсолютно богемный стиль — постепенно эволюционировал в сторону функционализма. Любимыми материалами того времени становятся сталь, алюминий, зеркала, стекло и пластик.

Вдалеке от Америки, в Индии, стиль арт деко продолжал существовать в своем роскошном варианте. Подтверждение тому — серебрянная кровать из дворца индийского махараджи. В Бомбее стиль арт деко был популярен не только в архитектуре, но и в отделке кинотеатров.

В странах с тоталитарными режимами (Третий рейх, СССР и др.) арт деко превращается в «новый ампир». В советской архитектуре в период постконструктивизма были позаимствованы многие элементы арт деко (например, гостиница «Москва»).

Арт деко незаметно исчез после подъема массового производства, когда к нему стали относиться как к кричащему, безвкусному и поддельно-роскошному. Окончательный конец этому стилю положили лишения Второй мировой войны. В колониальных странах, таких как Индия, арт деко стал воротами к модернизму и не исчезал до 1960-х гг. Возрождение интереса к арт деко в 1980-х гг. было связано с графическим дизайном, а ассоциации арт деко с лентами в стиле «фильм нуар» (film noir) и очарованием 30-х гг. привели к тому, что его стали вновь использовать в ювелирном искусстве и моде.

В настоящее время после более чем пятидесятилетнего забвения арт деко опять начинает приобретать популярность. Экзотический и яркий, не раз доказавшему свою немеркнущую привлекательность, он являет собой полет фантазии и воплощение роскошной функциональности. Как и в прошлом веке, сегодня арт деко отдают предпочтение состоятельные люди с устоявшимися жизненными предпочтениями и вкусами.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КАНОН ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Византийский обряд заложил основу древнерусского музыкального канона, его правил. Византийская эстетика определила основные свойства древнерусского певческого искусства, его премудрость, «софийность». Древнерусская церковная музыка обладала сложной системой музыкальных (певческих) жанров опиравшихся на византийские традиции. Ее характер определялся в первую очередь тем, что профессиональная музыка была вокальной, поэтому слова текста влияли на музыкальную форму и музыкальный язык песнопений. Одним из признаков жанровой принадлежности был способ их исполнения — хоровой, сольный, антифонный (попеременное пение двух хоров), респонсорный (пение солиста с припевами хора).

Древнерусские культовые песнопения были связаны между собой, объединяясь единой линией драматургии. Их место и последовательность определялись чинопоследованием, а его порядок диктовался Уставом, или Типиконом (от греч. Типик- образец). Его создание было актом соборности, творчеством многих народов православного Востока. П.А.Флоренский сравнивал Устав с партитурой симфонии. «Типикон есть партитура симфонии симфоний, длящейся целый год, и оркестровки ее распределены между всеми напластованиями бытия — от горных гимнов ангельских и до стихий включительно. Вслушаемся в любой отдел культового года, и мы услышим тут не только сверхземные голоса небожителей, но и голоса природы»¹.

Одно из важнейших мест в древнерусском богослужении занимает древний жанр ветхозаветной и христианской гимнографии — псалмы. Этот жанр связан с именем библейского царя Давида — создателя духовных лирических песнопений. Псалмы были объединены в Псалтырь — книгу, состоящую из 150 песнопений, по которой начинали учить детей пению, чтению. Псалмами начиналась даже самая небольшая служба.

Среди жанров византийского происхождения одним из самых распространенных является — тропарь (первоначально краткий припев к определенным моментам литургического песнопения). Одно из толкований этого термина — «памятник победы, трофей». Содержание тропарей связано с новозаветной догматикой, прославлением празднуемых событий христианской церкви, воспеванием подвигов мучеников и подвижников. Характерная особенность текстов тропарей — частое использование сравнений аллегорий.

Большое распространение на Руси получил традиционный византийский жанр — стихира (от греч. многостишие). Стихиры входили в певческие книги: Стихирарь месячный — Минеи, Праздники, Трезвоны, Триодий постную и цветную,

Октоих. Также, важнейшими жанрами византийской гимнографии, нашедшими широкое применение в древнерусском гимнографическом творчестве, были кондак и канон.

Для правильного понимания древнерусского певческого искусства следует иметь в виду, что все жанры в нем — и чтение, и пение (хоровое и сольное) — связаны единым смыслом, общей идеей, динамикой ее развития. Отдельные гимны, стихиры и другие песнопения складываются в циклы, циклы соединяются в чинопоследования, образующие дневной круг песнопений, основными службами которого являются Всенощное пение и Литургия.

XVII век был временем самых решительных перемен в истории русской музыки. В первой ее половине активизируется творчество распевщиков, появляется немало авторских распевов, песнопений местных традиций, распространяются северные распевы — соловецкий, тихвинский, новгородский; южные — киевский, Болгарский, греческий; местные — московский, усольский, троицкий. Развивается теория знаменной нотации. Во второй половине XVII века русские музыканты знакомятся с западноевропейской музыкальной культурой, с ее теорией и практикой, техникой композиции, с новыми музыкальными жанрами, нотацией. Становление нового стиля на Руси происходило, прежде всего, в рамках церковной музыки. Его утверждение оказалось непосредственно связанным с реформами патриарха Никона, переориентацией русской культуры.

Примечания

¹ Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // У водоразделов мысли. Париж, 1985. Т. 1. С. 41—57.

И.Ф.Рахимкулова
(г.Нижевартовск)

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ НА РЕКЛАМНЫХ ЩИТАХ г.НИЖНЕВАРТОВСКА

Основная задача рекламы — создание образа, через который она влияет на зрителя. Он передает информацию о существенных индивидуальных признаках и качествах человека — возрасте, поле, расовой принадлежности, чувствах, установках, самооценке, социальном статусе и т.д. В работах социологов И.Гюффмана и Р.Голдмана анализируются гендерные различия в создании рекламных образов, которые связаны с дифференциацией гендерных ролей, закрепленных в обществе, и используются для продвижения товаров и воссоздания гендерных стереотипов¹. Какие женские образы демонстрируют нам рекламные щиты г.Нижевартовска?

Один из основных образов женской рекламы — молодая, жизнерадостная девушка, не обремененная семьей и работой (образ беззаботной девушки). Главные ее занятия — уход за собой и забота о своей привлекательности, завоевание новых поклонников, отдых на вечеринках, свидания, покупки. Стремление быть красивой, привлекать к себе внимание мужчин — все это признается важнейшей составляющей личности женщины данного типа. Чаще всего к этому образу обращаются в рекламе косметики и парфюмерии, напитков, в рекламе отдыха и развлечений. Примером данного вида рекламы является рекламный щит кафе «Ретро» на ул. Северной 6 за вторым корпусом НГУ.

Но самый главный и часто встречающийся женский образ в рекламе — это образ сексуальной женщины. Очевидно, что залогом успешной работы рекламы по ее воздействию на потребителя является ее искушающий, соблазняющий характер. И первым шагом на этом пути является создание желаемого объекта. Этим объектом является женщина или женское тело, способные не только побуждать, но и пробуждать потребности покупателя, в качестве катализатора продажи товаров и услуг. На ул. Мира находится щит, на котором представлена полуобнаженная девушка с сапогами. Причем рекламируются шубы! Почему бы ее не отправить в Тундру, где она действительно бы нуждалась в теплой шубе? (реклама Vita Ponti).

Другим не менее распространенным образом является образ домохозяйки, жены, матери. Жизнь этого персонажа направлена на «семейное благополучие», сохранение уюта в доме, заботу о здоровье близких людей. Она все знает и все умеет, в ее доме царит идеальная чистота и порядок, в этом доме тепло и уютно. Эта женщина прекрасно готовит, знает, чем лечить и как вкусно и правильно питаться, чтобы любому члену семьи быть здоровым и энергичным. В такой рекламе она действует, ориентируясь на мужчину, на его мнение, на его, а не на свои потребности, полагаясь на внешнюю оценку. Она действует так, поскольку стремится соответствовать социальным ожиданиям, сопутствующим данным женским ролям, и, что более важно, стремится своими действиями заслужить одобрение и похвалу со стороны мужчины — главы семьи. К этой группе относится реклама продуктов питания, различной бытовой техники, товаров для детей. К примеру, на ул. Ленина стоит рекламный щит, который рекламирует бытовую технику. Причем, на фоне мужчины изображен диван и телевизор, а на фоне женщины — холодильник и плита. То есть подразумевается, что после работы муж должен отдыхать, а жена заниматься домашними делами (демонстрируется неравноправие мужчин и женщин).

Третья группа образов, представленных в рекламе, это образ деловой женщины. В ней на первый план выходят такие качества, как уверенность в себе, независимость, контроль над ситуацией. Женщина в рекламе, в основном, изображена в деловом костюме, с решительным взглядом. Возраст здесь не играет существенной роли при характеристике адресата. Это может быть и молодая девушка, и женщина постарше.

Женщина за компьютером — наиболее стандартная форма изображения работающей женщины. Этот образ часто используется в рекламе офисной техники, автомобилей, парфюмерии и косметики.

Все рекламные предложения основаны на главных для женщины традиционного общества ценностях — красоте, здоровье, домашнем очаге, материнской функции. На рекламных щитах нашего города иллюстрируются фотографии пар, на которых женщина с любовью и преданно смотрит на своего партнера.

Наша реклама по-прежнему репрезентирует исключительно патриархатную картину мира. Обыгрывает исключительно стереотипные представления о «естественных» мужских и женских занятиях, задачах и обязанностях.

На протяжении многих веков социальная роль мужчин и женщин в обществе была неизменной и незыблемой. Однако в XX столетии произошли столь быстрые изменения в экономической, социальной и общественной сферах, что роль женщин, в обществе существенно трансформировалась².

Использование женских образов в рекламе стало предметом жарких дискуссий. Сейчас для рекламодателей наступило время, когда они должны переадресовать свою рекламу женщинам с учетом их меняющегося статуса в современном обществе.

Примечания

¹ Рошина Я.М. Социология потребления [Текст]: Учеб. пособие. М., 2007. С. 243.

² Казакова Е.Г. К вопросу о гендерном неравенстве мужчин и женщин в современном российском обществе // Россия: общество, власть, государство (вторые казанские социологические чтения): тез. докл. Всеросс. науч. конф. Казань, 22—23 мая 2008. Т. 4. С. 344.

С.Г.Фархутдинова
(г.Нижневартовск)

РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Глобальные социально-культурные перемены XXI века, коснувшиеся всех сфер жизни и деятельности человека, вынуждают его осваивать новые духовно-практические достижения посредством собственных идей, мыслей и чувств.

На протяжении тысячелетий решался вопрос о чувственной стороне идеи в рамках философии, теологии, художественной практики и художественной критики. Однако область эстетического знания о духовно-практической жизнедеятельности человека в эстетическом освоении мира в современности остается не до конца исследованной.

Неосознаваемое, чувственное, порой даже интуитивное комбинирование эстетических образов нередко выявляет новые уровни «внутреннего видения целостных картин всего поля информации».

Специфика эстетического сознания в том, что оно является восприятием бытия и всех его форм и видов в понятиях эстетики через призму *эстетического идеала*. Эстетическое сознание каждой эпохи вбирает в себя все существующие в ней рефлексии по поводу прекрасного и искусства. В его состав входят бытующие представления о природе искусства и его языка, художественные вкусы, потребности, идеалы, эстетические концепции, художественные оценки и критерии, формируемые эстетической мыслью.

Первоначальным элементом эстетического сознания является *эстетическое чувство*. Его можно рассматривать как способность и эмоциональную реакцию индивида, связанную с переживанием от восприятия эстетического предмета. Развитие эстетического чувства приводит к *эстетической потребности*, т.е. к потребности воспринимать и приумножать прекрасное в жизни. Эстетические чувства и потребности получают выражение в *эстетическом вкусе* — способности отмечать эстетическую ценность чего-либо. Проблема вкуса занимает центральное место в эстетике Просвещения. Дидро, отрицая одно из важнейших положений картезианской эстетики о врожденности вкуса, считал, что вкус приобретается в повседневной практике. Вкус как эстетическая категория подробно рассматривается и у Вольтера. Он определяет его как способность распознавать прекрасное и уродливое. Идеалом художника является человек, гений которого сочетается со вкусом. Вкус — это не исключительно субъективное качество. Суждения вкуса общезначимы. Но если вкус имеет объективное содержание, то, следовательно, он поддается воспитанию. Разрешение антиномии хорошего и дурного вкуса Вольтер видел в просвещении общества.

Психологические особенности суждений вкуса исследовал английский философ Дэвид Юм. В большинстве своих сочинений (*О норме вкуса, О трагедии, Об утонченности вкуса и аффекта* и др.) он утверждал, что вкус зависит от природной, эмоциональной части живого организма. Он противопоставлял разум и вкус, считая, что разум дает знание истины и лжи, вкус дает понимание красоты и безобразия, греха и добродетели. Юм предполагал, что красота произведения заключается не в нем самом, а в чувстве или вкусе воспринимающего. И когда человек лишен этого чувства, он не способен понимать красоту, хотя бы и был всесторонне образован. Вкус отличается известной закономерностью, которая может быть изучена и видоизменена с помощью доводов и размышлений. Красота требует активности интеллектуальных способностей человека, который должен «прокладывать путь» для правильного чувства.

Чувственные явления, возможно так же рассматривать в теоретическом и практическом освоении действительности. Теоретическая сторона — это теория дизайна, а практическая сторона это внедрение в освоение мира теории дизайна по законам красоты, промышленными средствами. Идеи технической эстетики зародились в середине XIX в. в Англии. Первыми ввели понятие эстетически ценных продуктов, Джон Рескин в своих работах (*Прерафаэлитизм* (1851), *Политическая экономия искусства* (1857) на теоретическом уровне, и впоследствии

Уильям Моррис (работы *Декоративные искусства, их отношение к современной жизни*, 1878; *Вести ниоткуда, или Эпоха счастья*, 1891 и др.) на практическом уровне разрабатывал проблемы эстетики труда, статуса художественной промышленности, дизайна, декоративно-прикладного искусства, эстетической организации производства, способствующей развитию творчества и духовного обогащения.

И.Н.Хазеева
(г.Нижевартовск)

ПРОБЛЕМА КОМПЕТЕНЦИЙ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Отличительные для конца XX — начала XXI века изменения в характере образования — в его направленности, целях, содержании — все более явно ориентируют его на «свободное развитие человека», на творческую инициативу, самостоятельность обучаемых, конкурентоспособность, мобильность будущих специалистов. Однако происходящие в мире и России изменения в области целей образования, соотносимые, в частности, с глобальной задачей обеспечения вхождения человека в социальный мир, его продуктивной адаптации в этом мире, вызывают необходимость постановки вопроса обеспечения образованием более полного, лично и социально интегрированного результата.

В качестве общего определения такого интегрального социально-личностно-поведенческого феномена как результата образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих и выступило понятие «компетенция/компетентность».

Компетенции для ученика — это образ его будущего, ориентир для освоения. Но в период обучения у него формируются те или иные составляющие этих «взрослых» компетенций, и чтобы не только готовиться к будущему, но и жить в настоящем, он осваивает эти компетенции с образовательной точки зрения. Образовательные компетенции относятся не ко всем видам деятельности, в которых участвует человек, например, взрослый специалист, а только к тем, которые включены в состав общеобразовательных областей и учебных предметов. Не существует единого согласованного перечня ключевых компетенций. Поскольку компетенции — это, прежде всего, заказ общества к подготовке его граждан, то такой перечень во многом определяется согласованной позицией социума в определенной стране или регионе.

Если говорить о специфических профессиональных компетенциях музыканта, то, при всем многообразии специальностей, мы полагаем, что за исключением области композиторского творчества, все прочие музыкальные профессии предполагают наличие специальных компетенций двух основных разновидностей:

1. Компетенции в области распознавания и интерпретации музыкального текста (текст \longleftrightarrow музыка (звучание) \longleftrightarrow текст). Компетенции этого рода — распознавание и интерпретация текста — относительно универсальны внутри профессиональной среды и обеспечиваются в большей части (но не единственно) природными слуховыми данными и «знанием и пониманием».

2. Специальные технические (инструментальные) компетенции. Компетенции этого рода специализированы, зачастую — очень узко, и обеспечиваются в большей части (но не единственно) «умениями и навыками».

Рассматривая существующую систему образования в «компетентностном» контексте, необходимо отметить специфическую для художественного образования возможность присутствия у ограниченного круга наиболее талантливых обучающихся «врожденных» или, условно говоря, «интуитивных» компетенций и первого, и второго рода.

Учитывая многообразие форм получения музыкального образования всех уровней в России сегодня, представляется абсолютно необходимым решение задачи разработки единых критериев оценки уровней и качества в сфере музыкального образования. Безусловно, возглавить этот процесс могут и должны ведущие российские музыкальные вузы. Целостная, сквозная, написанная «на языке компетенций» многоуровневая программа музыкального образования — необходимое условие возникновения единого образовательного пространства в России, являющегося необходимой предпосылкой вхождения России в общеевропейскую систему.

Литература

1. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. М., 2005.
2. Казурова А.С. Проблемы Государственного образовательного стандарта высшего профессионального музыкального образования: опыт и перспективы. М., 2004.

М.А.Шевчук
(г.Нижневартовск)

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Понятие «творчество» рассматривается в философской и психолого-педагогической литературе в двух направлениях: в широком — творчество как атрибут материи, творчество природы; и в узком — творчество как атрибут общественной жизни, форма деятельности, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей, творчество как психический акт. В научной литературе понятие «творчество» обычно трактуется как

деятельность, порождающая нечто качественно новое. По Э.Фромму, творчество — это способность удивляться и познавать, умение находить решение в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта.

Определений понятия «творчество» множество, но суть их сводится к тому, что творчество — форма деятельности человека, направленная на создание качественно новых ценностей, осмысление которой, происходит в ней самой. В творческой деятельности Л.С.Выготский выделяет два основных вида:

- воспроизводящая (репродуктивная) деятельность;
- деятельность комбинирующая или творческая.

Поэтому творчество необходимо рассматривать не как особый вид деятельности одаренной личности, а как стиль деятельности любого человека. Из этого следует, что если творчество — природная функция мозга, то творческие способности заложены в каждом человеке и могут быть развиты в результате целенаправленного процесса.

Будучи по своей сущности культурно-историческим явлением, творчество имеет психологический аспект: личностный и процессуальный. Оно предполагает наличие у личности способностей, мотивов, знаний и умений, благодаря которым создается продукт, отличающийся новизной, оригинальностью, уникальностью. Изучение этих свойств личности выявило важную роль воображения, интуиции, неосознаваемых компонентов умственной активности, а также потребности личности в самоактуализации, в раскрытии и расширении своих созидательных возможностей. Для субъекта творчество служит самоутверждением и осуществлением своих планов. Если индивид в обществе не самостоятелен, то осуществляемое творчество — самоутрата. Процесс творчества, осуществляемый под давлением, является для личности ненавистной деятельностью, мукой, а также выражением ее бессилия. На каждом историческом этапе индивид по-своему уникален, что определяет его степень свободы.

В процессе творчества индивид развивается интеллектуально и эмоционально. Английский ученый Г.Уоллес выделил четыре стадии процесса творчества: подготовку, созревание, озарение и проверку. Центральным, специфически творческим моментом считалось озарение — интуитивное схватывание искомого результата. Экспериментальные исследования показали, что интуитивное решение возникает в предметной деятельности, доступной объективному анализу. Существуют три приема технологизации творчества.

1. Технология мозгового штурма.
2. Двигатель интуиции.
3. Сочетание несочетаемого для провоцирования генерации идей.

Стимулом к творческой деятельности служит проблемная ситуация, которую невозможно разрешить традиционными способами. Оригинальный продукт деятельности получается в результате формулирования нестандартной гипотезы, усмотрения нетрадиционных взаимосвязей элементов проблемной ситуации.

Предпосылками творческой деятельности являются гибкость мышления, критичность, способность к сближению понятий, цельность восприятия.

Задатки творческой деятельности, как уже было отмечено, присущи любому человеку. Нужно суметь их раскрыть и развить. Проявления творческих способностей варьируют от крупных и ярких талантов до скромных и малозаметных, но сущность творческого процесса одинакова для всех. Разница — в конкретном материале творчества, масштабах достижений и их общественной значимости.

А.А.Шевчук
(г. Нижневартовск)

СПЕЦИФИКА МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Из всех видов искусств музыка наиболее непосредственно воздействует на восприятие человека. Язык души — принято говорить о музыке именно потому, что она обладает сильным воздействием на подсознательном уровне на область чувств человека, при этом нельзя исключать ее воздействия на область разума. Р.Роллан писал: «Музыка, это интимное искусство, может быть также искусством общественным; она может быть плодом внутренней сосредоточенности и скорби, но может быть порождением радости и даже легкомыслия... Один называет ее движущейся архитектурой, другой — поэтической психологией; один видит в ней искусство чисто пластическое и формальное, другой — искусство непосредственного этического воздействия. Для одного теоретика сущность музыки — в мелодии, для другого — в гармонии... Музыка не умещается ни в одну формулу. Это — песнь веков и цветов истории, который могут взрастить как горести, так и радости человеческие»¹.

Дать одно исчерпывающе точное определение явлению, называемому «музыка» невозможно. Материалом музыки (с точки зрения физической) является звук, возникающий из колебания струны, столба воздуха (принцип духовых инструментов), мембраны — кожи, пузыря, дерева, металла. И с этой точки зрения звуки, так же, как и ритмы — явление самой природы: пение птиц и голоса животных и людей, журчание воды и т.п. Таким образом, через общность звуковой природной среды устанавливается связь со звуковой природой речи человека, с психикой, эмоциональным миром и физиологией человека.

Форма музыки — это организация отдельных звуков, звучаний, интонаций (соотносящихся друг с другом тонов — интервалов) или музыкальных тем во времени. Музыка — искусство временное, разворачивающееся во времени, и ритм есть основной принцип ее временной организации. Характер интонаций, мотивов и тем, их последовательность, смена, менее и более значительные изменения, трансформации, контрастные сопоставления, движение во времени

музыкальных структур — составляют драматургию музыкального процесса, придают ему художественное содержание и художественную целостность.

Музыка — искусство, особый вид творческой деятельности, ремесло, профессия. Искусство — это умение, мастерство, искусность, оно неизбежно связано с понятием ценности, качества, а также, как правило, с понятиями красоты, вдохновенности созданного. Отличие искусства музыкального от других областей нематериальной деятельности есть преобразование духовной жизни общества и человека по законам красоты, создание ценностей нравственно-духовных, способ духовного производства.

Спор о природе и содержании искусства между сторонниками материалистической и идеалистической эстетики затруднителен по отношению к музыке, т.к. музыка из всех искусств, быть может, самое эфемерное создание. Музыкальная содержательность несводима к содержательности других видов искусства, и не может быть адекватно передана каким-либо способом. Специфика музыкального познания и мышления носит не конкретный, не понятийный характер, в музыке проявляется способность сознания сочетать в себе чувственное, психическое, духовно-созерцательное, рассудочно-интеллектуальное, интуитивное, эмпирическое, игровое, интонационно-физиологическое, телесно-моторное, фантазийное и прочие начала. Музыкальные переживания, эмоции не тождественны эмоциям бытовым, первичным. И потому смысл музыкального образца, как художественного творения, во многом сакрален и представляет собой иную реальность.

Современные представления о музыке формируются в мультикультурном пространстве, суммируя знания о различных культурных средах, пластах, традициях, где музыка обязательно имеет место. Используются возможности широкого межкультурного обмена не только собственно музыкальными артефактами, но и духовными ценностями общекультурного порядка, которые затрагивают такие музыкально-процессуальные сферы природы человека, как его способность к чувственно-эмоциональным переживаниям, длительным психическим состояниям, механическому движению и движениям души, к мышлению. Все культурное разнообразие этих процессов, известное сегодня в географическом и историческом пространстве мировых культур и цивилизаций, значительно влияет на современную музыкальную практику, на создание и восприятие музыки и на представления о том, что такое музыка. Очертания новой глобальной культуры выражают стремление к разнообразию музыкальных явлений и их неповторимости в самых различных формах организации человеком проявленных и непроявленных звучаний.

Примечания

¹ Цит. по: Аристархова Л. О чем и как говорит музыка? // Искусство. 1-е сентября. 1999. № 7.

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ДИЗАЙНА НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОКРУЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

На рубеже XIX—XX веков мир переживал технический переворот. В духовной жизни всех общественных классов присутствовало ощущение огромных возможностей новой и непрерывно обновляющейся техники. Причастными к технике являлись как собственники и рабочие предприятий, так и потребители массовой продукции. Промышленный подъем привел к нарушению неторопливого многовекового ритма в развитии предметно — пространственного окружения человека. Зарождался и развивался дизайн на пересечении нескольких видов деятельности: художественно-проектных программ, массовой промышленности, инженерного проектирования и науки. Все эти процессы происходили в странах Западной Европы в XIX—XX веках. В начале XX века художники заняли ведущие посты в ряде отраслей современной промышленности и получили возможность формировать фирменный стиль предприятий и влиять на политику выпуска электротехнических приборов, автомобилей, радиоаппаратуры (деятельность Петера Беренса в компании АЭГ и американской автомобильной фирмы «Форд»). Потребность в дипломированном специалисте в области дизайна привела к возникновению первых школ и методик преподавания дизайна — ВХУТЕМАС в СССР (1920), Баухауз в Германии (1919). Таким образом, во второй половине XX века была подготовлена материальная и теоретическая база для специальных исследований в области истории дизайна. Разнообразие продуктов, приписываемых дизайну, колеблется в зависимости от конкретного источника информации. Большинство дизайнеров относят к дизайну не только промышленные и общественные интерьеры (которые никак не отнесешь к промышленным изделиям), но и выставочную экспозицию, промышленную графику и даже новые системы организации производства, обслуживания и рекламы. Целый ряд дизайнеров и дизайнерских организаций вообще не выполняет проектов промышленных изделий, но это не может быть принято как основание отказать им в праве представлять в системе разделения труда новую профессию. Сегодня дизайн рассматривается как комплексная междисциплинарная проектно-художественная деятельность. Такая деятельность интегрирует естественнонаучные, технические, гуманитарные знания, инженерное и художественное мышление и направлена на формирование на промышленной основе предметного мира в чрезвычайно обширной «зоне контакта» его с человеком во всех без исключения сферах жизнедеятельности. При множестве частных определений дизайна, выработанных в западной литературе, наибольшей четкостью отличается определение, принятое в 1964 году международным семинаром по дизайнерскому образованию в Брюгге: «Дизайн — это творческая деятельность,

целью которой является определение формальных качеств промышленных изделий. Эти качества включают и внешние черты изделия, но главным образом, те структурные и функциональные взаимосвязи, которые превращают изделие в единое целое, как с точки зрения потребителя, так и с точки зрения изготовителя». В XX веке, в более узком, профессиональном понимании «дизайн» стал означать проектно-художественную деятельность по разработке промышленных изделий с высокими потребительскими и эстетическими качествами, деятельность по организации комфортной для человека предметной среды — жилой, производственной, социально-культурной.

Литература

1. Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки (1870—1917). М., 1987.
2. Ковешникова Н.А. Дизайн: история и теория. М., 2007.
3. Рунге В.Ф., Сеньковский В.В. Основы теории и методологии дизайна: учебное пособие. М., 2003.
4. URL: <http://www.sreda.boom.ru/libr/designers/m/libr-300-mack.htm>
5. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
6. URL: <http://antiks.narod.ru/masters.htm>

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ

С.А.Гадзовский
(г.Нижевартовск)

СУБКУЛЬТУРА РЫЦАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Взаимосвязь между правовой и политической культурой Средневековья и влияние на нее рыцарской идеологии основана, прежде всего, на том, что сам мир воспринимался и мыслился людьми в качестве нерасчлененного целого, и все части этого единого мира осознавались не как самостоятельные, отдельные составляющие, а как различные грани этого единого целого и должны нести на себе его отпечаток.

Все существующее восходит к главному регулятивному принципу, составляет стройную иерархию и находится в гармонии с другими элементами космоса. А поскольку главный регулятивный принцип средневекового мира — Бог, который мыслится как высшее благо и совершенство, то и сам мир и все его составляющие части получают нравственную окраску. В средневековой «модели мира» нет этически нейтральных компонентов; все они соотносены с космическим конфликтом добра и зла и тесно увязаны с понятием спасения души. Поэтому и право и политика средневековья связаны, прежде всего, с их моральностью и добротностью, особый, всеобъемлющий миропорядок.

Рыцарская идеология как *часть светской культуры* также тесно связана с нравственностью. В свете, которой даже война мыслится, прежде всего, как средство спасения души, через такие категории, как благородство, бесстрашие, честь и верность своим идеалам. Военные кампании в свете рыцарской идеи рассматриваются в качестве источника «добрых» дел, не бедствия, разрушений и гибели людей.

Нравственная сущность средневекового мировосприятия, средневекового менталитета, в сущности, есть ни что иное, как проявление этого единства и внутреннего родства всех компонентов данного средневековому человеку мира.

Политика и право — это общественные явления, а нравственность и личность — индивидуальное но их связь определяется прежде всего тем, что сам мир воспринимался и мыслился людьми средневековья в качестве единства, следовательно, и все части его осознавались не как самостоятельные, а как части чего-то более значительного. Все существующее восходит к центральному регулятивному принципу, включается в стройную иерархию и находится в гармоническом отношении с другими элементами.

Личность в средние века — это не завершенная система, свойства которой внутренне связаны и нерасторжимы, и не индивидуальность, ценность которой именно в ее особенностях. Главное в средневековой личности — это типическое, похожее. Как следствие, такое качество как сословная связь, становится здесь определяющей в поведении человека, и в восприятии им мира. Нормативность мышления человека и его действия, отражающая его сословную принадлежность и проявляющаяся в культуре права и в политической культуре, особенно видна применительно к институту рыцарства.

Многое в восприятии средневекового человека (право, политика, собственность, богатство, время, труд и т.д.) свидетельствует о полноте бытия, не расчлененного еще рефлексией на части, и не превращенного в отвлеченные категории. Человек еще не стал субъектом и не соотносит все существующее с собой как личностью.

Непосредственность отношения к жизни, органическое ее переживание, целостное мирозерцание — именно таково мироотношение людей в средневековом обществе, — обществе, в котором нет господства вещей над самим человеком, а это означает, что средневековый индивид живет в обществе, не знаящем сколь-либо развитого отчуждения и силе, благодаря которой ему присуща такая мера цельности и нерасчлененности его общественной практики, которая исчезает при переходе к более развитому и дифференцированному буржуазному обществу¹.

Что касается рыцарской правовой культуры, то характерная для всего средневекового общества высокая семиотичность наиболее яркое выражение нашла именно среди рыцарского сословия. Каждый поступок рыцаря, любой предмет, им используемый, одежда и ее цвета, слова, выражения, сам язык на котором он говорит — все приобретает дополнительную значимость. Ритуал и символ служили формами, в которые отливалась общественная практика рыцарства. Обладая максимумом юридической свободы, которая была доступна в эпоху всеобщей зависимости, они тоже не были свободны в выборе своего поведения, и поэтому индивидуальность рыцаря неизбежно выражалась также в установленных формах. Слова Ж.Дюби о том, что феодализм представляет собой специфическую ментальность, установку сознания, специфическую модель мира выражают определенный существенный аспект рыцарской культуры².

Примечания

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 256.

² Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994. С. 128.

ЗЕМЛЯЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ТРАДИЦИОННЫЙ СМЫСЛ И СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Понятие «землячество» имеет два основных значения: 1) отношение между земляками, то есть уроженцами или жителями одной местности и 2) сообщество людей, объединенных таким отношением. Понятно, что отношение землячества уходит корнями в традиционное общество, но актуализируется в моменты разрушения привычного жизненного уклада. Модернизация общества существенным образом преобразует отношения и связи по месту жительства. Многообразие коммуникаций как на межличностном уровне, так и на уровне общественных институтов позволяет говорить о трансформации таких понятий как *землячество* и непосредственно связанного с ним понятия *общность*.

В какой-то степени в трансформированном виде они переносятся на людей, объединенных общим местом работы, учебы, воинской службы и т.д. Тем не менее и традиционный смысл слова продолжает сохраняться, выступая своеобразным индикатором социокультурной ситуации. Ведь в условиях индустриального развития землячество представляет собой особую форму ностальгии. Оно подчас проявляется как достаточно интимный канал связи с «малой родиной», консервируя на новом месте черты закрытых субкультурных групп.

Примером этого может служить новое индустриальное освоение Тюменской области. Оно стало своеобразной проверкой на прочность отношений землячества в экстремальных условиях. Люди, приехавшие сюда на волне добровольного массового порыва, ощущали себя в первую очередь участниками трудового процесса, членами производственного коллектива, наконец, жителями ведомственного поселка... А если и земляками, то лишь по месту рождения или жительства на Большой земле. Понимание того, что отныне они жители определенной местности, пришло позже, когда освоение территории стало ее присвоением и было отмечено особым, внеутилитарным отношением к среде обитания. От этого был уже только шаг до осознания своей социально-территориальной целостности. Формирование региональной общности и стало этим шагом. Одновременно оно явило собой прототип нового вида землячества, сочетающего в себе привязанность к малой родине с перспективной укоренения на новом месте. В подобных условиях землячества внутри региональной общности, с одной стороны, сохраняют ряд традиционных черт (национальных, профессиональных, профессиональных), а с другой, будучи продуктом индустриального освоения, демонстрируют присущие модернизированному обществу нормы поведения, общения, отношения к труду и среде обитания.

Следует сказать и о тех серьезных испытаниях, которым подверглись традиционные формы землячества и общности в постиндустриальном обществе.

Современные информационно-коммуникационные технологии привели к появлению принципиально новых социальных групп. Это кибер, онлайн или виртуальные сообщества. В виртуальном пространстве коренным образом меняется роль *места*. Оно перестает быть локусом, теряет привычный географический смысл. Ведь в виртуальном пространстве важны лишь связи, установленные в прошлом и поддерживаемые в настоящем.

А.К.Горянская
(г.Нижевартовск)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Проблема старения представляет собой новый социальный феномен XX в., особенно последних его десятилетий. Старость становится длительным и значимым этапом индивидуального развития. Нарушение демографического баланса ведет к трансформации экономических, политических и культурных стратегий развития общества в XXI веке.

Изменение социального статуса человека в старости, вызвано, прежде всего, прекращением или ограничением трудовой деятельности, изменениями ценностных ориентаций, образа жизни и общения. Проблема использования свободного времени, отсутствие возможности применять свои знания и умения постоянно волнуют и тревожат пожилых граждан, в связи с этим возникают чувства опустошенности и невостребованности. Эти психологические проблемы, в свою очередь переходят в физиологические, начинают прогрессировать различные хронические заболевания.

Системность решения вышеперечисленных проблем возможна путем внедрения в практику деятельности учреждений социального обслуживания эффективных форм, методов, механизмов комплексной социокультурной реабилитации пожилых людей, способствующей их позитивной социализации и адаптации к новой социальной роли.

Российский опыт культурно-досуговой деятельности освещали М.А.Ариарский, А.Д.Жарков, Т.Г.Киселева и Ю.Д.Красильников, Ю.А.Стрельцов, В.Е.Триодин, В.В.Туев, В.М.Чижиков и др. Проблемами социокультурной реабилитации занимались М.Н.Гуслова, О.Ю.Мацукевич, Ю.С.Моздокова и др.

Под социокультурной реабилитацией в социальной работе понимается комплекс мероприятий, направленный на поддержание оптимальной степени участия индивида в социальном взаимодействии и коммуникации, необходимый уровень культурной компетентности, что обеспечивает ему средства для позитивных

изменений в образе жизни и наиболее полную интеграцию в общество за счет расширения рамок его независимости.

Содержание социокультурной реабилитации составляет целый ряд компонентов, имеющих большое значение для преодоления социальной недостаточности людей пожилого возраста. Досуговая и творческая составляющая связана с организацией досуга для удовлетворения духовных и физических потребностей лиц, обладающих социальной недостаточностью. Коррекционная составляющая предполагает полное или частичное устранение или компенсацию с помощью социально-культурных занятий ограничений жизнедеятельности и развития личности. Лечебно-оздоровительная составляющая рассчитана на использование культурно-творческого фактора для активизации резервных возможностей организма человека — слуховых, зрительных, двигательных, тактильных, создания и поддержания у него положительного психологического фона и через эти механизмы достижения соответствующих благоприятных медико-социальных показателей его здоровья.

В распоряжении специалистов по социокультурной реабилитации должны быть игровые и развлекательно-игровые (подвижные, малоподвижные, театрализованные и др.), художественно-зрелищные, диалогические (показ, рассказ, пересказ, объяснение, иллюстрирование), репродуктивные и творчески развивающие (тренинг, импровизация), обучающие (упражнения, повтор), проблемно-поисковые, информационные и другие технологии.

Культурно-досуговая деятельность пожилых людей включает в себя: занятия художественным, прикладным, техническим творчеством; участие в праздниках, обрядах, конкурсах, фестивалях; спорт, активное движение, экскурсии; деловые, коммерческие, логические, интеллектуальные игры и занятия; спокойный пассивный отдых (чтение, просмотр телепередач, слушание радио) и др.

Таким образом, социокультурная реабилитация, обладающая огромным багажом форм и методов культурного развития личности и социализирующего воздействия на нее, способна оптимизировать жизнедеятельность людей пожилого возраста, стимулировать их интеллектуальную и физическую активность, развивать творческие способности.

С.Г.Гутова
(г.Нижнеартовск)

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Влияние времени, обстоятельств и критических, поворотных событий в жизни человека приводит к изменениям, распространяющимся даже устоявшиеся личностные характеристики. Поэтому социально-экономические трансформации,

происходившие в нашей стране в последние два десятилетия, не могли не повлиять на многие, казавшиеся ранее стабильными, представления мужчин и женщин о себе. Идентичность человека изменяется в течение всей его жизни, так как расширяется спектр знаний о себе, полученный в результате взаимодействия с другими людьми, меняется стиль жизни, модифицируются социальные роли. Особенно это ярко проявляется в молодежной среде.

Гендерная идентичность является одной из важнейших и, наряду с этнической, наиболее стабильной среди всех форм социальной идентичности человека. Жесткая заданность женских и мужских внутрисемейных ролей ломается под напором всеобщих демократических преобразований в обществе. Так в частности, овладев новыми социальными ролями, молодые девушки стали реализовывать в своей деятельности, по преимуществу, во взаимоотношениях с окружающими те комплексы качеств, которые традиционно считались присущими мужскому полу: аналитический ум, напористость, соревновательность, лидерские способности, агрессивность и др. Весь этот набор качеств вступает в противоречие с тем идеалом традиционной женственности, который культивировался в обществе долгие годы. Подобные преобразования происходят и среди молодых людей. Невозможность выполнять полноценно роль соответствующую маскулинному идеалу, приводит их к более гибким формам самореализации, часто ориентированную на женскую модель поведения. Так возникает одна из важнейших проблем в среде современной молодежи — поиск своего места в социуме и связанная с этим необходимость борьбы с традиционными, навязываемыми доминантной культурой общества, гендерными стереотипами. Так как развитие и трансформация идентичности предполагает формирование представлений человека относительно его положения в социуме, то имеет смысл обратить внимание на специфику социализации молодежи в обществе с меняющимися ценностями.

Рассматривая вопрос о трансформации гендерной идентичности, нельзя не затронуть более широкомасштабную проблему личностных изменений. Ускорение процессов изменений, происходящих в социуме в XXI веке неизбежно, поэтому, чтобы сохранить психологическое здоровье, человек также должен постоянно меняться, достигая соответствия между идентичностью и задачами развития в данной биографической и социальной ситуации.

Изменение в представлении о себе как о мужчине или о женщине в социально-психологическом контексте входит составной частью в теорию социализации. Правда, именно в гендерном аспекте социализация не готовит человека к возможным изменениям и трансформациям. Если о формировании, развитии, саморазвитии в процессе обучения и воспитания говорится неоднократно, а также создаются условия для определенных изменений, то не секрет, что в обыденном сознании все, так или иначе связанное с полом, выглядит как неизменное и predetermined «биологией».

Изменение гендерных взаимоотношений происходит не равномерно и неодновременно. В различных социальных слоях общества оно осуществляется по-разному. Влияние на поведение молодежи, наиболее активно как раз происходит именно через изменение гендерных стереотипов и навязывания таких ценностей, которые бы соответствовали современным демократическим преобразованиям. Это в первую очередь — свобода, мобильность, новаторство, самодостаточность, ориентированность на карьеру. Изменение гендерных ролей в обществе, связано с переходом от одних стереотипов поведения к другим, от жестких ко все более гибким.

Важность подобной постановки проблемы заключается в том, что гендер — это не всегда явные ценностные ориентации и установки, он еще способен выполнять функцию описания и оформления социальной реальности в целом. Смысл становления гендерного процесса в современности состоит в том, что пол обретается и молодежь это хорошо осознает. Возможность гендерного выбора приводит к серьезным конфликтам в различных сферах жизни: семейной, экономической, социальной и политической сферах

Но образы «женственности» и «мужественности», созданные в предшествующий период, вступают в резкое противоречие с новыми гендерными ролями и статусами, формирование которых наблюдается в современном обществе. Особенно это касается девушек, мечущихся между желанием сохранить требуемый мужчинами феминный образ и желанием приобрести востребованные в андроцентрическом социуме маскулинные черты. Ведь для достижения успеха, как в профессиональной, так и семейной сферах, ей приходится бороться и с окружающими, и с самой собой, и с базовыми в традиционной гендерной социализации стереотипами.

Особое внимание становлению гендерной идентичности уделяют средства массовой информации, реклама. Молодежь здесь представлена в очень узком диапазоне и это сталкивает восприятие повседневной реальности с тщательно подбираемыми СМИ искусственными образами. В результате такой пропаганды — самореализация становится более важной, чем благополучие общества. Тем не менее, количество молодых людей, не спешащих вступать в брак, рассматривающих семейный союз как помеху в успешной карьере, растет с каждым годом.

Культурная инерция в восприятии образов мужчины и женщины, их ролей во многом обуславливает противоречивость и неоднозначность взаимных ожиданий современных юношей и девушек, что чаще всего вызвано проблемами в выстраивании гендерной идентичности. Живя «здесь и теперь», женщины и мужчины не свободны от древних архетипов «мужского» и «женского» (пока они не выведены на уровень сознания и не проверены на собственном опыте). Но когда речь идет о тех стереотипах, которые могут быть отнесены к наиболее древним, стабильным и «стержневым» для любого человека, существующего в дихотомическом пространстве двух полов, требуются изменения и в личном, и в общественном сознании. Ломка же старого и трудности в усвоении нового опыта

по глубине и распространенности, представляет собой одну из главных проблем современного человека, и психологически она затрагивает самые глубокие основания его развития.

Рольевые конфликты всегда имели широкое распространение во всех сферах жизнедеятельности человека. В переходную же эпоху многие роли трансформировались, добавились новые, нетрадиционные для нашего общества роли (например, женщина-предприниматель, мужчина-домохозяин, муж и жена во «встречающейся» семье и т.д.). Усиление ролевой неоднозначности привело к росту противоречий между ролями. В современном обществе ярко проявился конфликт между половыми и социальными ролями в последнее время развивается конфликт между реальными внутрисемейными ролями, традиционными гендерными стереотипами и социальными ожиданиями в отношении этих ролей.

***В.Я.Деятов**
(г.Нижневартовск)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Россия находится в самом начале пути интеграции в европейское пространство. Опыт других стран показывает, что модернизация осуществляется лучше всего тогда, когда экономические, политические и социальные реформы основываются на ценностях, близко привязанных к национальной культуре. Реформы легче воспринимаются народами в контексте традиционных ценностей.

Перспективы модернизации и демократизации в значительной степени зависят от состояния сознания народа, от степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это достигается в результате длительного исторического опыта¹.

Д.В.Гудименко отмечает, что проблема эволюции политической культуры современной России сводится к тому, сможет ли страна построить достойную демократическую систему или же перевесят авторитарно-монархические и тоталитарные традиции, и она вернется на путь, обусловленный ее политико-культурным генотипом. Демократические обычаи не имеют в России глубоких корней, а сами интенции выстроить здание демократии в России опираются на заимствование западных идей. Попытки перенести западные формы жизни на российскую почву могут привести не к действительной демократизации общества и государства, а к превращению демократии в фикцию. Ясно, что демократия не сводится лишь к внешним признакам: регулярные выборы, многопартийность, парламентаризм и т.п. Подобные атрибуты имели и многие диктатуры, особенно в «третьем мире». С другой стороны, развитие рыночных отношений и

частной собственности отнюдь не гарантирует автоматически политическую демократию, феномен капитализма в условиях диктатуры хорошо известен на примере Латинской Америки².

Не следует замыкаться на собственной самобытности и уникальности, необходим диалог с представителями других культур. Добавим, что тождество российской и западной политико-правовой культуры недостижимо, однако возможно их сближение на основе идеи законности, которая является общей для всех правовых культур. Россия должна обозначить свою позицию в дискуссии о современных ценностях. Нам необходимо найти соотношение между свободой личности и такими понятиями, как достоинство, справедливость, традиции нации, государства, т.е. соотношение либерального и традиционного. Для России важно сохранить свой культурный, исторический, духовно-нравственный облик в условиях европейской и мировой интеграции. Игнорирование особенностей национальной политико-правовой культуры — причина неудач многих современных реформ.

На наш взгляд, перспективы формирования демократической политической и правовой культур в России определяются двумя задачами: во-первых, возможностью преодоления факторов воспроизводства авторитарно-патриархальной политико-правовой культуры, созданием условий для ее постепенного отмирания; во-вторых, отходом от ориентации на западную политико-правовую культуру, с ее технической цивилизацией и потребительской личностью и выбором направления нравственно-преобразовательных усилий на внутренний мир, на систему ценностей и приоритетов современной России.

Примечания

¹ Гаджиев К.С. Проблема модернизации и политической демократии // Политическая культура: теории и национальные модели / отв. ред. К.С.Гаджиев. М., 1994. С. 32—33.

² См.: Гудименко Д.В. Политическая культура России // Политическая культура: теории и национальные модели. С. 313—349.

А.С.Думрауф
(г.Нижневартовск)

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

По мнению С.Болл–Рокич и М.ДеФлюер, можно говорить о следующих результатах воздействия на индивидуальное и массовое сознание: поведенческий эффект, активация (провоцирование тех или иных действий), деактивация (прекращение некоторых действий), эмоциональный эффект — влияние на страсти человека, появление страха и отчуждения, познавательный (когнитивный)

эффект, включающий разрешение неопределенности (посредством массовой коммуникации поставляется дополнительная информация, позволяющая составить представление о новых, неоднозначных явлениях и процессах); формирование установок, т.е. системы когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций в отношении объектов внешней среды (физических, социальных, политических и др.); задание набора обсуждаемых людьми тем; распространение новых систем мнений (идеологических, религиозных, экономических); уточнение ценностных ориентаций населения¹.

Массовая коммуникация оказывает формирующее и закрепляющее воздействие на социальные стереотипы (схематичные и упрощенные представления о социальных объектах, широко распространенные в обществе). Стереотипы могут касаться других национальностей, классов, групп и т.п. Восприятие чужой группы через стереотип имеет две стороны: позитивную (стереотип дает относительно быстрое знание, позволяет отнести группу к более широкому классу явлений) и негативную (наполнение стереотипа негативными характеристиками приводит к формированию межгрупповой враждебности). Существование стереотипов также может влиять на формирование общественного мнения.

Пользуясь градацией, предложенной А.Моулз можно выделить такое понятие как эстетическая информация, которая в отличие от семантической информации не подчиняется общим законам логики. Семантическая информация настраивает людей действовать в соответствии со своими убеждениями и интересами. Семантическая информация в открытую побуждает человека к определенным действиям. Она обращена к логике и здравому смыслу человека. Эстетическая информация, исходящая от средств массовой информации, не столько отражает реальное положение вещей, сколько вызывает у аудитории определенные душевные состояния, реакции и эмоции².

Массовую коммуникацию стоит рассматривать в качестве социального явления, основной функцией которого является воздействие на аудиторию через смысловую и оценочную информацию, которая передается по каналам СМК, но также и механизм актуализации информации при помощи различных коммуникативных средств. Существуют общие условия необходимые для функционирования средств массовой коммуникации³. К ним, по мнению Л.Н.Федотовой, можно отнести условия:

а) Аудитория является необходимым условием для функционирования средств массовой коммуникации, без нее само существование СМК теряет всякий смысл. Под аудиторией понимается совокупность индивидов, характеризующаяся неоднородностью, анонимностью, рассредоточенностью. Аудитория — это индивиды, включенные в сеть реальных общественных отношений и связей. При помощи средств массовой коммуникации аудитория поддерживает отношения не только внутри своей социальной группы, но и с более широкой социальной средой.

б) Социальная значимость передаваемой информации, т.е. содержание информации, передаваемой по средствам массовой коммуникации, оказывает большое влияние на массовую аудиторию в самых разнообразных формах. «Надо отметить, что теперь средства массовой информации сами способны формировать и культивировать социальные запросы аудитории». Наряду с социальной актуальностью смысловой информации большое значение имеет оценочная информация. Получатель информации вольно или невольно ожидает оценочную информацию, которая во многом способствует формированию общественного мнения.

в) Наличие технических средств, которые должны обеспечивать регулярность и тиражированность массовой коммуникации. У аудитории есть возможность заполнить окружающий мир информацией, поступающей из средств массовой коммуникации, в этом прежде всего заслуга технических возможностей средств массовой коммуникации.

Телевидение — наиболее популярный источник информации для аудитории. Складывается ощущение, что телеэкран занял освободившуюся нишу после спада печатного бума. Именно телевидение сегодня является основным инструментом политического влияния на аудиторию в силу объективных технических качеств.

Б.Дубин отмечает, что в постсоветской России «стандарты оценок, составляющих смысловое ядро общественного мнения, в преобладающей степени формируют и поддерживают не отдельные авторитетные лидеры и группы (журналы или газеты типа «Литературной», «Культуры» и т.п., исполняющие функцию группового сплочения, органа межгрупповых связей), а анонимные коммуникативные каналы, телевидение как организация. А это уже совсем другая композиция общества, другая система коммуникаций в нем, иное устройство культуры»⁴.

Эстетика телевидения воплощает в себя два принципа: мозаичность и резонанс. «Человек может контролировать, «фильтровать» сообщения, которые он получает по одному каналу, например, через слово и через зрительные образы. Когда эти каналы соединяются, эффективность внедрения в сознание резко возрастает — «фильтры» рвутся. Текст, читаемый диктором, воспринимается как очевидная истина, если дается на фоне видеоряда — образов, снятых «на месте событий». Критическое осмысление резко затрудняется, даже если видеоряд не имеет никакой связи с текстом»⁵.

Давно было сформулировано такое правило: «Сообщение всегда должно иметь уровень понятности, соответствующий коэффициенту интеллектуальности примерно на десять пунктов ниже среднего коэффициента того социального слоя, на который рассчитано сообщение»⁶.

Разделение целостной проблемы на отдельные фрагменты — так, чтобы читатель или зритель не смог связать их воедино и осмыслить проблему — одна из особых и важных сторон упрощения. Это — фундаментальный принцип

мозаичной культуры. Дроблению служит множество технических приемов: статьи в газете разбиваются на части и помещаются на разных страницах, текст или телепередача разбиваются рекламой.

Одним из условий успешной и как бы оправданной фрагментации проблем является срочность, немедленность информации, придание ей характера незадолгожданный и неотложности сообщения. Считается, что нагнетаемое ощущение срочности резко усиливает их манипулятивные возможности. Г.Шиллер пишет: «Ложное чувство срочности, возникающее в силу упора на немедленность, создает ощущение необычайной важности предмета информации, которое также быстро рассеивается»⁷.

К негативным последствиям можно отнести формирование у аудитории потребности в немедленном удовлетворении собственных желаний и потребностей, а также ослабление навыков чтения и снижение творческого потенциала.

Массивное воздействие массовой коммуникации может отрицательно влиять на качество межличностного общения. Мультфильмы, с их быстрой сменой визуальных и аудиальных стимулов, особенно привлекают внимание детей и способны существенно уменьшить межличностные контакты. Герои теле- и видеофильмов некоторым людям в какой-то мере заменяют семью. Погружение в «дневные сны» телефильмов позволяет скрыться от проблем и трудностей реальной жизни, что усугубляет социальную дезадаптацию, усиливает одиночество⁸.

Насилие в средствах массовой информации встречается крайне часто. Просмотр агрессивных фильмов, как правило, вызывает агрессивное поведение. Влияние насилия в СМИ на агрессивность людей опосредуется множеством промежуточных переменных. К ним относятся: особенности реципиента (пол, возраст, отношение к агрессии); степень социальной и познавательной зрелости телезрителя; контекст, в котором предстает акт насилия (манера подачи, жанр передачи); особенности внешней среды (возможности социального контроля, семейные отношения).

Массовая коммуникация оказывает не только негативное влияние на массовое и индивидуальное сознание. Она может противодействовать этническим и половым стереотипам. К ее позитивным результатам относятся и повышение осведомленности, любознательности, улучшение речевых навыков. Массовая коммуникация способствует возрастанию великодушия, дружелюбия, кооперации и сдержанности, строгому соблюдению социальных норм, а также уменьшению тревоги и страхов.

Примечания

¹ Гурьев Д.В. Загадка происхождения сознания. М., 1997.

² Ершов В.В. Современное общество и коммуникативная семантика. Томск, 1998.

³ Федотова Л. Н. Социология Массовой Коммуникации. СПб., 2004.

⁴ Pro et Contra. М., 2000. Т. 5. № 4. С. 40.

⁵ Коренной А.А. Информация и коммуникация. Киев, 1986.

⁶ URL: <http://www.edulib.ru>

⁷ Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В.Осипова. М., 2003.

⁸ Моль Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.

А.А.Клименко
(г.Нижневартовск)

КОРПОРАТИВНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В современной литературе, посвященной изучению культуры компании, понятие «корпоративная культура» зачастую употребляется наряду с понятием «организационная культура». Вопросы культуры предприятия впервые целенаправленно начали изучаться в крупных американских корпорациях, и в то время этот термин звучал как «corporate culture», или культура корпорации. Но, поскольку культура свойственна не только крупным корпорациям, возник термин «организационная культура». Наличие большого множества разнообразных и зачастую противоречивых определений терминов «корпоративная культура» и «организационная культура» создает дополнительные трудности для познания и практики.

Еще в 1952 г. Э.Джакус¹ рассматривал культуру организации как вошедший в привычку, ставший традицией образ мышления и способ действия, который в большей или меньшей степени разделяют все работники предприятия и который должен быть усвоен и хотя бы частично принят новичками.

Четкое разграничение понятий «организация» и «корпорация» представляется нам достаточно важным, поскольку различие между производными от них понятиями «организационная культура» и «корпоративная культура» является принципиальным. Соотношение данных понятий в настоящее время считается вопросом дискуссионного характера. Существует несколько подходов к данной проблематике. Сущности структуры и типологии корпоративной и организационной культур, их особенностям и диалектике взаимодействия, месту и роли в управлении посвящены работы М.Альберта, О.С.Виханского, А.И.Кравченко, И.Х.Мескона, Б.З.Мильнера, А.И.Наумова, В.И.Франчука, В.В.Щербины и др. Главное внимание в них уделялось анализу природы организаций, организационных процессов, влиянию внутренней и внешней среды на функционирование организаций, методологии их анализа. Другие авторы в своих определениях делают акцент на ценностях компании как важной составляющей культуры предприятия. А.А.Беленкова определяет корпоративную культуру компании как «набор наиболее важных положений, а именно: ценностей, ориентиров поведения и действий»². По предположению С.Седун³, корпоративная культура может целенаправленно создаваться без учета организационной культуры, которая

является неформальной системой, приводит к «культурной близорукости», когда менеджеры не понимают причину не разделения персоналом ценностей корпорации. Согласно Л.Смирнич, существующие определения корпоративной культуры можно объединить в три подхода: 1) культура как независимая внешняя составляющая, внесенная в организацию извне; 2) культура как внутренняя составляющая организации; 3) культура как суть организации⁴.

Таким образом, несмотря на множество схожих моментов, корпоративная культура в отличие от организационной, существует как отдельный пласт — это культура на уровне ценностей бизнеса, на уровне ценностей предпринимательства. Корпоративная культура направляет, в случае управления корпорацией, организационную культуру, которая формируется во всех типах организаций.

Примечания

¹ Jaques E. The Changing Culture of Factory. New York: Dryden Press, 1952. P. 251.

² Беленкова А.А. Простой пиар. М., 2006. С. 168.

³ Седун С. Миссия профессионала (Работник в роли философа. Рассуждения консультанта по созданию индивидуальной персональной миссии) // Управление персоналом. 1999. № 12(42). С. 53—56.

⁴ Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М., 2002. 224 с.

И.А.Кнелъц
(г.Сургут)

КУЛЬТУРА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ

Культура представляет собой синтез многовекового развития человечества, начиная с самых древних времен. Она кристаллизирует социальный опыт человечества, отбирая и сохраняя самые ценные его достижения. В «снятом» виде в ней содержится и история общественного сознания, которое представляет собой «сиюминутный» срез, включающий в себя великие и ничтожные идеи, взгляды и представления, и кратковременные вспышки общественных настроений, и многообразные социальные чувства и т.д.¹ Люди взаимодействуют друг с другом не случайным образом. Они являются членами определенных социальных групп, занимают определенные статусные позиции. С другими людьми они вступают в отношения, соответствующие этим позициям. Эти отношения более или менее устойчиво воспроизводятся в процессе функционирования общества. Изменение социального статуса индивида неизбежно влечет за собой изменение характера его отношений с другими людьми и органами власти. Социальные изменения предполагают изменение всей системы взаимоотношений в этой сложной конструкции социальных связей и взаимодействий².

В нашей работе под отношением мы понимаем, прежде всего, эмоционально-волевую установку личности на что-либо, то есть выражение ее позиций³.

Культура взаимоотношений органов власти и населения — это в первую очередь взаимодействия власти и населения, которое предполагает знание субъектом объекта. Со стороны населения — это, прежде всего, минимальные и необходимые знания о структуре и компетенции государственной власти той страны, в которой будет осуществляться интеракции; знание порядка и форм обращений для успешной реализации своих прав. В соответствии с действующим законодательством большинство прав в РФ носят заявительный характер, например: социальные льготы и гарантии.

Со стороны органов власти — умение создать такие открытые и прозрачные требования и составить формы, которые будут понятны любому заявителю, это толерантное отношение всех сотрудников органов власти к заявителям, уважение их человеческого достоинства. Это формирование общественного мнения, и в первую очередь через СМИ, хотя не стоит пренебрегать и таким методом, как «личный опыт», о чиновнике не как о «враге народа» (в настоящее время, именно так СМИ, особенно центральные, позиционируют работников государственных органов, что влечет за собой рост недоверия населения не только к чиновникам, но и к самим СМИ, так как многие заявители, которые имеют свой собственный опыт общения с чиновниками, зачастую не считают этот опыт негативным), а как о компетентном представителе государства, который призван помогать, и помогает гражданам реализовывать их права. Государственные органы, имея все на это полномочия, должны постараться преодолеть распространенное осознание людьми своей беспомощности, крайне ограниченных возможностей отстаивать свои права и интересы открытым, публичным и формальным образом, через стимулирование к созданию правозащитных организаций, публичных семинаров и лекций для населения по правовым вопросам. Например, в городе Сургуте МУ «Наше время» на базе Территориальных общественных советов самоуправления, в разных районах города реализует проект по правовому сопровождению деятельности ТСЖ (проводит бесплатные лекции и тренинги для населения).

Культура взаимоотношения органов власти и населения напрямую зависит от уровня общей культуры, включающей в себя элементы правовой и политической культуры, как населения, так и представителей органов государственной власти, при условии, что данные культуры в основной своей сути не противоречат и не имеют взаимоисключающих элементов друг друга.

Примечания

¹ Коган Л.Н. Социология культуры: Учеб пособие. Екатеринбург, 1992. С. 83.

² Словарь терминов Социология. URL: <http://www.slovvari.info/sociology/27.html>

³ Российская социологическая энциклопедия / Под общей ред. академика РАН Г.В.Осипова, 1998. URL: <http://voluntary.ru>

ТРЕНИНГИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Воспитание в духе толерантности не ограничивается усвоением понятий «толерантность» и «толерантная личность». Через развитие таких составляющих толерантности как: эмпатия, доверие, воображение, сочувствие, сопереживание — раскрывается суть «инаковости», отличности от других. Занятия тренингов посвящены формированию у молодежи толерантности по отношению к самим себе, в первую очередь, чувства собственного достоинства и способности к самопознанию. Участники группы должны осознать, что позитивное отношение к себе является важнейшим элементом толерантности в целом, сосуществует с положительным отношением к окружающим и доброжелательным отношением к миру.

Кроме того, в тренингах также ставится важная проблема «границ» толерантности. В мире существуют группы людей, которые, с одной стороны, отражают многообразие жизни, но, с другой стороны, нередко воспринимаются большинством как антисоциальные явления. Преступники, представители сексуальных меньшинств, наркоманы — все эти люди, несомненно, являются «иными» в нашем обществе. Как относиться к ним? Должна ли толерантность быть безграничной, а мы — терпимыми и снисходительными в таких случаях? В связи с этим возможна еще одна позиция. Можно жить, как бы не замечая этих фактов, равнодушно проходя мимо них. Будет ли подобное отношение толерантным? Или толерантным будет активное противодействие их распространению? Таким образом, проблема границ толерантности — это еще и вопрос о границах между толерантностью и безразличием, конформизмом, равнодушием.

Важной целью тренингов является формирование у молодежи способности активно защищать права человека, выражать протест против любых форм дискриминации. «Я, Мы и Другие» — это тренинг, направленный на профилактику и преодоление социально опасных форм ксенофобии по отношению к людям другой расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. В тренинге прививается осознание того, что все люди рождаются равными в достоинстве и правах, что каждый человек имеет право на самоопределение.

Программа тренинга «Позволь другим быть другими» посвящена профилактике и преодолению одной из относительно новых форм ксенофобии в нашем обществе — мигрантофобии. Ее специальная цель — формирование установок толерантного сознания и норм толерантного поведения в отношении одной из наиболее незащищенных и уязвимых групп российского общества — вынужденных мигрантов. Участники тренинга знакомятся с проблемой вынужденной миграции и причинами миграции, механизмами формирования стереотипов и

предубеждений, приходят к осознанию многообразия общества и наличия в нем социально уязвимых групп и пониманию условности выделения групп и границ между группами.

Тренинг межкультурной коммуникации и компетентности «Я и мой народ» направлен на развитие у участников черт мультикультурной личности, позволяющих человеку успешно контактировать с представителями любой культуры, отличающейся от его собственной. Задачами тренинга являются: развитие представлений о культурном многообразии мира, осознание и лучшее понимание особенностей своей культуры, своих корней и истоков, стимулирование интереса к изучению других культур, традиций и обычаев других народов, знакомство с феноменом этноцентризма, формирование толерантных установок по отношению к людям других культур, рас и национальностей, профилактика социально опасных форм ксенофобии.

Литература

1. Век толерантности. Научно-публицистический вестник. Под ред. А.Г.Асмолова, Г.У.Солдатовой. Москва, 2001—2004.
2. Г.У.Солдатова, Л.А.Шайгерова, А.В.Макарчук, О.Е.Хухлаев, А.И.Щепина. Позволь другим быть другими: тренинг толерантности для подростков. М.В.Ломоносова, 2002

А.В.Лайтер
(г.Нижневартовск)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯНОФИЛОВ

Славянофильство как одно из главных направлений политической и философской мысли 40—50-х гг. XIX в. оставило заметный след в духовной истории страны. Славянофилы создали социологическую и философскую концепции, в которых придали своеобразную форму русскому национальному самосознанию. Славянофильство — первая попытка русского национального самосознания, первая самостоятельная идеология. Тысячелетие продолжалось русское бытие, но русское самосознание начинается лишь с того времени, когда Иван Киреевский и Алексей Хомяков с дерзновением поставили вопрос о том, что такое Россия, в чем ее сущность, призвание и место в мире. Оригинальность идей славянофилов была связана с тем, что они пытались осмыслить своеобразие восточного, православного типа христианства, легшего в основу русской истории. Они поставили проблемы России и Запада, особого пути России, общины и государства, положили основание русской религиозно-идеалистической философии второй половины XIX в.

В сочинениях идеологов славянофильства можно найти определенные ответы на вопрос о смысле права и государства, на вопрос о подлинной сущности

русского самодержавия. Правда, исчерпывающе развить свою точку зрения славянофилам было в достаточной степени трудно. Ведь эпоха расцвета их деятельности совпала с тяжелыми для русской общественной мысли временами николаевского царствования. Та концепция самодержавия, которую защищал кружок Хомякова, имела весьма мало общего с видами тогдашнего правительства. Лишь лозунг звучал одинаково. Но тем опаснее являлась пропаганда славянофилов в глазах официальных представителей русской государственности.

При изучении всех материалов работ славянофилов нетрудно уловить некоторые различия между взглядами отдельных представителей славянофильства на проблемы русского государственного строя. У каждого есть свои оттенки мысли, свои индивидуальные особенности. По вопросам второстепенного значения встречаются порой и определенные разногласия. Но, несмотря на все это, в главном, в основном, царит несомненное «школьное» единство.

Право, как явление самостоятельное, решительно отвергалось славянофилами.

Они считали, что русский народ живет или, по крайней мере, стремится жить не по правилам правового общежития, так называемым законам внешним, формальным, юридическим, а по требованиям религиозно-нравственных законов, в духе общины, мирской соборности, правды внутренней. «Даже самое слово право, — утверждал И. Киреевский, — было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду»¹.

«Закон нравственный, внутренний, — писал Константин Аксаков, — требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтобы поступок был нравственный по понятиям закона, вовсе не заботясь, нравственен ли сам человек, и откуда истекает его поступок. Его цель — устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку, чтобы и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства»².

Государство славянофилы рассматривали как «необходимое зло», «неизбежную крайность», как «постороннее средство, а не цель, не идеал народного бытия». По их мнению, христианство, указало человеку и человечеству высшее призвание вне государства, низвело государство на низшее, подобающее ему место. Принуждение само по себе греховно и, в сущности, недостойно человека: «нравственное дело должно и совершаться нравственным путем, без помощи внешней принудительной силы»³. Лишь ради слабости и греховности людской необходим закон внешний, необходимо государство, — власть от мира сего; но призвание человека остается все то же, нравственное, внутреннее.

Запад, верный преданиям римской империи, пошел по пути отвлеченной государственности. Постепенно отрекавшиеся от высших запросов духа, народы там непосредственно соприкасаются с государственными заботами, целиком

уходят в них. На первом плане национальной жизни там стоят проблемы государства, политического строительства. Запад всецело проникнут идеями внешней правды, и во имя их оставляются в стороне заветы правды внутренней. Идеал русского народа совершенно иной. «Русский народ, — утверждал К. Аксаков, — есть народ не государственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия». Дела государственные по существу ему чужды, слишком мелки они для него. «Не желая править, народ наш желает жить, разумеется, не в одном животном смысле, а в смысле человеческом. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, — народной жизни внутри себя... Он помнит слова Христа: воздайте Кесарево Кесареви, а Божия Богу, и другие слова Христа: Царство Мое несть от мира сего, и потому, предоставив государству царство от мира сего, он, как народ христианский, избирает для себя другой путь, — путь к внутренней свободе и духу, и царству Христову: царство Божие внутри вас есть. Государство же «опирается не на страх Божий, а на страх земной кары, которым смиряет одинаково и христиан и язычников»⁴.

Чтобы «научно» обосновать свои мысли об отношении русского народа к принципу государственности, идеологи славянофильства обращались к истории русской культуры и в ней черпали подтверждение истинности своих идей. Так, всматриваясь в древний быт славян, К. Аксаков увидел в первоначальной славянской общине столь соответствующий славянофильским мечтаниям «нравственный хор», «союз людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом, и отсюда обычаем общественным»⁵. И лишь горькая, но повелительная необходимость защиты от внешних врагов заставила эту общину прибегнуть к созданию государства, организации внешнего закона.

На венец царя, славянофилы смотрели, как на своего рода мученический венец, жертвенный символ самоотречения. Славянофилы настойчиво подчеркивают, что по внутренней своей природе русское самодержавие — не западный абсолютизм и не азиатский деспотизм. Становясь тем или другим, оно извращает свою природу.

Русский царь не может противопоставлять себя народу: ведь его бытие основано исключительно лишь на желании народа властвовать.

При самодержавии народ свободен. Он всецело предоставлен самому себе. Он не вмешивается в область правительственной власти, но и, в свою очередь, правительственная власть должна уважать его внутреннюю жизнь. Отношение безвластного народа к полновластному государству должно заключаться в общественном мнении. Славянофилы, считали, что самодержавие неразрывно связано с полной и широкой свободой общественного мнения.

Иван Аксаков прославился в русской публицистике шестидесятых и восьмидесятых годов своей смелой и яркой защитой идеи внутреннего общественного самоуправления, свободы совести, мысли и слова, своим принципиальным

протестом против смертной казни. Во имя славянофильских начал он обличал фактические несовершенства русской жизни, пороки русской власти. Во имя истинного самодержавия он боролся с искаженным, лживым его подобием.

Конечно, славянофилы понимали, что их философия русского самодержавия — это лишь философия идеи, начала, внутренне заложенного в русскую жизнь, — в качестве идеала, перед нею стоящего. Разумеется, этот идеал никогда не воплощался целиком, жизнь всегда была ниже его, но важно то, что она всегда к нему стремилась и тяготела. Здесь уместно вспомнить слова Ф.М.Достоевского, — «Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает; судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем он желал бы стать»⁶. Даже К.Аксаков, при всем своем «максимализме», признавал, что ни в одном обществе нет истинного христианства. Но, — прибавлял он, — христианство истинно, и христианство есть единый истинный путь. Этот путь христианства, по убеждению славянофилов, — лег в основу русской жизни.

Славянофилов часто упрекали и упрекают в идеализации истории России и желании восстановить старое. Эти упреки совершенно несправедливы. Они прекрасно понимали, что возврата к прошлому нет, история не может пойти вспять, что, например, изменения, происшедшие вследствие петровских реформ, носят необратимый характер. Они проповедовали не возврат к прошлому, а восстановление жизнеспособных начал российского общества в изменившихся условиях.

Пусть отжило свой век конкретное содержание практических славянофильских упований, пусть умерла и истлела историческая плоть, оболочка славянофильской доктрины, — но дух ее, ее идейное зерно, ее «субстанция» пребывает, являя собою характернейший и творческий элемент русской культуры.

Пусть дотла опровергнута жизнью романтическая концепция самодержавия, — но, ведь, не она — главное в политическом и правовом мирозерцании славянофильства.

Две идеи были основоположными в славянофильском мирозерцании, — идея непререкаемого преобладания духовных начал над внешними формами культурно-исторического бытия и идея своеобразия духовного лика и исторических путей России.

Обе эти идеи — прочное достояние русской политической и правовой культуры, русской культурной традиции.

Примечания

¹ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 115.

² Аксаков К.С. Собрание сочинений. М., 1989. Т. 1. С. 56.

³ Там же. С. 12.

⁴ Аксаков К.С. «Записка». М., 1996. С. 24—29.

⁵ Аксаков К.С. Собрание сочинений. М., 1989. Т. 1. С. 58, 279.

⁶ Цит. по: Бердяев Н. «Мирозерцание Ф.М.Достоевского». М., 1997. С. 14.

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Будучи сосредоточенной на проблемах государственной и правовой жизни, философия права накапливает свой комплекс знаний в течение долгого времени под прессом экономических, политических, культурных детерминант той или иной страны, что позволяет обнаружить в этой науке не только общенаучные, общефилософские мировоззренческие характеристики, но и национальные особенности, порожденные культурно-исторической средой. Изначально возникнув в лоне нерасчлененного знания, отечественная философско-правовая теория прошла те же исторические этапы, что и русская философия в целом, впитав в себя экономические, политические, социальные и духовные особенности, усугубленные постоянными внешними угрозами и внутренними междоусобицами.

Пытаясь определить национальные особенности русской философии права, мы неизбежно приходим к выводу, что становление ее теоретического уровня во многом определялось отношением к западной классической философско-правовой традиции, в особенности к поднятым в ней проблемам свободы и ответственности личности, отношения права и нравственности, нравственно-правового идеала¹. Важно отметить, что восприятие идей западной философии и культуры, начиная с XVIII века, носило национально-своеобразный специфический характер, вытекающий из особенностей культурно-исторического развития России. Несмотря на то, что для отечественной философии права XVIII век носил во многом характер ученичества, русские мыслители быстро преодолели этот отрыв и сумели построить свои оригинальные концепции.

Одной из особенностей отечественного опыта теоретического осмысления права является то, что анализ вопросов правовой защищенности человека, ограничения власти государства, функционирования демократических институтов почти всегда проводился с позиций философского мировоззрения.

Среди концептуальных идей русской философии права особое место занимает положение о взаимопереплетении и взаимодополнении морали и права, единстве нравственных и правовых норм. Очень многим отечественным мыслителям свойственно стремление придать праву черты нравственности. Такая ситуация во многом проистекает из сочетания принципов христианской этики с традициями российского национального сознания и нормами обычного права. При этом необходимо отметить, что сосредоточенность на нравственно-правовых принципах в русской философии права проявлялась не только на религиозной, но и на рациональной почве, что отражало социальный универсализм отечественной духовной культуры. Так, вопросами соотношения морали и

права занимались такие мыслители нерелигиозного толка, как Г.Ф.Шершеневич, Л.И.Перажицкий, Б.Н.Чичерин и др.

Нередко как на одну из особенностей русского правопонимания и правосознания, оказавшей серьезное влияние на отечественную философско-правовую мысль, указывают на так называемый «антилегализм» русского народа, «неприятие» им права. Тема такого неприятия звучала в разное время в идеях славянофилов, народников, анархистов, революционных демократов, каждая из которых по-своему обосновывали причины невозможности признавать за правом статус ведущего начала в общественной жизни. Об «антилегализме» вспоминают и тогда, когда речь заходит о менталитете русского народа, впитавшего в себя противоположные, взаимоотталкивающие культурно-социальные традиции Востока и Запада. «Нужно помнить, что природа русского человека очень поляризованная, — писал Н.А.Бердяев, — с одной стороны — смирение, отрешение; с другой стороны — бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной стороны — сострадательность, жалостливость; с другой — возможность жестокости; с одной стороны — любовь к свободе; с другой — склонность к рабству»². Эти черты национального характера вылились в русской философии права в проблему противопоставления естественного права праву положительному, или, в другом варианте, закона в его социально-политических характеристиках (как выражение государственной силы) и закона в его нравственных, культурно-исторических характеристиках (как выражение справедливости).

Отечественные мыслители, размышляя о соотношении русского и европейского права, отмечали крайнюю формализованность и выхолащенность последнего. Русские философы стремились найти альтернативу «мертвому» европейскому праву и найти неразложимую основу «живого» права, как, например это делает в своей религиозной онтологии права С.Л.Франк, выводя принцип служения абсолютному добру и наделяя право чертами святости и истины, абсолютной правды.

Через постановку и решение философско-правовых проблем с новой силой проявилась такая особенность русской философии, как стремление к актуализации социальных проблем в качестве важнейших. Причем здесь еще раз мы видим подтверждение тому, что русская философия есть философия практическая, направленная на преобразование мира. Другой особенностью является обращенность к человеку. Показателем антропологической ориентированности русской философии права является постоянное обращение отечественных мыслителей к следующим вопросам: что есть средство, а что цель — человек или государство?, какие философские основы, ценности действительно отвечают насущным нуждам людей (являются общечеловеческими), а какие связаны с социально-политической, экономической и административной конъюнктурой правового порядка?, чего стоит целостность и социально-политический престиж государства, если единодушие его граждан сохраняется ценой их жизни?, величие для человека или человек для величия?³

Примечания

¹ Альбов А.П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (Теоретико-правовой анализ) / Автореф. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999.

² Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 153—154.

³ Шамшурин В.И. Человек и государство в русской философии естественного права // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 133.

Л.Ф.Налимова, Е.Н.Икингрин
(г.Нижевартовск)

НОВОЕ В ДОЛЖНОСТНЫХ МОДЕЛЯХ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ

Проблемы социальной ориентации российских чиновников приобрели в современных условиях особую актуальность для управленческой теории и практики. Это вызвано усложнением всей системы управленческих отношений и процессов, личных и организационных взаимодействий в институтах управления. Время диктует новые требования к сотрудникам государственных и муниципальных органов управления.

На передний план выдвигается кадровое обеспечение административной реформы, повышение и рациональное использование кадрового потенциала. Для этого в должностной модели современного государственного и муниципального служащего необходимо отразить весь комплекс ее ведущих характеристик. Эти характеристики — в конечном счете — замыкаются на социальную ориентацию чиновников.

Анализ положения дел в системе современной государственной и муниципальной службы показывает наличие противоречия между сущим и должным в самой этой службе, а также в деятельности государственных и муниципальных служащих.

Это противоречие порождается несовпадением ценностных ориентаций чиновников с реалиями государственной и муниципальной службы.

Управленческая практика показывает, что для решения большинства кадровых проблем необходима разработка общегосударственной кадровой политики. При этом необходимо учесть следующее:

➤ Изучение социальных аспектов этой политики невозможно без анализа социальной ориентации современных российских чиновников.

➤ Взаимосвязь институционального и поведенческого аспектов функционирования и развития системы гражданского и муниципального управления выступает методологической основой выявления роли чиновничества в этих процессах.

➤ Современное российское чиновничество в силу противоречивости, стихийности формирования его социальной ориентации не всегда оказывается

способным адекватно оценить и осуществить необходимые действия по преодолению имеющихся социальных дисфункций;

➤ Социальная ориентация приобретает роль одного из имманентных групп-образующих признаков, позволяющих включить категорию гражданских и муниципальных служащих в динамику взаимодействия внешней и внутренней среды их деятельности;

➤ Для современных российских чиновников переориентация на новые социальные ценности при сохранении оптимистического и конструктивного восприятия динамики общества становится одним из ключевых способов оптимизации их профессиональной деятельности;

➤ Неопределенность в обществе социального статуса современных российских чиновников способствует закреплению недостаточно четкого дифференцированного отношения с их стороны к формирующимся профессиональным и жизненным ценностям, восприятие которых у них практически не отличается от многих других социально-профессиональных групп населения;

➤ Формирование и развитие социальной ориентации современного российского чиновничества входит в число приоритетов при разработке модели современного государственного и муниципального служащего и обуславливает единство ее характеристик;

➤ В условиях формирования новой модели современного гражданского и муниципального служащего возрастает значение активизации «человеческого фактора», введение и оптимизации социальных кадровых ресурсов.

От социальных ориентаций зависит стремление гражданских служащих участвовать в рыночных реформах, преобразовании нашего государства. Социальная ориентация чиновников способна оказывать существенное влияние на функционирование и развитие государственной и муниципальной службы.

Г.А.Николаева
(г. Улан-Удэ)

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ В ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В России с начала 1990-х гг., наблюдается депопуляция населения, которая «...затронула в разной степени практически всю территорию России и почти все этнические группы»¹.

В Республике Бурятия период депопуляции продолжался с 1994 по 2005 гг. С 2006 г. наметилась тенденция к увеличению рождаемости в регионе, что и дает повод для оптимизма. Число родившихся в 2006 г. (14 193) ненамного (263 чел.), но превысило число умерших (13 930), в 2007 естественный прирост

составил 2 658 человек, а в 2008 г. увеличение рождаемости составило уже 3 555 человек².

Проблемы рождаемости напрямую связаны с гендерной культурой подрастающего поколения и молодежью. И в этой связи серьезными факторами, препятствующими воспроизводству населения, являются ранние половые контакты у подростков, высокие показатели операций по прерыванию беременности, особенно у первобеременных девушек. По статистическим данным Республики Бурятия ежегодно такие операции делают более 1 500 беременных. А общее число аборт у женщин в последние годы хоть и снижается, но, по-прежнему остается очень высоким³.

И в этой связи остро встает вопрос гендерного воспитания молодежи. На воспитание гендерной культуры большое влияние оказывают традиции.

Республика Бурятия — полиэтнична. Самыми крупными этносами являются русские — 665,5 тыс., или 66,5% от всего населения и буряты — 272,9 тыс. чел. или 27,3%⁴.

Во многих районах Бурятии проживают семейские. Семейские — группа русского населения Забайкалья, потомки раскольников. Семейских также называют старообрядцами, староверами. Значительная часть семейских живет в Бичурском, Тарбагатайском и Мухоршибирском районах Бурятской республики в России.

Изучение социокультурной жизни семейских вызывает у исследователей особенный интерес, поскольку в этническом многообразии Забайкалья среди русского населения потомки старообрядцев долгое время сохраняли черты домостроя и патриархальности.

Этническая ментальность старообрядцев в Забайкалье получила свое выражение в таких «кодексах чести», как — «не пить, не курить табак, не блудить, трудиться». До настоящего времени сохранилась еще старая форма брака, со всевозможными обрядностями. «Выбирай жену не в хороводе, а в огороде», — поучали молодого семейского парня, входившего «в возраст».

Для гендерной культуры представляют интерес родильные обряды семейских. Когда женщина родит, то все знакомые пекут пироги, шаньги, и несут ей гостинцы.

В недавнем прошлом семейские считали грехом разводиться с женой, говорили «что Бог связал, человеку не развязать», «судьба от Бога».

В гендерной культуре семейских наблюдается четкая дифференциация в воспитании мальчиков и девочек; включением их в хозяйственную повседневную деятельность семьи; использованием в воспитании словесных методов убеждения, похвалы, наставления, наказа, пожелания, реально-деятельностного примера; большое значение имеет общественное мнение.

В основе взаимоотношений между поколениями у семейских до сих пор лежит уважение к старшим: родителям, дедам и прадедам, бабушкам, старикам и пожилым людям.

По мнению этнолога и педагога Г.Н.Волкова: «... дети, конечно, нуждаются во взрослых, но едва ли взрослые нуждаются в детях меньше. Без них непременно наступило бы нравственное вырождение людей»⁵.

Процесс воспроизводства населения немислим без гендерной культуры и гендерного воспитания. Этот процесс не имеет конечной точки. Древнерусская истина гласит: «Когда хорошо воспитаешь отрока, так и он своего сына и тот вновь»⁶. В этой народной мудрости семейских заложена идея целостности и непрерывности воспитательного процесса, который должен достойно поддерживаться государством.

Примечания

¹ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. Одобрена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2001 г. № 1270 — р. г. Москва // Рос. газета 16 октября 2001 г.

² Статистический ежегодник РБ // Росстат. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по РБ. Улан-Удэ, 2008. С.18.

³ Там же. С. 147.

⁴ Национальный состав постоянного населения Республики Бурятия (Стат. Сборник № 02-03-15, часть II) Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Улан-Удэ, 2005.

⁵ Васильцова З.Н. Мудрые заповеди народной педагогики. М., 1988. С. 107.

⁶ Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII вв. Русские старожилы Сибири. М., 1973.

Р.В.Паршина
(г. Нижневартовск)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В условиях многополярного мира, образующегося в результате глобализации хозяйственной деятельности, создания новых видов социализации, толерантность выступает в качестве необходимой предпосылки в разнообразии социальных связей. Слово «толелантность» латинского происхождения, имеет почти одинаковый смысл в различных языках: в английском — готовность быть терпимым; во французском — отношение, когда человек думает и действует иначе, чем ты сам; в китайском — быть по отношению к другим великолепным; в арабском — милосердие, терпение, сострадание; в русском — умение принять другого таким, какой он есть.

В этическом плане концепция толелантности исходит еще из гуманистических взглядов эпохи Возрождения, в которых подчеркивается непреходящая ценность достоинств и добродетелей человека, в том числе достоинств (разнообразий признаков), отличающих одного человека от другого и поддерживающего богатство индивидуальных вариаций единого человеческого вида.

Значение толерантности как условия сохранения разнообразия приобретает особую актуальность в современных общественных процессах. Содействие диалогу религий, культур, цивилизаций является одной из ключевых задач российской политики. Россия — страна с традициями исламо-христианского сосуществования, в которой воплотился симбиоз двух великих цивилизаций. Сотрудничество православной и мусульманской общин всегда было в России одним из традиционных институтов стабильности общества. Одним из примеров этому — столица Республики Татарстан Казань, расположенная на пересечении торговых и культурных путей Востока и Запада, христианского и мусульманского миров, которая сформировалась как центр двух культур, православия и ислама, став примером гармоничного сочетания различных культурных пластов, межнационального мира и спокойствия. В течение продолжительного исторического периода Казань остается тем местом, где диалог двух цивилизаций торжествует над религиозной и национальной нетерпимостью, превращаясь в одну из основ российской государственности в символ успешного сотрудничества.

Многие поколения мусульман России способствовали формированию исламской цивилизации, ее сохранению и развитию. При этом мусульмане нашей страны, в течение многих веков живя с русскими и другими народами России, взаимодействуя с ними в различных областях жизни, вносили весомый вклад в развитие экономики и культуры своей Отчизны, в развитие культурных и духовных традиций России, в упрочение межнационального согласия и религиозной терпимости. Именно диалог и плодотворное взаимодействие различных конфессий, прежде всего православия и ислама, в течение более тысячи лет являлись основой развития богатейшей российской культуры.

Помимо толерантных черт в российской политике, можно выделить и историческую укорененность толерантного сознания в российском обществе. Примером этому может послужить многовековое сосуществование и диалектическое взаимодействие двух противоположных по своим мировоззренческим характеристикам общественным течениям — западников и славянофилов. Многие мыслители и общественные деятели, как и некоторые современные исследователи, выявляют и подчеркивают такие исключительные качества русского человека, как склонность к всемирной отзывчивости и всепримирению в противовес романо-германской склонности к насилию и подчинению; способность к долготерпению, всепрощению, кротости и добросердечию; всечеловечность; способность русского человека усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций.

Таким образом, можно сказать о том, что российская история и культура имеет массу примеров толерантных взаимоотношений и опыта толерантности.

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация — рост мировой взаимозависимости — ставит перед мировым сообществом новые вопросы, касающиеся глобального культурного взаимодействия. В одном из французских романов глобализация определяется как возможность чувствовать себя везде как дома и вместе с тем как бы за границей¹, т.е. наблюдается стадия глобальной стилизации², что отражается и на динамике культурных процессов. Первой попыткой теоретически осмыслить влияние взаимодействия культур на культурную динамику явилась родившаяся во второй половине XIX в. концепция диффузионизма (Ф.Ратцель, Л.Фробениус, Ф.Гребнер и др.). В отличие от сторонников эволюционизма, считавших происходящие в каждой культуре изменения продуктами ее собственной исторической эволюции, основатели диффузионизма выдвинули мысль, что культурные новшества, возникнув однажды в каком-то одном обществе, распространяются затем в другие общества. Таким образом, культурные достижения мигрируют в пространстве. Они переходят из одних культур в другие и служат главным механизмом культурной динамики. Источником культурных изменений на уровне психологической и социальной сред является феномен диффузии. Культуры развиваются путем использования случайных открытий и целенаправленных изобретений, сделанных отдельными представителями как других культур, так и своей собственной. Культуры также изменяются путем присвоения черт других культур, которые уже переняли их у своих членов. Роланд Б.Диксон в «Возведении культур» («Building of Cultures») выделил две степени диффузии, которые он назвал первичной и вторичной: первичная диффузия состоит в распространении черты или качества от отдельного человека к его социальной группе. Вторичная — заключается в распространении этой черты в других социальных группах. Диффузия черты может быть асимметричной и происходить с различными скоростями, изменяясь по мере распространения. Законы культурной диффузии все еще неизвестны; могут существовать одновременно силы культурного проникновения и совмещения³. Культурная диффузия, несомненно, происходит в истории и оказывает серьезное воздействие на динамику культуры. Однако она не исключает действия внутренних механизмов культурной эволюции. Любая инновация возникает в ходе развития культуры и претерпевает изменения в своей дальнейшей истории, а перенос этой инновации в другие культуры становится возможным не просто в силу склонности к подражательному копированию, как утверждают диффузионисты, а только при условии ее нужности для решения каких-то стоящих перед людьми задач. С одной стороны, внедрение культурного новшества идет тем быстрее, чем сильнее страны, откуда

заимствуется новшество, и чем сильнее культура-донор оказывает давление на культуру-реципиента. С другой стороны, внедрение культурного новшества идет тем медленнее, чем сильнее оно навязывается культуре-реципиенту⁴.

В заключение следует отметить, что в современную эпоху никакая локальная (национальная) культура не может существовать изолированно от других культур и лучшим вариантом будет, возможно, сосредоточить наше внимание «не столько на сходствах и различиях, сколько на тех аналогиях, которые часто скрываются в кажущихся различиях»⁵.

Примечания

¹ Бегбедер Ф. Романтический эгоист: Роман / Пер. с франц. М.Зониной. М., 2006. С. 376. (The best of Иностранка).

² Гибсон Н. Распознавание образов: [роман] / Уильям Гибсон; пер. с англ. Н.Красникова. М., 2006. С. 17, [3] с. (Альтернатива).

³ Фейблман Дж. Движение культур // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 3(9)

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

⁵ Пуанкаре А. О науке: Пер. с фр. / Под ред. Л.С.Понрягина. 2-е изд., стер. М., 1990.

А.А.Стенура
(г.Нижневартовск)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ СТУДЕНТОК, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Социальная поддержка населения является неотъемлемой частью социальной политики государства. Выделяют социологический¹, психологический², социально-педагогический³ подходы к определению понятия **социальной поддержки**.

Специалист в области социальной работы П.Д.Павленок дает следующее определение **социальной поддержке** — это содействие трудоспособным активным группам населения, временно оказавшимся в трудной жизненной ситуации⁴. Для социальной работы важно определение, данное Е.И.Холостовой. **Социальная поддержка** — это специальные меры, направленные на поддержание условий, достаточных для существования «слабых» социальных групп, отдельных семей, личностей, испытывающих нужду в процессе своей жизнедеятельности и деятельного существования⁵.

Изучив различные подходы к определению понятия **социальная поддержка**, считаем необходимым определить его как комплекс социальных мер, направленных на создание и поддержание достаточных условий существования для нуждающихся социальных групп в виде материальной, социально-бытовой, правовой, психологической, педагогической и других видах помощи.

Для студенток, имеющих детей в НГГУ, оказываются следующие виды материальной поддержки: стипендия (академическая и социальная), единовременное пособие в связи с рождением ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет, разовая материальная помощь, премирование.

Примечания

¹ См., например: Социологический словарь / URL: <http://mirslovari.com>

² См., например: Большой толковый психологический словарь. Том 2 (П-Я) М., 2003. 560 с. С. 285; Психологическая энциклопедия / URL: <http://mirslovari.com>

³ Словарь по социальной педагогике: Учебное пособие для студ. высш. заведений / Авт. сост. Л.В.Мардахаев. М., 2002. 368 с. С. 278.

⁴ Основы социальной работы. Учебник / Отв. ред. П.Д.Павленок. М., 1998. 369 с. С. 12.

⁵ Социальная работа: теория и практика. Учебное пособие / Отв. ред. Е.И.Холостова, А.С.Сорвина. М., 2001. 427 с. С. 76.

А.В.Хлевнова
(г.Нижнеартовск)

ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ БЕЗРАБОТНЫХ ЖЕНЩИН

В настоящее время актуальной остается проблема женской безработицы, которая требует решения путем внедрения в практическую деятельность учреждений специальных методов и социальных технологий.

Для оказания помощи женщинам, находящимся в поиске работы, Нижнеартовский центр занятости населения реализует технологию социально-правового информирования. *Цель технологии* — информированность женщин о нормативно-правовых актах, защищающих их права.

Нормативно-правовыми документами, на основании которых реализуется данная технология, выступают: Конституция РФ; Семейный кодекс РФ; Трудовой кодекс РФ; Гражданский кодекс РФ; Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «О поддержке семьи, материнства, отцовства и детства ХМАО — Югре» от 07.07.2004; ФЗ № 256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006.

Технология социально-правового информирования женщин состоит из нескольких этапов. *На первом этапе* разрабатывается и проводится анкета, с целью выявления уровня информированности женщин в области нормативно-правового обеспечения по защите их прав. Затем происходит обработка результатов. Анкетирование безработных женщин выявило низкий уровень информированности женщин в области правового обеспечения, 70% женщин не знают законы, защищающие их права, 90% опрошенных не использовали знание законов в решении различных жизненных ситуаций.

На основании полученных данных разрабатываются мероприятия, направленные на повышение уровня информированности женщин в области нормативно-правового обеспечения. Проводится информирование сотрудников организаций и предприятий, планирующих высвобождение работников, о возможности опережающего обучения, оказываются информационно-консультационные услуги по открытию собственного дела, проводятся консультации по вопросам социально-правового обеспечения, а также ярмарки вакансий и встречи между работодателями и незанятым населением.

Вторым этапом реализации технологии информирования выступает организация сотрудничества с различными учреждениями города, для оказания социально-правовой помощи женщинам.

Завершающим этапом в технологии социально-правового информирования выступает выдача направлений на бесплатные юридические консультации со специалистом Центра с целью повышения информированности женщин по защите их прав.

Основными *методами работы* являются: проведение консультаций (по вопросам, связанным с правом граждан на социальное обслуживание в государственной, муниципальной и негосударственной системах социальных служб и защиту своих интересов); содействие в получении психолого-педагогической и правовой помощи (предоставление направления клиентам на бесплатную юридическую помощь); выпуск буклетов и брошюр о деятельности различных учреждений и о мерах социальной поддержки.

В процессе реализации технологии *специалист по социальной работе* оказывает помощь в выделении проблем клиента; выполняет роль организатора, распространителя брошюр. *Клиент* активно принимает участие в проведении диагностических методик, сотрудничает с различными специалистами Центра, включается в процесс помощи, тем самым способствует осознанию собственной проблемы.

Ожидаемыми результатами технологии социально-правового информирования будут являться повышение уровня информированности женщин о действующих законах, регулирующих и защищающих их права; использование брошюр, буклетов для решения личностных проблем.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады	3
<i>Бурханов Р.А.</i> Метафизика надежды Габриэля Марселя	3
<i>Емельянов Б.В.</i> Культурно-исторические гнезда России (конспект исследования)	6
<i>Каранда М.В.</i> Духовное воспитание студенчества средствами христианских реминисценций в литературной сказке XIX века	8
<i>Колотова О.А.</i> Образ зеркала в лирике А.Ахматовой как отражение поиска самоидентичности	10
<i>Личковах В.А.</i> Под сигнатурой святителя Николая. Храмовый комплекс памяти погибших на водах	15
<i>Маслюк Л.И., Столяр М.Б.</i> Идеал смиренномудрия в художественном фильме П.Лунгина «Остров»	25
<i>Наумов Н.Д.</i> К проблеме личности в отечественной и зарубежной философии и психологии.....	30
<i>Новикова М.М.</i> О проблемах и тенденциях современного искусства.....	34
<i>Полищук В.И.</i> Понятие меры в культурологии.....	36
<i>Яркова Е.Н.</i> Культура как универсум смыслов	38
Секция 1. Философские, теоретико-методологические проблемы культуры	
<i>Гасникова С.Ю.</i> Диалектика субкультурных связей: диалог как основание единства культуры	54
<i>Гумерова Г.А.</i> Логические принципы Г.В.Лейбница	55
<i>Красько Г.Х.</i> Неразгаданный русский философ	57
<i>Красько Р.В.</i> Культурные воззрения А.А.Богданова	58
<i>Кудаярова М.К.</i> Хосе Ортега-и-Гассет о массах и элите	60
<i>Налимова Л.М.</i> Сектантство в России.....	61
<i>Никулина О.В.</i> Философия культуры Эрнста Кассирера	63

<i>Павлова О.Д.</i> К вопросу о семиотике культуры.....	65
<i>Побединский В.Н.</i> Между философией, политикой и культурой: евразийство и «игры» советской разведки	67
<i>Самохина Н.Н.</i> Этос культуры Р.Бенедикт	69
<i>Скульмовская Л.Г.</i> Культура как суперсистема	70
<i>Степанец А.А.</i> Сократ и Э.Роттердамский.....	72
<i>Тухтеева Г.Т.</i> Проблема субъекта как основополагающая проблема в экзистенциальной философии.....	74
<i>Шахова О.Ю.</i> «Исповедь» Л.Н.Толстого: поиск и обретение смысла жизни.....	76
<i>Юсупова Ф.Н.</i> Метафизика разума и метафизика сердца в европейской философии и культуре.....	79

Секция 2. Проблемы истории культуры, отечественной и региональной культурологии

<i>Бауэр Е.А.</i> Отражение идеи «Москва — третий Рим» в русской книжности конца XV — начала XVII вв.: итоги и задачи изучения.....	81
<i>Балкунова А.С.</i> К вопросу о социально-лингвистических особенностях никнейма.....	82
<i>Ганопольский М.Г., Ерьско Х.Д.</i> Освоение как стратегема отечественной культуры.....	84
<i>Засыпкин С.Н.</i> «Карнавальное видение» инвективы: возможности и границы	85
<i>Казакова Н.С.</i> Возможности национально-регионального компонента в гражданско-патриотическом воспитании.....	87
<i>Казначеева Н.М.</i> Художественное образование как подсистема социального института образования: региональный аспект.....	90
<i>Керн Л.А.</i> Мифологическое мышление и символ.....	93
<i>Кускова О.Е.</i> О некоторых элементах языческой культуры в древнерусской антропологии XI—XIII вв.	94
<i>Краснобородкина А.Г.</i> Принципы организации предметно-пространственной среды в творчестве Андреа Бранчи.....	96

<i>Лицук Ж.В.</i>	
Мемуаристика как объект культурологического анализа: к постановке проблемы.....	97
<i>Мазин В.А.</i>	
Летние праздники коренных жителей Югры (к вопросу о сохранении этнических традиций).....	99
<i>Мезрин М.И.</i>	
Международное движение «Что? Где? Когда?» как субкультура.....	102
<i>Мухаметнурова О.У.</i>	
Современная российская культура: проблема самоопределения.....	103
<i>Никифорова А.А.</i>	
Природное и историко-культурное наследие: современный подход к проблеме.....	106
<i>Ниязова Н.В.</i>	
С.Ф.Платонов о «Всепеньейшием и Всешутейшем соборе» в культуре петровской эпохи.....	108
<i>Халтурин Ю.Л.</i>	
Интерпретации масонских символов в русском масонстве.....	110
<i>Целищева З.А.</i>	
Символы зла и возмездия в западноевропейской средневековой культуре.....	112
<i>Федоров Р.Ю.</i>	
Колонизация и освоение: основные культурные смыслы.....	115
<i>Черемнова Г.А.</i>	
Формирование основ профессионально-нравственной культуры в европейском Средневековье.....	116
<i>Шепель О.В.</i>	
Промышленные выставки XIX века как культурно-исторический феномен.....	118
<i>Юсупов М.Р.</i>	
Культурно-просветительская деятельность и модернизация страны.....	119

Секция 3. Образование и культура

<i>Гасымова Г.А.</i>	
Духовно-нравственное воспитание учащихся через предмет «Основы православной культуры» (из опыта работы).....	121
<i>Даутова Л.А.</i>	
К вопросу о содержании социальной работы с ветеранами боевых действий.....	127
<i>Жмакина Н.Л.</i>	
Развитие творчества младших школьников на уроках технологии.....	128
<i>Коваленко С.В.</i>	
Особенности общения подростков со сверстниками в социальной среде.....	130
<i>Криворотов Д.А.</i>	
Особенности процесса регионализации образования в России.....	131
<i>Кругликова Г.Г.</i>	
Проектная культура специалиста по социальной работе.....	134

<i>Левашова И.И.</i>	
Формирование учебно-познавательной компетентности как важнейший аспект подготовки детей к школе	136
<i>Линкер Г.Р.</i>	
Социально-культурный аспект деятельности педагогических отрядов	137
<i>Меньщикова Е.В.</i>	
Формирование готовности студентов экономического вуза к деловому межнациональному общению	138
<i>Миняева Е.А.</i>	
Сущность понятия «компетентность». Основные подходы к определению понятия «компетентность»	140
<i>Ниязова Х.Н.</i>	
Формирование гражданской ответственности и патриотизма студенческой молодежи	142
<i>Овсянникова С.К.</i>	
Формирование исследовательской культуры студентов как системообразующего компонента профессиональной культуры педагога	145
<i>Польнская И.Н.</i>	
Образование школьников в условиях поликультурного общеобразовательного пространства	146
<i>Пронина Е.И.</i>	
Некоторые особенности формирования мировоззрения российской молодежи	148
<i>Радионов М.В.</i>	
Развитие эстетических и нравственных качеств детей младшего школьного возраста средствами спортивных бальных танцев	149
<i>Радионова Л.В.</i>	
Валеологическая культура как неотъемлемая часть общей культуры личности	151
<i>Рубцова Н.Г.</i>	
Воспитание экологической культуры младших школьников через организацию внеурочной деятельности	152
<i>Тухтиева Н.Х.</i>	
Условия смены стратегий решения задач Лачинса	154
<i>Хворова О.В.</i>	
Культурологический взгляд на воспитание	155
<i>Шеринева В.В.</i>	
Об использовании эстрадной музыки в процессе общего музыкального образования старшеклассников	157

Секция 4. Культура и искусство

<i>Агадилова Г.В.</i>	
Об особенностях творческой личности	160
<i>Березуцкая Л.В.</i>	
Этнохудожественные особенности прикладного искусства обских угров	163
<i>Буханов В.А.</i>	
Арт-терапия: общая характеристика и история развития	164

<i>Бычков Ю.А.</i> К вопросу о происхождении сакрального значения образа птицы в культуре северных народов	166
<i>Дмитриев В.А.</i> Формирование духовности средствами музыкального искусства	167
<i>Исаева М.В.</i> Метафоры света в живописи нового времени	169
<i>Куприянова Ю.С.</i> Некоторые аспекты отношений современного искусства и капитала.....	170
<i>Мартыненко Л.Р.</i> Музыкальное пространство русской литературы в контексте русской культуры XIX века	172
<i>Мартышкина Т.Н.</i> Импрессионизм в традициях Запада и Востока: мировоззренческие параллели	173
<i>Моргунова Н.В.</i> Индустриальное направление в музыке XX столетия	175
<i>Нартимова О.Ю.</i> Трансформация византийского канона в русском Храмовом искусстве.....	176
<i>Обухова Ю.А.</i> «Арт деко — в искусстве и дизайне XX века»	179
<i>Перевозчикова Н.Ю.</i> Художественный канон древнерусского певческого искусства.....	181
<i>Рахимкулова И.Ф.</i> Женские образы на рекламных щитах г.Нижневартовска	182
<i>Фархутдинова С.Г.</i> Развитие эстетического понимания действительности	184
<i>Хазеева И.Н.</i> Проблема компетенций в музыкальном образовании.....	186
<i>Шевчук М.А.</i> Творческая деятельность как неотъемлемая часть профессиональной подготовки будущего специалиста.....	187
<i>Шевчук А.А.</i> Специфика музыкального искусства.....	189
<i>Шепель О.В.</i> Зарождение и становление дизайна на основе развития предметно-пространственного окружения человека	191

Секция 5. Социально-правовые вопросы культуры

<i>Гадзовский С.А.</i> Субкультура рыцарства в контексте политической и правовой культуры средневековой Европы	193
<i>Ганопольский М.Г., Юркин А.В.</i> Землячество как социокультурное явление: традиционный смысл и современная трансформация	195

<i>Горянская А.К.</i>	
Социокультурная реабилитация граждан пожилого возраста	196
<i>Гутова С.Г.</i>	
Формирование гендерных ролей в современном обществе	197
<i>Девятов В.Я.</i>	
Политическая и правовая культура современной России	200
<i>Думрауф А.С.</i>	
Формы и методы воздействия массовой коммуникации на общественное сознание	201
<i>Клименко А.А.</i>	
Корпоративная и организационная культура: сходства и различия	205
<i>Кнельц И.А.</i>	
Культура взаимоотношений органов власти и населения	206
<i>Колясникова С.А.</i>	
Тренинги толерантности	208
<i>Лайтер А.В.</i>	
Политическая и правовая культура славянофилов	209
<i>Лицук А.А.</i>	
О национальных особенностях русской философии права	213
<i>Налимова Л.Ф., Икингерин Е.Н.</i>	
Новое в должностных моделях российских чиновников	215
<i>Николаева Г.А.</i>	
Роль традиций в гендерной культуре семьи (на примере республики Бурятия)	216
<i>Паршина Р.В.</i>	
Толерантность в социокультурном пространстве России	218
<i>Сологуб Т.Г.</i>	
Динамика культурных процессов как следствие развития глобализации	220
<i>Степура А.А.</i>	
К вопросу о социальной поддержке студентов, имеющих детей	221
<i>Хлевнова А.В.</i>	
Технология социально-правового информирования безработных женщин	222

Научное издание

ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ВИДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Материалы VII Международной научной конференции

г. Нижневартовск, 3 декабря 2009 года

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 01.12.2010
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Arial. Усл. печ. листов 14,5
Тираж 500 экз. Заказ 1133

*Отпечатано в Издательстве
Нижневартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

